

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Вестник МГОУ

Политология

Психология

Филология

4 / 2021

ISSN (Online) 2224-0209

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Основан в 2010 году

№ 4 / 2021

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки);
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки);
- 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки);
- 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки);
- 10.02.19 – Теория языка (филологические науки).

BULLETIN OF MOSCOW STATE REGION UNIVERSITY

Founded in 2010

№ 4 / 2021

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications
of the Higher Attestation Commission in the following groups of scientific
specialties:**

- 23.00.00 – Political Science (23.00.01 – Theory and Philosophy of Politics,
History and Methodology of Political Science,
23.00.02 – Political Institutions, Processes and Technologies);
- 19.00.00 – Psychological sciences (19.00.05 – Social psychology,
19.00.07 – Pedagogical psychology);
- 10.02.00 – Philological Sciences, Linguistics (10.02.19 Language Theory).

Учредитель издания:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Московский государственный областной университет

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н. С. – д.псх.н., доц., проф. Московский государственный областной университет;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина;

Манойло А. В. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., доц. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – к. п. н., доц., Московский государственный областной университет;

Ширинац А.А. – д.пол.н., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Бауэр Е.А. – д.псих.н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Скрипкина Т.П. – д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Степанов В.Г. – канд.псх.н., проф., Московский педагогический государственный университет;

Суворова О.В. – д.псх.н., проф., Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина;

Цветкова Н.А. – д.псх.н., доц., Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Закарпатский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Хухуни Г. Т. – д.филол.н., проф., заведующий кафедрой теории языка и англистики (Московский государственный областной университет).

BULLETIN MRSU

Electronic scientific journal «Bulletin MRSU» was established in 2010.
Founder: Moscow Regional State University.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № ФС77-43477.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2224-0209.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; Moscow Region State University

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of Moscow Region State University;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow Region State University;

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow Region State University;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Professor of Moscow Region State University;

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Urals Federal University named after Yeltsin B.N.;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. — PhD in Political Sciences, Associate Professor of Moscow Region State University;

Feofanov Konstantin A. — Doctor of political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the MFA of Russia;

SHirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences, candidate of philosophical Sciences, head of chair of history of socio-political doctrines, faculty of political science Lomonosov Moscow State University;

Stoll Vladimir V. — Doctor of Political Sciences, Professor of Central European university in Skalitsa (Slovakia).

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Ol'ga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Noss Igor N. — doctor of psychological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Stepanov Vladimir G. — candidate of psychological Sciences, Professor, Moscow state pedagogical University;

Tolstikova Svetlana N. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow City Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University, Cyril and Methodius University in Trnava, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvatiya);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Sipko Joseph — Ph. D. In Philology, Doctor, Professor (Preshov University (Slovakia)).

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

КОНТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

Абрамов А. В.

НЕЗАПАДНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ 8

Абрамян А. С.РИМСКОЕ ПРЕЕМСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ ХРИСТИАНСКИХ КОРОЛЕВСТВ
НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВ СВ. ИСИДОРА СЕВИЛЬСКОГО («ИСТОРИЯ ГОТОВ,
ВАНДАЛОВ И СВЕВОВ») 25**Воропаева М. А.**ОТЧЁТ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ КАК НОВАЯ ПОЛИТИКО-
КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА: ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И МЕХАНИЗМ
ВНЕДРЕНИЯ 38**Головихина О. С.**ОСОБЕННОСТИ ВЫСТРАИВАНИЯ КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С ЗАИНТЕРЕСОВАННОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ АТОМНОЙ
ОТРАСЛИ РОССИИ) 49**Коньков А. Е.**ЛАТЕНТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ: ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ 62**Манойло А. В.**

ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ 80

Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И.ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕНДАХ «НОВЫХ МЕДИА»
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 104**Прокудин Б. А.**«МАНИФЕСТ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ КРИТИКИ»: ПОЛЕМИКА Н. П. ГИЛЯРОВА-
ПЛАТОНОВА И А. А. ГРИГОРЬЕВА ВОКРУГ «СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ»
С. Т. АКСАКОВА 121

Тальская О. Д.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ	136
---	-----

Щенина О. Г.

«НОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ	146
---	-----

ПСИХОЛОГИЯ

Крамаренко Н. С., Крюков Е. В.

МИКРООБУЧЕНИЕ В НЕПРЕРЫВНОМ ОБРАЗОВАНИИ ПЕДАГОГА В МИРЕ VUCA	156
---	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Борисенко Т. В.

АКТУАЛИЗАЦИЯ СУБКТЕГОРИАЛЬНОГО КОНЦЕПТА <i>МНОГОДЕТНОСТЬ</i> В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM	168
---	-----

Борисова И. В.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЯ «АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ	178
--	-----

Дёмкина Ю. А., Кислякова Е. Ю.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА (НА ПРИМЕРЕ КЛЮЧЕВЫХ АВТОРСКИХ КОНЦЕПТОВ)	197
---	-----

POLITICAL SCIENCE

A. Abramov

NON-WESTERN POLITICAL SCIENCE: NATIONAL SCIENTIFIC SCHOOLS 9

A. AbramyanROMAN SUCCESSION AND THE MAKING OF CHRISTIAN KINGDOMS:
EXAMPLIFIED BY ST. IDISORE OF SEVILLE'S WRITINGS ("HISTORIA DE REGIBUS
GOTHORUM, VANDALORUM ET SUEVORUM")..... 25**M. Voropaeva**REPORT BY THE DEPUTY OF THE STATE DUMA AS A NEW POLITICAL
AND COMMUNICATIVE PRACTICE: REGULATORY ISSUES AND THE MECHANISM
OF IMPLEMENTATION 39**O. Golovikhina**DEVELOPING CONSTRUCTIVE INTERACTION WITH THE STAKEHOLDERS
AND PUBLIC (THE EXAMPLE OF THE NUCLEAR INDUSTRY OF RUSSIA) 50**A. Konkov**LATENT MECHANISMS IN PUBLIC SPACE OF STATE POLICY: APPROACHES
AND INTERPRETATIONS 63**A. Manoilo**

EVOLUTION OF INFORMATION OPERATIONS..... 81

M. Martynov, A. GaberkornPATRIOTIC DISCOURSE IN "NEW MEDIA" IDEOLOGICAL TRENDS
IN MODERN RUSSIA..... 105**B. Prokudin**"THE MANIFESTO OF SLAVOPHILE CRITICISM": CONTROVERSY BETWEEN
NIKITA GILYAROV-PLATONOV AND APOLLON GRIRORIEV ABOUT SERGEI
AKSAKOV'S NOVEL "FAMILY CHRONICLE" 121

O. Talskaya

**HISTORICAL STRATEGIES OF STABILIZING THE SOCIO-POLITICAL SITUATION
IN CENTRAL ASIA 137**

O. Shchenina

“NEW EDUCATION” AS A POLITICAL PROJECT IN THE NETWORK SOCIETY 147

PSYCHOLOGY

N. Kramarenko, E. Kryukov

MICROLEARNING IN TEACHER LIFELONG EDUCATION IN THE VUCA WORLD 157

PHILOLOGICAL SCIENCES

T. Borisenko

**SUBCATEGORIAL CONCEPT *MULTI-CHILD PARENTING* ACTUALIZATION
IN RUSSIAN SOCIAL NET INSTAGRAM. 169**

I. Borisova

**LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTING THE “AMERICAN DREAM” CONCEPT
IN THE MODERN ENGLISH-LANGUAGE INTERNET DISCOURSE 179**

Yu. Demkina, E. Kislyakova

**REPRESENTATION OF THE INDIVIDUAL AUTHOR’S WORLD-VIEW IN THE WORK
OF HENRY JAMES (BASED ON KEY AUTHOR’S CONCEPTS) 198**

УДК 32.001

Абрамов А. В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

НЕЗАПАДНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

АННОТАЦИЯ

Цель. Определение обоснованности использования термина «национальная политологическая школа» применительно к политической науке в странах Азии, Африки и Латинской Америки; выявление специфики исследований незападных политологов по сравнению с трудами их западных коллег.

Процедура и методы. Определены критерии, характеризующие национальные научные школы, по которым произведено сопоставление развития политической науки в разных регионах современного мира. В статье применены инструментарий политической компаративистики, методы анализа, синтеза, обобщения.

Результаты. Установлена обоснованность использования категории «незападная политология» как обобщающего понятия для характеристики политологических школ Азии, Африки и Латинской Америки. Характерной чертой таких школ выступает выявление особенностей местного политического процесса в сопоставлении со странами Запада. Объяснением специфики выступают концепции цивилизационного своеобразия регионов, сформулированные мыслителями XIX–XX вв. и развитые современными политологами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение современной политологии и служат иллюстрацией борьбы в современной общественной науке глобальной и национальной объяснительных моделей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

научная школа, национальная научная школа, политология, незападная политология, цивилизационно-культурное своеобразие регионов

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Национальная научная школа: понятие и критерии](#)

[Латиноамериканская политологическая школа](#)

[Азиатские политологические школы](#)

[Африканская политологическая школа](#)

[Закключение](#)

A. Abramov

*Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

NON-WESTERN POLITICAL SCIENCE: NATIONAL SCIENTIFIC SCHOOLS

ABSTRACT

Aim. Determination of the validity of the use of the term “national political science school” in relation to political science in Asia, Africa and Latin America; identification of the specifics of the research of non-Western political scientists in comparison with the works of their Western colleagues.

Methodology. The criteria characterizing national scientific schools are determined, according to which the development of political science in different regions of the modern world is compared. The article uses the tools of political comparative studies, the method of analysis, synthesis, generalization.

Results. The validity of the use of the category “non-Western political science” as a generalizing concept for the characteristics of political science schools in Asia, Africa and Latin America is established. A characteristic feature of these schools is the identification of the local political process peculiarities in comparison with Western countries. The explanation of the specifics are the concepts of the civilizational originality of the regions, formulated by thinkers of the XIX–XX centuries and developed by modern political scientists.

Research implications. The results of the study contribute to the study of modern political science and serve as an illustration of the struggle in modern social science of global and national explanatory models.

KEYWORDS

scientific school, national scientific school, political science, non-Western political science, civilizational and cultural identity of regions

ВВЕДЕНИЕ

Борьба тенденций глобализации и регионализации международных отношений закономерно находит своё отражение в социальной и гуманитарной науках. Одним из индикаторов, позволяющих определить «глобалистскую» или «националистическую» ориентацию того или иного учёного, является его отношение к понятию «национальная научная школа». Приверженцы глобализации отрицают какую-либо национальную специфику науки, провозглашая тезис о наднациональном характере науки. Сторонники национального своеобразия, напротив, акцентируют внимание на особенностях общественных наук, обусловленных, с их точки зрения, цивилизационно-культурными различиями стран или регионов.

Противником понятия «национальная школа» являлся, например, американский социолог Р. Мертон, считавший науку наднациональным феноменом и интернациональным достоянием. Иного мнения придерживался

соотечественник Р. Мертон Н. Смелзер. Он указывал, что национальные научные школы существуют, поскольку учёные мыслят на разных языках и в своих научных публикациях анализируют преимущественно национальную проблематику [6].

Представители обеих точек зрения имеются и в современной российской политологии. В своей совместной работе М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль и Ю. Е. Фёдоров встают на позиции Р. Мертона: «Научные знания в любой области, будь то математика, физика, экономика или политика, не могут быть “прописаны” в изолированные национальные “квартиры”... – пишут они. – Будучи при своём зарождении сопряжёнными с той страной, к которой принадлежат их создатели, научные идеи становятся общим достоянием, “переводятся” в понятия и термины иных академических традиций или же получают новую жизнь в других культурах и языках. Потому нет и не может быть самодостаточной и уникальной российской, американской, немецкой или, например, индийской политической науки» [7, с. 158]. Иной позиции придерживается А. Г. Здравомыслов. «...Истина, кем бы она ни была сформулирована, – отмечает он, – не может быть только национальным достоянием. Однако путь к ней всегда обусловлен конкретными социальными обстоятельствами исследователя, направления или школы, среди которых немалую роль играют особенности национального мышления или специфика национального менталитета» [6, с. 115]. Об особенностях развития политологии в различных регионах и странах мира говорят политологи Ю. В. Ирхин [22, с. 55] и Л. Н. Верченев [2].

Маркером приверженности политолога к той или иной позиции является его отношение к концепту «незападной политологии» [25]. Определение обоснованности использования данного термина, его содержательная наполненность выступают целью настоящей работы. Реализация указанной цели предполагает решение ряда задач, среди которых – определение самого понятия «национальная научная школа», выделение критериев отнесения к ней и, наконец, характеристика регионов в соответствии с выделенными критериями.

НАЦИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА: ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ

Научную школу определяют как «группу учёных, осуществляющих прямой обмен полученными результатами, обладающую общей системой ценностей и стилем предоставления результатов и возглавляемую ученым-лидером, превосходящим по классу остальных участников группы и являющимся для них высшим авторитетом-экспертом» [20, с. 500]. Указанное определение может быть принято как операциональное, что, впрочем, не исключает его детализации путём выделения ряда дополнительных критериев идентификации национальной школы. Опираясь на удачный опыт сравнительного ис-

следования политической науки в странах Западной Европы [9], в качестве критериев отнесения к национальной политологической школе можно использовать следующие:

- наличие субъектов научного познания – учёных, образующих научное сообщество;
- осуществление коммуникации – обмена полученными достижениями через книги, научные статьи, выступления на конференциях и пр.;
- наличие авторитетных учёных, определяющих направления развития научной школы;
- существование программы – перечня проблем, на решение которых ориентируются исследователи;
- функционирование организационных структур: профессиональных объединений, вузов, научных учреждений и так называемых «мозговых центров» («фабрик мысли») – экспертно-аналитических центров, разрабатывающих рекомендации для правящих кругов;
- наличие определённого стиля научной работы: традиций, особенностей научного языка и др.;
- взаимосвязь научной и педагогической деятельности – передача знаний от поколения к поколению, целенаправленная подготовка учёных в русле определённой научной традиции.

Исходя из вышеизложенного, предпримем попытку¹ характеристики национальных политологических школ, относящихся к незападному (неевропейскому и неанглосаксонскому) миру.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Особое место в мире занимают страны Латинской Америки, политологи которых образуют отдельную политологическую школу.

Среди факторов, предопределивших цивилизационную специфику региона и, соответственно, проблематику политических исследований, можно назвать, во-первых, культурное влияние Европы (испанский, португальский языки и католичество), во-вторых, политическое и экономическое воздействие США и, в-третьих, традиции и обычаи индейцев. Показательно, что сам термин «Латинская Америка» был введён в оборот в середине XIX в. самими южноамериканцами (чилийским философом Ф. Бильбао и колумбийским писателем Х. Кайседо) для демонстрации отличия их региона от Америки Северной, «англо-саксонской» [21, с. 178].

Значительное влияние на формирование предметного поля латиноамериканской политологии оказали идеи С. Боливара и Х. Марти – борцов за

¹ Предшествующие попытки автора идентифицировать незападные политологические школы см. здесь: Абрамов А. В., Дмитриев А. Е., Абрамова Ю. А. Основы общей политологии. М.: Графпресс, 2009. С. 132–134; Абрамов А. В. 12 лекций по политологии. М.: ИИУ МГОУ, 2013. С. 79–82.

освобождение южноамериканских колоний от Испании. Сторонники независимости рассматривали свою родину как особую самобытную цивилизацию, в истории и культуре которой сочетаются традиции христианской Европы и доколумбовой Америки. На этом основании они призывали народы Латинской Америки к политическому единству вплоть до образования на континенте единого федеративного государства. Независимость и будущее величие связывались с республиканской формой правления и сильной президентской властью [4].

Вопросы о независимости Латинской Америки и перспективах демократического развития стран региона оставались главными темами политологических исследований на протяжении XX–XXI вв. Роль стран Латинской Америки в современном мире была оценена прежде всего с экономических позиций. Итогом такого осмысления стали концепции «периферийного капитализма» и слаборазвитости («субразвития»). Их сторонники (Р. Пребиш, С. Фуртаду, Ф. Кардозу, Э. Фалетто, Т. Дос Сантос, Р. Марини, А. Монтоверде и др.) констатировали экономическую отсталость стран Латинской Америки, объясняя сложившееся положение политикой США и Западной Европы, целенаправленно выкачивающих ресурсы из стран третьего мира [18]. По мнению исследователей, такая слаборазвитость порождает специфические латиноамериканские болезни: бедность значительной части населения и политическую нестабильность (частые военные перевороты) [см. подр.: 1].

Иначе смотрели на проблему независимости региона представители латиноамериканской геополитики Э. Бакхаусер, Г. Э Сильва, Т. Де Кастро, Л. Родригес, Э. Гейзель и др. По их мнению, только сильная государственная власть, межстрановое сотрудничество и союз с США позволят Латинской Америке стать влиятельной силой на международной арене. Вопрос о возможности осуществления странами региона «автономной» внешней политики в условиях их зависимости от лидеров глобального мира является темой исследований латиноамериканских политологов и сегодня [19; 21].

Другим программным вопросом латиноамериканской политологии стала оценка перспектив демократии в регионе. В 1970–80-х гг. значительная часть исследователей указывала на то, что процесс демократизации в регионе тормозит низкий уровень жизни населения. Необходимость преодоления социального, политического, экономического гнёта, но не с оружием в руках, а со «Словом Божиим», стала основным пунктом программы популярного в тот период времени движения «теология освобождения». Демократия, полагал один из основоположников «теологии» Г. Гутьеррес, невозможна без свободы, но та, в свою очередь, подразумевает реализацию принципов социальной справедливости [13, с. 117].

К началу XXI вв. положение с демократией в регионе улучшилось. Политологи Г. О’Доннелл, А. Арато, Ф. Кальдерон, М. Гарретон в своём докладе, подготовленном в 2004 г. для ООН, констатировали, что эпоха военных пере-

воротов в Латинской Америке миновала и в практику вошли демократические выборы. Однако значительная часть социальных проблем, указывали учёные, по-прежнему не решена. Среди этих «пугающих слабостей демократии» (понятие введено политологом Х. Кастаньедой) исследователи выделяют неэффективность политических институтов (Х. Инсульса), коррупцию и неуважение к закону (Д. Соватто), высокий уровень преступности, наркотрафика и терроризма (Ф. Аравена) [5].

Для обозначения современных латиноамериканских политических режимов аргентинско-американский политолог Г. О’Доннелл предложил использовать понятие «делегативная демократия». По его мнению, такой режим имеет только одну черту настоящего народовластия – выборность высших органов управления. В остальном политические системы Латинской Америки остаются прежними: слабо институализированными, пронизанными местничеством и коррупцией [17].

Постепенно в Латинской Америке сформировалось политологическое сообщество. Учёные объединены в национальные ассоциации политических наук. Наиболее представительные из них действуют в Аргентине, Бразилии, Чили и Мексике. Старейшим из названных политологических сообществ является Чилийская ассоциация политических наук (АССР), основанная в 1966 г. Аргентинская ассоциация политического анализа (SAAP) и Бразильская ассоциация политических наук (АВЕР) значительно моложе: первая была создана в 1982 г., вторая – в 1986 г. Позже всех была создана Мексиканская ассоциация политических наук (АМЕСИП). Все сообщества насчитывают по несколько сотен индивидуальных и коллективных членов (например, Аргентинская ассоциация насчитывает 700 чел.), выпускают научные журналы (в том числе и англоязычные), проводят конгрессы, круглые столы, конференции, семинары и конкурсы².

Стимулом к развитию латиноамериканской политологии стало проведение конгрессов Международной ассоциации политической науки. В Южной Америке они проходили трижды: в Бразилии (Рио-де-Жанейро, 1982 г.), Аргентине (Буэнос-Айрес, 1991 г.) и Чили (Сантьяго, 2009 г.)

О востребованности латиноамериканской политологии свидетельствует наличие в регионе более 750 «мозговых центров». В их числе – «Аргентинский институт исследований в области реальной политики», «Фонд Чили», Фонд Персео Абрамо (Бразилия), Фонд Либерта Сереньи (Уругвай) и др. «...“Мозговые центры” в Латинской Америке, – отмечает исследователь И. В. Михайлин, – выполняют важные задачи по анализу преимущественно национальных и региональных проблем, формулированию рекомендаций

² Здесь и далее данные о национальных Ассоциациях политической науки приведены на основании анализа информации, размещённой на сайте Международной ассоциации политической науки. См.: About Collective Membership // International Political Science Association : [сайт]. URL: <https://www.ipsa.org/membership/collective> (дата обращения: 20.09.2021).

для властных структур по изменению экономической и социальной политики в направлении более полного учёта интересов и потребностей широких слоёв населения» [16, с. 117].

Крупнейшими политологическими центрами являются и университеты Южной Америки, осуществляющие подготовку бакалавров, магистров и докторов политологии. Впрочем, в силу невысокого уровня жизни в большинстве стран региона высшее образование вообще и политологическое в частности остаётся для многих недостижимой мечтой. Всё это, разумеется, тормозит развитие политической науки.

АЗИАТСКИЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

Среди азиатских политологических школ необходимо прежде всего отметить **японскую**. По замечанию политолога М. Маруямы, двумя главными темами исследований современных политологов страны восходящего солнца стали определение специфики собственной политической системы и выяснение причин устойчивости в Японии западной модели демократии. Среди крупнейших исследователей Японии можно назвать: А. Фукуду и Т. Иноуги – авторов работ в области теории политики; Т. Кисиму, Ю. Като, М. Коно – исследователей внутренней политики Японии; Т. Сирайси, Р. Каратани, С. Сюдо и Х. Синоду – исследователей внешней политики.

В 1948 г. политологи образовали Японскую ассоциацию политической науки (JPSA), насчитывающую сегодня более 1600 участников и несколько десятков университетских кафедр политической науки. Средствами политической коммуникации политологов Японии служат научные журналы, такие как «Анналы политической науки» (издаётся с 1955 г.), «Японский журнал по политической науке» (издаётся с 1999 г. на английском языке), «Электоральные исследования», «Международные отношения», «Международные отношения Тихоокеанского региона» и др. Несмотря на то, что японская политическая наука замкнута в себе – учёные мало публикуются на английском языке и редко получают образование за границей, – её голос очень важен для современной политологии [8]. Своеобразным фактом признания значимости японской политической науки для современного мира стало проведение в 2006 г. в японском городе Фукуока XX Всемирного Конгресса Международной ассоциации политической науки.

В **Южной Корее** политология как наука была признана в 1953 г. Но реальные исследования, так же как и деятельность политологической ассоциации (KPSA), начались лишь после падения военной диктатуры в конце 1980-х гг. В отличие от японских политологов их южнокорейские коллеги активно учатся на Западе: из более 2,2 тыс. обладателей учёной степени около 600 защитили свои диссертации в США. На английском языке печатаются и наиболее известные корейские издания: «Журнал восточно-азиатских иссле-

дований» и «Журнал по сравнительному управлению». Но преобладающим языком исследований и преподавания всё же остаётся корейский. Кроме научных публикаций, средством коммуникации политологов выступают национальные и международные научные конференции.

Главными темами политологических изысканий становятся проблемы демократизации в Корее и Юго-Восточной Азии в целом (Дж. К.-Ч. О, С. Ким, Д. Ч. Шин, М. Ву-Кьюмингс, Дж. Мо и др.), а также вопросы региональной и общей внешней политики и безопасности (К. Мун, В. Ча, Д.-Х. Чун, Я. Чой, М. Пак и С. Ким) [8]. Признанием вклада Южной Кореи в развитие современной политологии стали избрание в 2000 г. Ким Далчунга из университета Йонсей председателем Международной ассоциации политических наук и проведение в 1997 г. в Сеуле XVII Всемирного конгресса политологов.

Большим своеобразием отличается развитие политологии в **Китае**. Базой китайской политической философии стали как концепции мыслителей древности (Мэн-цзы, Конфуция, легистов), так и взгляды политиков XX в (Сунь Ятсена и Мао Дзедунa). Факультет политики возник здесь ещё в 1903 г. в высшей школе «Цзинши». В 1932 г. в Китае была создана первая в Азии ассоциация политической науки. Но в 1952 г. все политологические структуры были закрыты пришедшей к власти компартией во главе с Мао Дзедунa. Возрождение политической науки произошло только в период реформ Дэн Сяопина: в 1981 г. в Пекинском университете и других вузах была начата подготовка специалистов по политической науке, а в 1982 г. Фуданьский университет организовал первый семинар по проблемам политологии. В 1980-х гг. была создана ведущая научная структура – Институт политологии Академии общественных наук КНР. В задачи института входят изучение политических теорий, политических систем, анализ проблем государственного управления. Институт руководит политологическими ассоциациями Китая (CPSA и CPSRA) и выпускает единственный в стране академический научный журнал. Однако китайские специалисты не участвуют в заседаниях Международной ассоциации политической науки, протестуя против членства в ней Тайваня, не признаваемого КНР суверенным государством.

В возрождённой в КНР политологии можно выделить два периода, водоразделом между которыми стали события на площади Тяньаньмэнь (1989 г.). До них многие из китайских политологов были увлечены западными концепциями, которые виделись противоядием от повторения репрессий эпохи Мао Дзедунa. Однако после Тяньаньмэня в китайской политической науке произошёл возврат на марксистские позиции [24]. В соответствии с политикой Коммунистической партии, провозгласившей строительство социализма с китайской спецификой, задача современных политологов КНР заключается в изучении мирового опыта и отборе из него всего того, что может быть полезно для совершенствования социалистической демократии. В результате китайские исследователи хорошо знают и терминологический аппарат, и ме-

тоды западной политической науки (теорию игр, кластерный анализ, моделирование и пр.), но применяют их весьма избирательно.

Наиболее востребованными в современной китайской политологии являются такие темы, как взаимосвязь государства и общества, партийные отношения, борьба с коррупцией, политическая культура граждан, стратегия мирного возвышения Китая, проблемы приграничных районов. Обращают своё внимание китайские учёные и на распад СССР, стремясь сделать выводы из советского негативного опыта. Этим и другим темам посвящены исследования наиболее авторитетных китайских политологов академика Ян Цзияки, Ван Хунина, Ци Мина, Чжан Минпена и Чжао Тиняна. Значительную роль в политологии КНР играют Лю Цзэхуа (редактор труда «История политической мысли Китая») и Бай Ган (редактор книги «История политической системы Китая») [23].

Особое место среди стран Азии занимает **Индия**, спецификой которой является сочетание несочетаемого: демократических институтов и пережитков варно-кастового строя, экономического роста и бедности значительной части граждан.

Огромное влияние на развитие политологии Индии оказали М. Ганди и Дж. Неру – незаурядные политики и мыслители периода борьбы за независимость. Основными темами исследований современных политологов являются развитие демократической политической системы, поиск путей решения острейших социальных проблем и определение места Индии на международной арене. Серьёзной угрозой для развития демократии индийские политологи считают бедность населения. Обеспокоенность этим наблюдается в работах Б. Чандры, Р. Котари, Р. Сингха и нобелевского лауреата А. Сена. Довольно много научных трудов посвящается проблемам индийского конституционализма и федерализма (исследования П. Бхану Мехта, Д. Басу, С. Сикри и др.). Индийские политологи Д. Шахи, С. Митра, А. Ачарья, А. Чаттерджи (Чаттопадхья), Л. Прабхакар внесли свою лепту и в изучение международных отношений [3; 14; 15].

Работу университетских кафедр политологии и крупнейших исследовательских центров координирует Индийская ассоциация политической науки (IPSA), образованная в 1938 г. Средством коммуникации индийских политологов служат конгрессы и конференции. Острые дискуссии разворачиваются и на страницах периодических изданий, главными из которых являются «Индийский журнал политических наук», издаваемый с 1939 г. на английском языке, и выпускаемый с 2009 г. политологический ежегодник на хинди.

Всем азиатским политологам хорошо известны теории их западных коллег, но, как справедливо отмечает Т. Иногути, «исследователи обращаются к концепциям и методологиям, разработанным в США, дабы найти ответы на вопросы, которая ставит перед ними эмпирическая реальность их стран» [8, с. 138].

АФРИКАНСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Преимущественный интерес к проблемам своего континента демонстрирует африканская политологическая школа, сложившаяся под влиянием концепции негритюда о самобытности Африки и негроидной расы (основатели: сенегалец Л. Седар Сенгор, мартиниканец Э. Сезер, гвианец Л.-Г. Дамас).

Современные африканские политологи достаточно объективны в оценках проблем своих стран. Учёные констатируют экономическую отсталость региона, бедность населения, негативную роль межрелигиозных и межэтнических конфликтов, коррупцию и авторитаризм властей. Исследователи отмечают сложности демократизации Африки, но расходятся в оценках перспектив утверждения народовластия на континенте. Так, К. Агуланна (Нигерия), Дж. Акоклари (Лесото), Э. Осагхэ (ЮАР) с оптимизмом смотрят в будущее. Но немало и пессимистов. «Западная демократия, – утверждает, например, нигерийский политолог Ф. Оффор, – это символ чужой культуры, которая была навязана народам Африки. Она не является аутентичным выражением африканской политической культуры» [12]. На необходимость синтеза западных и африканских демократических традиций указывал в своём послании XIII конгрессу Африканской политологической ассоциации (2001 г.) Р. Мукадала [11].

Более единодушны политологи в оценках влияния глобализации на развитие Африки. Так, по мнению С. Ругумаму (Танзания), Т. Лумумба-Касонго (ЮАР) и К. Нинсина (Зимбабве), современный мир не дал Африке ни инвестиций, ни новых технологий. Регион так и остался на периферии мировой экономики и политики. Таким образом, резюмирует К. Нинсин, «глобализация – это современная видоизменённая форма империализма, оснащённая более совершенным и опасным арсеналом контроля, господства и эксплуатации» [10].

Не чуждо африканским исследователям и теоретизирование. Мировую известность получил проживавший в Сенегале египтянин Самир Амин – автор книг с красноречивыми названиями «Империализм и неравное развитие», «Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира», «Евроцентризм». Критический настрой по отношению к современной политике наблюдается и в работах сотрудника Университета Витватерсранда в ЮАР Анкиллы Мбембе. Исследователь является автором концепции «некрополитики» — раздела биополитики, изучающего деятельность власти имущих по лишению граждан жизни. По мнению Мбембе, насилие и истребление ненужных людей становится отличительной чертой капитализма в эпоху перенаселения планеты [26].

Политологическое сообщество Африки невелико. Ещё в 1973 г. в Дар-эс-Саламе (Танзания) была образована Африканская ассоциация политиче-

ских наук (AAPs) – организация, призванная объединить учёных, преимущественно африканского происхождения, с целью развития политической науки на континенте. Ассоциация издавала «Африканский журнал политических наук». Сегодня на континенте действуют несколько научных сообществ. Самыми многочисленными являются созданная в 2001 г. Южноафриканская ассоциация политических исследований (SAAPS), издающая научный журнал «Политикон», а также образованная в 2014 г. Ангольская ассоциация политических наук (AACP). Имеются ассоциации политологов и в Камеруне, Нигерии и Тунисе. Подготовка политологических кадров для науки и практики ведётся в институтах и университетах африканских стран, а также в США и странах Европы.

Большим событием для африканской политологии стал XIX Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки, прошедший в 2003 г. в крупном южноафриканском городе-порте Дурбан. Любопытно, что посвящён он был проблемам глобализации, где последняя подверглась острой критике. В заседаниях конгресса приняли активное участие африканские политологи Э. Малока, Л. Синджун, А. Мазруи (Бингхэмтонский университет), Г. Камерон (университет Асмары), С. Макгетланенг (Институт Африки, ЮАР), С. Маххета (Свободный университет, ЮАР) и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное выше позволяет сделать вывод об обоснованности использования категории «незападная политология» как обобщающего понятия для характеристики национальных политологических школ Азии, Африки и Латинской Америки. Центральной темой исследований политологов в этих регионах становится выявление особенностей местного политического процесса в сопоставлении со странами Запада.

Объяснением политической несхожести с Западом стали концепции цивилизационного своеобразия, сформулированные в XIX–XX вв. С. Боливаром, Х. Марти, С. Ятсеном, М. Ганди, Дж. Неру, Л. Седар Сенгором и др. Именно эти идеи послужили отправной точкой размышлений современных политологов.

Характеризуя политологическое сообщество в странах Азии, Африки и Латинской Америки, нельзя не увидеть его немногочисленности по сравнению со странами Запада. Это наглядно демонстрирует и количество индивидуальных членов **Международной ассоциации политической науки** от разных регионов (см. табл. 1, рис. 1).

Таблица 1 / Table 1

Численность членов Международной ассоциации политической науки по регионам мира (2021 г., чел.) / The number of members of the International Association for Political Science by regions of the world (2021, people)

Регион	Мужчин	Женщин	Всего
Северная Америка	334	230	564
Европа	498	365	863
Азия	266	145	411
Африка	101	40	141
Австралия и Океания	33	25	58
Южная Америка	121	69	190
Всего	1353	874	2227

Источник: Составлено по: Triennial report 2019–2021 // Международная ассоциация политической науки : [сайт]. URL: https://www-ipsa-org.translate.goog/page/publications-ipsa-biennial-report?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=nui (дата обращения: 05.08.2021).

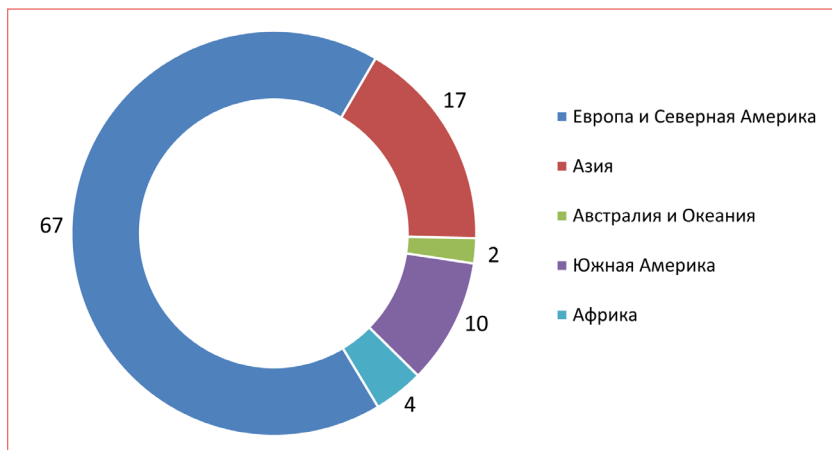

Рис. 1 / Fig. 1. Доля представителей регионов – индивидуальных членов Международной Ассоциации политических наук (2021 г., %) / The share of representatives of the regions – individual members of the International Association of Political Science (2021, %)

Источник: Составлено по: Triennial report 2019–2021 // Международная ассоциация политической науки : [сайт]. URL: https://www-ipsa-org.translate.goog/page/publications-ipsa-biennial-report?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=nui (дата обращения: 05.08.2021).

Но, несмотря на имеющуюся неравномерность развития политологии в разных регионах мира, совершенно очевидно, что можно говорить о наличии специфических политологических школ. Учёные-политологи живут не в безвоздушном пространстве, они реагируют на общественно-политическую

ситуацию в своей стране, своём регионе, живо откликаясь в своих статьях, монографиях, лекциях и докладах на вызовы времени и предлагая свои сценарии решения имеющихся политических проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В. Становление теории модернизации и альтернативные концепции общественного развития // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2012. № 3. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru> (дата обращения: 05.08.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2012-3-212
2. Верченнов Л. Н. Политическая наука: национальные школы // Политическая наука. 2001. № 2. С. 7–54.
3. Володин А. Г. Единая Индия [Электронный ресурс] // Апология. 2007. № 10. URL: https://intelros.ru/2007/08/31/andrejj_volodin_edinaja_indija.html (дата обращения: 10.08.2021).
4. Дьякова Л. В. Миражи демократии исторический идеал и современность в контексте Латинской Америки // Латинская Америка. 2017. № 8. С. 5–18.
5. Дьякова Л. В. Проблемы латиноамериканской демократии в интерпретации исследователей // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 3. С. 101–109.
6. Здравомыслов А. Г. Национальные социологические школы в современном мире // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 114–130.
7. Ильин М. В., Мельвиль А. Ю., Федоров Ю. Е. Основные категории политической науки // Полис. Политические исследования. 1996. № 4. С. 157–169.
8. Иноуги Т. Политическая наука в трёх демократиях: «нелояльной» (Япония), демократии «третьей волны» (Южная Корея) и «зарождающейся» (Китай) // Полис. Политические исследования. 2004. № 5. С. 131–140.
9. Клингеманн Х.-Д. Сравнительный анализ развития политической науки в Западной Европе на 2005 г. // Политическая наука в Западной Европе / пер с англ. М. Гурвица, А. Демчука и др.; под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Аспект-Пресс, 2009. С. 15–46.
10. Комар Ю. И. Нинсин К. А. Глобализация и будущее Африки // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. 2001. № 4. С. 62–66.
11. Комар Ю. И. Мукандала Р. Состояние африканской демократии: статус, перспективы, проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. 2003. № 3. С. 80–83.
12. Комар Ю. И. Кризис демократии и политического лидерства в Африке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. 2007. № 4. С. 128–130.

13. Крылов П. В. «Теология освобождения» и проблемы мировой экономики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. № 3-2. С. 116–133.
14. Кузнецов А. М., Козинец А. И. Незападные теории международных отношений – от маргинальности к признанию // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4. С. 8–23.
15. Леонкина А. А. Индийский федерализм в фокусе исследований // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6. № 2. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 15.08.2021).
16. Михайлин И. В. «Мозговые центры» в Латинской Америке (1990–2005) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 3. С. 106–117.
17. О’Доннелл Г. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. № 2-3. С. 47–69.
18. Осипова Н. Г. Социология в странах Азии, Африки и Латинской Америки: ключевые фигуры // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 1. С. 47–61.
19. Плевако И. У истоков формирования теоретической и прикладной геополитики Бразилии // Политические изменения в Латинской Америке. 2014. № 1. С. 24–41.
20. Первозванский А. А. Объективные признаки научной школы // Управление большими системами : сборник трудов. 2013. № 44. С. 496–503.
21. Прохоренко И. Л. Внешнеполитическая мысль в Латинской Америке: концепты, подходы и направления исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 177–186.
22. Современная политическая наука: кризис или развитие? Методологический семинар. Организован кафедрой политологии и политического управления ИОН РАНХиГС совместно с РАПН и АПН. 23 октября 2017 г., Москва, РАНХиГС (сокращённая стенограмма) // Политическая наука. 2018. № 1. С. 40–67.
23. Чжао М. Политология Китая в понимании политологов-марксистов КНР // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 8. С. 67–76.
24. Чжан Ш., Чжан Г., Гаоянь Ц. Развитие национальной школы политологии в Китае // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 11. С. 84–95. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-84-95
25. Чургов С. В. Существует ли незападная политология? («Политическая теория» Т. Иногути) // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 182–191. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.14
26. Mbembe A. Necropolitics // Public Culture : [сайт]. 2003. Vol. 15. № 1. URL: <https://www.publicculture.co> (дата обращения: 28.07.2021).

REFERENCES

1. Abramov A. V. [The development of the theory of modernization and alternative concepts of social development]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)], 2012, no. 3. Available at: <https://vestnik-mgou.ru/ru> (accessed: 08.05.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2012-3-212)
2. Verchenov L. N. [Political Science: National Schools]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2001, no. 2, pp. 7–54.
3. Volodin A. G. [United India]. In: *Apologiya* [Apology], 2007, no. 10. Available at: https://intelros.ru/2007/08/31/andrejj_volodin_edinaja_indija.html (accessed: 10.08.2021).
4. D'yakova L. V. [Mirages of Democracy, Historical Ideal and Modernity in the Context of Latin America]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2017, no. 8, pp. 5–18.
5. D'yakova L. V. [Problems of Latin American Democracy as Interpreted by Researchers]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2016, vol. 60, no. 3, pp. 101–109.
6. Zdravomyslov A. G. [National sociological schools in the modern world]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2007, no. 5, pp. 114–130.
7. Il'in M. V., Mel'vil' A. Yu., Fedorov Yu. Ye. [Main categories of political science]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1996, no. 4, pp. 157–169.
8. Inoguti T. [Political Science in Three Democracies: Disloyal (Japan), Third Wave (South Korea), and Nascent (China)]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2004, no. 5, pp. 131–140.
9. Klingemann Kh.-D. [Comparative analysis of the development of political science in Western Europe in 2005]. In: Gurvits M., Demchuk A., transl., Shestopal E., ed. *Politicheskaya nauka v Zapadnoi Evrope* [Political Science in Western Europe]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2009, pp. 15–46.
10. Komar Yu. I., Ninsin K. A. [Globalization and the future of Africa]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika. Referativnyi zhurnal* [Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Series 9: Oriental and African Studies. Abstract journal], 2001, no. 4, pp. 62–66.
11. Komar Yu. I., Mukandala R. [The state of African democracy: status, prospects, problems]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika. Referativnyi zhurnal* [Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Series 9: Oriental and African Studies. Abstract journal], 2003, no. 3, pp. 80–83.
12. Komar Yu. I. [Crisis of Democracy and Political Leadership in Africa]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika. Referativnyi zhurnal* [Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Series 9: Oriental and African Studies. Abstract journal], 2007, no. 4, pp. 128–130.

13. Krylov P. V. ["Theology of Liberation" and the problems of the world economy]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2018, no. 3-2, pp. 116–133.
14. Kuznetsov A. M., Kozinets A. I. [Non-Western theories of international relations – from marginality to acceptance]. In: *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ecumene. Regional studies], 2016, no. 4, pp. 8–23.
15. Leonkina A. A. [Indian Federalism in Research Focus]. In: *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»* [Electronic scientific journal "Science. Society. State"], 2018, vol. 6, no. 2. Available at: <http://esj.pnzgu.ru> (accessed: 15.08.2021).
16. Mikhailin I. V. ["Think Tanks" in Latin America (1990–2005)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences], 2018, no. 3, pp. 106–117.
17. O'Donnell G. [Delegative Democracy]. In: *Predely vlasti* [The limits of power], 1994, no. 2-3, pp. 47–69.
18. Osipova N. G. [Sociology in Asia, Africa and Latin America: key figures]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science], 2014, no. 1, pp. 47–61.
19. Plevako I. [At the origins of the formation of theoretical and applied geopolitics in Brazil]. In: *Politicheskie izmeneniya v Latinskoj Amerike* [Political changes in Latin America], 2014, no. 1, pp. 24–41.
20. Pervozvanskii A. A. [Objective signs of a scientific school]. In: *Upravlenie bol'shimi sistemami : sbornik trudov* [Management of large systems : a collection of works], 2013, no. 44, pp. 496–503.
21. Prokhorenko I. L. [Foreign Policy Thought in Latin America: Concepts, Approaches and Research Areas]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Peoples' friendship university of Russia. Series: International relations], 2019, vol. 19, no. 2, pp. 177–186.
22. [Contemporary political science: crisis or development? Methodological seminar. Organized by the Department of Political Science and Political Management of the Institute of Social Sciences, RANEPA, together with the RAPN and APN. October 23, 2017, Moscow, RANEPA (abridged transcript)]. In: *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2018, no. 1, pp. 40–67.
23. Chzhao M. [Political Science of China in the Understanding of Marxist Political Scientists of the PRC]. In: *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chita State University], 2011, no. 8, pp. 67–76.
24. Chzhan Sh., Chzhan G., Gaoyan'Ts. [Development of the National School of Political Science in China]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2020, vol. 64, no. 11, pp. 84–95. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-84-95

25. Chugrov S. V. [Is there a non-Western political science? ("Political Theory" T. Inoguti)]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2016, no. 4, pp. 182–191. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.14
26. Mbembe A. Necropolitics. In: *Public Culture*, 2003, vol. 15, no. 1. Available at: <https://www.publicculture.co> (accessed: 28.07.2021).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 06.11.2021

Статья размещена на сайте: 23.12.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абрамов Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; главный редактор сетевого издания «Вестник Московского государственного областного университета»; e-mail: abram-off@mail.ru

Andrey V. Abramov – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the online publication "Bulletin of the Moscow Regional State University"; e-mail: abram-off@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Абрамов А. В. Незападная политология: национальные научные школы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Abramov A. V. Non-western political science: national scientific schools. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 322

Абрамян А. С.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация*

РИМСКОЕ ПРЕЕМСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ ХРИСТИАНСКИХ КОРОЛЕВСТВ НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВ СВ. ИСИДОРА СЕВИЛЬСКОГО («ИСТОРИЯ ГОТОВ, ВАНДАЛОВ И СВЕВОВ»)

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать развитие ключевых религиозно-политических средневековых концепций на примере данного св. Исидором Севильским описания вестготской и римской истории.

Процедура и методы. Исследование главным образом фокусируется на анализе текста сочинений св. Исидора Севильского. Используются разнообразные методы, включая герменевтику и сравнительно-исторический анализ.

Результаты. Проведённое исследование выявляет и по-новому рассматривает некоторые ключевые различия между концепциями римской преемственности и христианской политики, возникшими в раннесредневековой Европе.

Теоретическая значимость. Результаты исследования способствуют развитию теоретических основ изучения раннесредневековой религиозно-политической мысли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Исидор Севильский, История готов, Вестготское королевство, Византия, Римская империя, христианский мир, раннее Средневековье

СТРУКТУРА

Введение

Св. Исидор, Испания, готы и Рим

Вестготское христианство, арианские споры и Византия

Закключение

A. Abramyan*Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosovskiy Prospekt, Moscow 119192, Russian Federation*

ROMAN SUCCESSION AND THE MAKING OF CHRISTIAN KINGDOMS: EXAMPLIFIED BY ST. IDISORE OF SEVILLE'S WRITINGS ("HISTORIA DE REGIBUS GOTHORUM, VANDALORUM ET SUEVORUM")

ABSTRACT

Aim. The purpose of this article is to analyze the development of crucial religiopolitical medieval concepts using the example of St. Isidore's account of Visigothic and Roman history.

Methodology. Textual analysis of the works of St. Isidore of Seville is the prime focus of this article. A variety of methods are used, including hermeneutics and comparative historical analysis.

Results. This study highlights and puts a new perspective on some key differences between various early medieval concepts of Roman succession and Christian polity.

Research implications. The research results contribute to the development of the theoretical framework for studies of early medieval religiopolitical thought.

KEYWORDS

Isidore of Seville, History of the Goths, Visigothic Kingdom, Byzantium, Roman Empire, Christendom, Early Middle Ages

ВВЕДЕНИЕ

Период с V по VIII вв. в европейском Средневековье представляется крайне примечательным временем, особенно в контексте сложных взаимоотношений между христианской религиозностью и идентичностью и государственностью христианизируемых.

В 476 г. Одоакр заставляет Ромула Августула отречься от престола. Какое-то время спустя императорский статус признаётся за находящимся в Далмации Юлием Непотом, однако после его убийства в 480 г. Восточной империей не согласуется преемник. Устоявшееся в историографии определение обозначает эти события как «падение Западной Римской империи», но если смотреть на ситуацию с востока, то драматизм может быть снижен тем, что, несмотря на падение самого Рима, император – а с ним и империя – всё ещё есть в Константинополе, который и без того приобрёл первенствующее положение. Стоит признать, что Восточная империя уже вскоре начала эллинизироваться, что привело к возвышению греческого языка и появлению греческих титулов [13, р. 318], но, с другой стороны, государство, ставшее с подачи позднейших историков известным как «Византия» [14, р. 2], всё равно продолжало считать себя непосредственным продолжением Рима, и его жители зачастую идентифицировали себя как римлян [11, р. ix]. Кроме того, войскам Восточной империи удалось Рим и близлежащие территории на определённый период времени вернуть.

Как бы то ни было, и после исчезновения Западной империи римское наследие и идентичность оказывались важным фактором эпохи по разным причинам. Во-первых, само по себе бывшее влияние и вес памяти о римской культуре и государственности обращали на себя внимание сопредельных племён, и набеги перемежались с попытками рецепции римского опыта. Во-вторых, несмотря на нашествия, потомки римлян всё ещё населяли пространства усеянной римскими памятниками варварской Европы, что созда-

вало уникальную социально-политическую реальность сожительства иберо-римлян / галло-римлян с пришлым населением. С этим, в свою очередь, связана последующая постановка вопроса об идентичности и смежного вопроса об оценке римского прошлого. В-третьих, Рим, равно как и Константинополь, приобрёл особое значение для стремительно растущей христианской религии. Две столицы, будучи влиятельными и старыми кафедрами, наделяются особым церковным статусом, которому постепенно придаётся и каноническое оформление. Кроме того, после обращения Константина римская государственная власть из гонителя превращается в покровителя молодой религии, сформировав под сенью своего имперского наследия новую модель существования христианства в обществе и новую модель властной конфигурации; так происходит формирование архетипа христианского государства и христианской империи. И, хотя ещё раньше христианство утверждается как государственная религия в Армении и Грузии и позднее распространяется за пределы римской орбиты, что даёт и иные образцы христианизации, римский прецедент в силу своего масштаба естественным образом оказывается для Европы эпохи варварских королевств ключевым. Можно усмотреть и ещё один аспект важности Рима, связанный с библейским текстом и христианским видением истории: среди ряда ранних христианских экзегетов появляется представление о Риме как о последнем царстве из Книги пророка Даниила [6, р. 318], кто-то также видит в римской власти «удерживающего» из 2 Сол. 2: 7 [4, р. 479]. История христианского богословия знает и иные примеры интерпретации данных пророчеств [15, р. 189], тем не менее некоторую известность подобные взгляды в христианском мире имели, что теоретически могло находить выражение в определённых темах религиозной или религиозно-политической мысли.

В 800 г. на Западе вновь появляется император. В силу ряда политических (возвышение и консолидация Франкского государства, отношения с лангобардами), а также религиозных причин (внутривизантийские религиозные смуты с кульминацией в иконоборческом кризисе и связанная с этим реакция Рима [12, р. 71]) папство начинает ориентироваться на франков. В результате «Пипинова дара» вокруг Рима начинает оформляться самостоятельное Папское государство, а в результате коронации Карла Великого в Европе появляется ещё один «римский император». Этот шаг, с беспокойством встреченный в Константинополе, «Новом Риме», даёт начало новому этапу европейской истории вообще и новому этапу христианской истории в частности, как и новому витку осмысления категорий «римскости», «империи», «христианского царства» и «христианского мира». Именно поэтому отрезок между двумя империями на Западе, т. е. период с V по VIII вв., представляет особый интерес: падение Западной империи, заявка Восточной империи на неоспоримый и целостный римский континуитет, развитие христианской церковности, а также религиозно-политической и историософской мысли,

складывание варварских королевств, их христианизация и поиск их идентичности, соседствующих как с римским наследием на Западе, так и с существующим и пытающимся укрепиться римским государством на Востоке, спор о «римскости» между Востоком и Западом – все эти факторы создают уникальную композицию эпохи, которая может помочь объяснить логику развития христианской религиозности и церковности, «римскости» в культуре и государственности, а также варварской субъектности и идентичности как по отдельности, так и в их взаимосвязи.

СВ. ИСИДОР, ИСПАНИЯ, ГОТЫ И РИМ

Вестготская Испания данного периода представляется в этом отношении особенно примечательным и показательным примером. Вестготское государство появляется на обломках старой римской провинции, населённой иберо-римлянами. Очень скоро в этих землях утверждается христианство, причём не в единственном числе: за влияние борются никейская и арианская партии. Параллельно с этим восточный император Юстиниан предпринимает попытку полноценного восстановления империи, в результате чего его войска приходят на Пиренейский полуостров. Таким образом, Пиренеи становятся многоуровневой ареной столкновения и взаимодействия различных церковных сил, идентичностей и политических проектов: ариане и никейцы, вестготы и иберо-римляне, ищущее идентичность и преемство варварское королевство и непосредственная Римская империя.

Святой Исидор Севильский, выдающийся церковный деятель, богослов и энциклопедист, живший в те годы в Испании, своей собственной личностью являет ещё более яркий портрет места и эпохи. Отец святого был из знатных иберо-римлян [5, р. 132], в то время как относительно его матери имеются различные версии, включая готскую [9, р. 2]. При этом его родители сменили своё место жительства, покинув Новый Карфаген, чему также может быть несколько объяснений: речь может идти как о бегстве от гонений Агилы I на никейских христиан [8, р. 31], так и о бегстве от византийской военной интервенции [10, р. 751]. Исходя из этих обстоятельств, наследие св. Исидора представляется особо любопытным: гиспальский архиепископ не только родился в складывающемся политически и идентичностно варварском королевстве на обломках империи, но и застал напряжённый межхристианский конфликт и столкновение своих краёв с войсками, идентифицирующими себя в качестве римских, при этом все эти события и аспекты времени оказали на саму семью святого (возможно, смешанную) непосредственное влияние.

Исидор Севильский оставил после себя богатое наследие, включая знаменитые «Этимологии» и «Дифференции». Однако, кроме Исидора-богослова и Исидора-философа, обращает на себя внимание также и Исидор-историк. Будучи в философско-религиозном смысле частью той условной вну-

трицерковной «партии», которая, по мнению В. И. Уколовой, сочувственно относилась к задаче христианской переработки более древнего римского интеллектуального наследия [2, с. 198], в историческом смысле Исидор выступает в качестве «варварского летописца», беря на себя труд описания исторических судеб вестготов и их и королевства и входя наряду с Бедой Достопочтенным, Григорием Турским и прочими средневековыми церковными деятелями в число, если можно так выразиться, «отцов варварских историй». Являясь важным образцом христианского прочтения исторического развития варварского общества, «История готов, вандалов и свевов», кроме того, может предоставить некие сведения о более широком историческом и политическом мировоззрении св. Исидора, а также о его взглядах на соседей и современников вестготов, в результате чего некоторые из озвученных ранее вопросов об империи, римском наследии и варварской христианской государственности могут получить прояснение.

Итак, начинается готская история с похвалы Испании («*Laus Spaniae*»). Испания для св. Исидора – «прекраснейшая, святая и всегда счастливая мать государей и племён», «краса и украшение вселенной», «царица всех провинций»¹. Рисуя картину богатства, изобилия и благословения испанской земли², Исидор при этом расставляет в своём прологе несколько любопытных акцентов. Во-первых, Испания – не просто краса и достояние, но достояние всемирное, у которого «не только Запад, но и Восток заимствует свет»³. Во-вторых, Испания – римская наследница. Рим, названный Исидором «золотым» и «главой народов», прежде стремился к ней «по праву», и затем уже к самой Испании от «главы народов» передалась «побеждающая Ромулова доблесть»⁴. В-третьих, Испания – готская вотчина. Готы, «процветающий народ», в борьбе Испанией не только «завладели», но и «полюбили» её, и отныне она есть место, где «сильнее расцветает обилие славного народа готов» и в котором готы имеют «неприкосновенность и мощь обширной власти»⁵. Так, Испания – всемирное достояние, Испания – римская наследница и Испания – вотчина готов сплетаются в единый смысловой ряд.

Тем не менее, укореняются готско-римские связи не только на уровне итога испанской «конвергенции», но и на уровне более ранних контактов, описан-

¹ Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов // Циркин Ю. Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 114.

² Можно предположить, что тематика похвалы земли может быть навеяна ветхозаветным нарративом «земли молока и мёда», в рамках которого территория, вверенная избранникам-израильтянам, провозглашается самой изобильной и благоприятной, что являет собой часть общего благословения Израиля Богом.

³ Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов // Циркин Ю. Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. ... С. 114.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Там же. С. 115.

ных в самом повествовании «Истории готов» после пролога. Готы называются «народом древним» и при этом народом, исторически представлявшим для Рима самый серьёзный вызов и являвшимся для римлян самым достойным соперником. Готов боялся и уважал Цезарь, и победы над готами оказывались для римлян предметом особой гордости. При этом картина отношений готов и римлян является довольно пёстрой и играет разными красками. Народы то соперничают, то встают по одну сторону, как это было в ходе битвы с гуннами. Римляне, как и готы, также могут демонстрировать доблесть, как в случае с описанием Аэция, и при этом римляне не всегда показаны априори более «правыми» или «благородными», чем их визави: они не только претерпевают набеги готов или ведут с ними войны, но и сами нередко оказываются виновной стороной, «угнетая» готов, «лишая свободы» и «принуждая к мятежу», в результате чего готская агрессия выглядит в глазах св. Исидора периодически оправданной⁶. При этом в судьбе как римлян, так и готов можно увидеть нравоучительные образцы, обращающие мысль читателя к божественному промыслу и христианским истинам: готы кораблекрушением поплатились за свою гордость после военного успеха⁷, римляне же пострадали от увлечения полководца Литория «демоническими знаменами»⁸. Резюмируя, готы, по повествованию Исидора, связаны с Римом не только путём наследования римской провинции, но изначальными древними контактами: их связывает давняя и сложная история, дающая по итогам героические и вообще важные образцы у обоих народов и осмысляемая комплексно.

В конечном итоге история сводит готов и римлян в наиболее драматическом эпизоде. Готы берут Рим, «город, который был победителем всех племён»⁹; «господин всех народов превратился в слугу»¹⁰. При этом в описанном готском триумфе обращает на себя внимание не только сама эпичность поражения непобедимых римлян, неизбежно возвеличивающая то племя, которому оказалось под силу одолеть властителей мира: святой Исидор подчёркивает, что Рим взяла армия, не чуждая знанию о Христе. Готы миловали тех, кто «был найден в местах Христа» или «призывал имя Христа», и война готов была «с римлянами, а не с апостолами»¹¹. Стоит дополнительно отметить, что войска Алариха не были единственными готскими войсками: до этого римлян планировал покорить Радагайс, который, по свидетельству святого Исидора, был «предан идолопоклонству», «презирал

⁶ Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов // Циркин Ю. Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. С. 117.

⁷ Там же. С. 119.

⁸ Там же. С. 120.

⁹ Там же. С. 118.

¹⁰ Там же. С. 128.

¹¹ Там же. С. 118.

Христа» и обещал, что «зальёт в свои дни кровью римлян, если победит»¹². Кончина Радагайса оказывается печальной; Аларих же, напротив, становится победителем, будучи христианином, пусть и «исповедовавшим ересь» и «причинившим много страданий готам и римлянам»¹³. Так что триумф готов можно трактовать не только как свидетельство голой готской силы, которая наследует Риму посредством свержения его с исторического пьедестала в схватке; побеждают именно христиане и сочувствующие христианам, и характер их обращения с побеждёнными выделяет их из варварского ряда и становится кирпичиком в здании христианской судьбы народа готов, которая затем развернётся в уже независимом королевстве в лучшей из римских провинций – в Испании.

ВЕСТГОТСКОЕ ХРИСТИАНСТВО, АРИАНСКИЕ СПОРЫ И ВИЗАНТИЯ

Параллельно с выстраиванием линии связи готов и римлян святой Исидор в «Истории готов» также отслеживает и историю готского христианства. Уже в самом начале повествования встречается упоминание о ранних христианах из числа готов, которые «принимали мученический венец» либо были вынуждены «перейти на римскую территорию»¹⁴. Вскоре готы обращаются к императору Валенту с просьбой прислать себе учителей, которые могли бы наставить их в религии, однако вследствие арианства Валента они попадают под влияние отличающегося от никейского образца христианства. С одной стороны, арианство готов осмысляется св. Исидором как безусловная драма и «гибельный яд», но, с другой стороны, они всё равно остаются «славным народом», лишь по «легковерию» служившим ошибочным догматам¹⁵. При этом Исидор упоминает создание арианским епископом Вульфиллой (который назван им Гульфилой) готской письменности и перевода священных писаний. Таким образом, готы оказываются народом, который давно связан не только с Римом, но и с христианством, в лоне которого они даже получают алфавит; связь эта омрачена ересью, однако готское величие остаётся неизменным, и готы приобретают народную и христианскую субъектность.

Неоднозначность отношения проникийского автора к арианству соотечественников обнаруживается и в описании последующих вестготских правителей-ариан возникшего в Испании королевства. Осознавая антиникейский выбор вестготов в негативном ключе, он, однако, в ряде случаев показывает готских властителей арианского вероисповедания в положительных или хотя бы в смешанных тонах. Так, например, позитивного описания удо-

¹² Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов // Циркин Ю. Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. ... С. 118.

¹³ Там же. С. 118.

¹⁴ Там же. С. 116.

¹⁵ Там же. С. 116.

стаивается Тевдис (Теудис), хотя и в связи с его отношением к сторонникам никейского христианства; Исидор ставит ему в заслугу то обстоятельство, что он «до того делал уступки Церкви», что разрешил епископам никейского исповедания «собраться вместе в городе Толете и располагать свободно всем, что относится к церковным делам»¹⁶. Данное обстоятельство выделяет Тевдиса на фоне эпохи: арианские правители порой инициировали гонения. Таковым отметился Леувигильд (Леовигильд), «заражённый нечестивой арианской яростью», «сокращающий число церквей» и даже перекрещивающий никейских христиан¹⁷. Однако и здесь св. Исидор, описывая гонения Леувигильда в обличительных тонах, не отказывает ему и в признании заслуг: арианство оказывается в образе вестготского правителя как бы досадным пятном, «ошибкой нечестия», которая «затемнила славу стольких доблестей»¹⁸. Так, «История готов» описывает, как Леувигильд «с чудесной быстротой» расширяет свои земли и побеждает в борьбе своего сына, «тиранически захватившего власть»¹⁹; примечательно, что св. Исидор называет тираном именно восставшего сына, хотя тот имел проникийское позиционирование [16, р. 46]. Но, пожалуй, самым примечательным обстоятельством можно назвать тот факт, что в заслугу вестготскому правителю ставятся новые победы над римлянами, которые вернулись в готскую судьбу в новом обличье.

События военного похода Восточной империи в Испанию возвращают римлян в готскую народную и испанскую территориальную историю, с которой они были долго связаны. Но для св. Исидора, иберо-римлянина как минимум по отцу, скрупулёзно описавшего историю римско-готских отношений, приход византийцев в Испанию не видится восстановлением законных римских прав. Да, значительная часть предыдущего повествования посвящена теме исторической связи вестготов с Римом и римского наследия Испании; и сама история вестготов синхронизируется по датам с периодами правления императоров, включая восточных императоров после падения Западной империи (Фока, Ираклий и т. д.). В качестве «мостика» между этими двумя сюжетами можно отметить, что, говоря о последнем императоре единой Римской империи, св. Исидор считает необходимым особо подчеркнуть его испанское происхождение («3-й год императора Феодосия испанца...»²⁰). Однако армии, считающие себя не только римским, но и ортодоксальным войском уже христианской империи, оказываются для их гиспальского единоверца внешними. В описании событий отсутствуют какие-то пророческие образы восстанавливающегося Рима или рассуждения о миссии христиан-

¹⁶ Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов // Циркин Ю. Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. ... С. 122.

¹⁷ Там же. С. 125.

¹⁸ Там же. С. 124.

¹⁹ Там же. С. 124.

²⁰ Там же. С. 117.

ской империи, борьба с готами и их правителями-арианами не вменяется ромеям в заслугу, а даваемую св. Исидором оценку призыва римлян-византийцев Атанагильдом в рамках борьбы за власть, давшего старт их завоевательной кампании, можно трактовать как укор, что, в частности, делает Е. С. Марей [1, с. 3].

Воцарение же Реккареда, сына Леувгильда, становится моментом истины в описываемой Исидором истории вестготов. Окончательно порвав с арианством и проведя собор в Толедо, Реккаред «возвышает славу готов торжеством веры»; «отвращённый от пагубы» Реккаредом, «религиознейшим государем», народ «возвращается к праведной вере» к безусловному счастью св. Исидора²¹. Правление Реккареда описывается как мягкое, мирное и в то же время справедливое и знающее «славные и выдающиеся» военные эпизоды. И, что показательно, один из таких эпизодов – очередной этап борьбы с римлянами-византийцами, единоверными уже не одному Исидору, но всему государству. Больше того, победы вестготов над византийцами описываются не иначе, как усмирение «римской заносчивости»²². Как пишет об этом Ю. Б. Циркин, после того как борьбу вестготов с захватчиками начинает вести правитель ортодоксального кафолического исповедания, св. Исидор «уже не скрывает своих симпатий; Византия для него не наследница Рима, а враг его родины» [3, с. 197].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так вестготское государство подходит к точке, когда оно «от начала правления Атанариха до пятого года славнейшего государя Сисебута насчитывает 256 лет, находясь под Божьим покровительством»²³. При этом после того, как «государь Сисебут взял скипетр правления», готам «служит покорённый римский воин, которому служило столько народов»²⁴. Так описываемая история вестготов фактически начинается и заканчивается в столкновении с Римом. Однако, как представляется, между двумя столкновениями имеется существенная разница. Первый Рим во многом дал начало «благословенной Испании», имел ореол доблести и разделил с готами их раннюю историю; насколько можно судить, связь с римлянами мыслится Исидором важным сюжетом и в испанском, и в готском, и в общеисторическом измерениях. Но при этом готы имеют собственное аутентичное историческое и территориальное римское преемство, а также созревают как полноценный субъект и при этом субъект христианский, в связи с чем столкновение с армиями Вос-

²¹ Исидор Севильский. История готов, вандалов и севов // Циркин Ю. Б. Античные и ранне-средневековые источники по истории Испании. ... С. 125.

²² Там же. С. 125.

²³ Там же. С. 128.

²⁴ Там же. С. 129.

точной империи, делающей заявку и на всю политическую римскую полноту, и на статус «христианской империи», – это столкновение именно с внешней силой. Вестготская Испания в повествовании св. Исидора проходит собственный путь становления и в качестве аутентичного римского наследника, и в качестве самостоятельной политики, вновь объединяющей полуостров²⁵, и в качестве политики христианской и, следовательно, участника христианской истории. Народ полностью утверждает в никейском христианстве²⁶, а вестготская власть становится полноценным гарантом защиты истинной церкви. Внешняя интервенция оказывается избыточной уже из последнего обстоятельства, однако и на предшествующие периоды, т. е. на годы преобладания арианских правителей, св. Исидор во многом, как представляется, смотрит через призму именно пиренейской и готской христианской судьбы, которая осознаётся пусть в связи с римским наследием и мировым никейским христианством, но де-факто в отрыве от византийского политического проекта неоримской и христианской политики. Христианский мир, таким образом, может складываться за пределами государственных границ Рима, на уровне королевств, которые отстаивают свою независимость и строят свою христианскую судьбу.

Впоследствии будут консолидироваться варварские государства и развиваться церковные иерархии. У имперской заявки Византии появятся конкуренты не только в лице всё более недоверчивого по отношению к византийской конъюнктуре папства, но и в лице нового покровителя римской кафедры Карла Великого. В ходе последующей истории испанская государственность, пережившая завоевание, разделение, государственно-территориальное возрождение и экспансию на неизведанные земли, будет делать новые римские, имперские и даже мессианские заявки [7, р. 183]. Все эти сюжеты представляются важными не только в испанской истории, но и в истории христианской религиозно-политической мысли как таковой. Однако думается, что именно наследие V–VIII вв., промежуточной эпохи активного римского, варварского и христианского поиска идентичности и осмысления роли в истории, остаётся одной из ключевых вех в складывании того набора смыслов, который не в последнюю очередь задаст вектор не только развитию варварских королевств и «варварских христианств», но и концепции христианского мира и христианского королевства, римской идеи, имперской идеи и христианской религиозно-политической мысли как таковых. И изучение наследия св. Исидора как в контексте его видения знакомой ему варварской истории и варварского христианского королевства, так и в контексте его отношения к внутреннему римскому наследию, отвлечённому римскому

²⁵ Тема Испании как региона со своей судьбой усматривается и в других работах св. Исидора [3, с. 205].

²⁶ Впрочем, оставаясь «великим народом» и заслуживая сопереживание св. Исидора даже в годы арианского влияния.

идеалу и современной ему представленной Востоком христианской Римской империи, мыслится важным этапом в исследовании этой переломной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марей Е. С. Образ короля Атанагильда в «Истории готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского и в «Истории франков» Григория Турского в контексте вестготско-византийских взаимоотношений // Историк и власть в античном мире: между апологией и критикой: материалы интернет-конференции, 2016. URL: <https://ghric.hse.ru/2016/abstracts> (дата обращения: 26.11.2020).
2. Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века). М.: Наука, 1989. 320 с.
3. Циркин Ю. Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 360 с.
4. The Oxford Handbook of Early Christian Biblical Interpretation / ed. P. M. Blowers, P. W. Martens. New York: Oxford University Press, 2019. 784 p.
5. Chance J. Medieval Mythography. Volume One: From Roman North Africa to the School of Chartres, A. D. 433–1177. Eugene: Wipf and Stock Publishers, 2019. 770 p.
6. Encyclopedia of Early Christianity. Vol. 1 / ed. E. Ferguson, M. P. McHugh, F. W. Norris. New York: Garland Publishing, Inc., 1998. 1212 p.
7. Hillgarth J. N. The Mirror of Spain, 1500–1700: The Formation of a Myth. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. 608 p.
8. Hillgarth J. N. The Visigoths in History and Legend. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2009. 252 p.
9. Isidore of Seville. De Ecclesiasticis Officiis / transl., intr. Th. L. Knoebel. Mahwah: The Newman Press, 2008. 133 p.
10. History of the Church. Vol. II / ed. H. Jedin, J. Dolan. London: Burns & Oates, 1980. 487 p.
11. Kaldellis A. Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium. Cambridge: Harvard University Press, 2019. 392 p.
12. Madigan K. Medieval Christianity: A New History. New Haven: Yale University Press, 2015. 512 p.
13. Nicol D. M. The Byzantine View of Western Europe // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1967. Vol. 8 (4). P. 315–339.
14. Rosser J. H. Historical Dictionary of Byzantium. Lanham: Scarecrow, 2011. 642 p.
15. Tradition and Innovation in Biblical Interpretation: Studies Presented to Professor Eep Talstra on the Occasion of His Sixty-fifth Birthday / ed. W. Th. van Peursen, J. W. Dyk. Leiden: Brill, 2011. 518 p.
16. Wood J. P. The Politics of Identity in Visigothic Spain: Religion and Power in the Histories of Isidore of Seville. Leiden: Brill, 2012. 276 p.

REFERENCES

1. Marej E. S. [King Athanagild's Image in the "Gothic History" by Isidore of Seville and "History of Franks" by Gregory of Tours in the context of relationships between Visigoths and Byzantine Empire]. In: *Istorik i vlast' v antichnom mire: mezhdru apologiej i kritikoj: materialy internet-konferencii, 2016* [Historian and Power in the Ancient World: Between Apologie and Criticism: Materials of the Internet conference, 2016]. Available at: <https://ghric.hse.ru/2016/abstracts> (accessed: 26.11.2020).
2. Ukolova V. I. *Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ya (konets V – nachalo VII veka* [Ancient heritage and culture of the early Middle Ages (the end of V –beginning of the VII century)]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 320 p.
3. Tsirkin Yu. B. *Antichnye i rannesrednekovye istochniki po istorii Ispanii* [Ancient and early medieval sources on the history of Spain]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg University, 2006. 360 p.
4. Blowers P. M., Martens P. W., eds. *The Oxford Handbook of Early Christian Biblical Interpretation*. New York, Oxford University Press, 2019. 784 p.
5. Chance J. *Medieval Mythography. Volume One: From Roman North Africa to the School of Chartres, A. D. 433–1177*. Eugene, Wipf and Stock Publishers, 2019. 770 p.
6. Ferguson E., McHugh M. P., Norris F. W., eds. *Encyclopedia of Early Christianity*. Vol. 1. New York, Garland Publishing, Inc., 1998. 1212 p.
7. Hillgarth J. N. *The Mirror of Spain, 1500–1700: The Formation of a Myth*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2000. 608 p.
8. Hillgarth J. N. *The Visigoths in History and Legend*. Toronto, Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2009. 252 p.
9. Isidore of Seville. *De Ecclesiasticis Officiis* : transl., intr. Th. L. Knoebel. Mahwah, The Newman Press, 2008. 133 p.
10. Jedin H., Dolan J., eds. *History of the Church*. Vol. II. London, Burns & Oates, 1980. 487 p.
11. Kaldellis A. *Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium*. Cambridge, Harvard University Press, 2019. 392 p.
12. Madigan K. *Medieval Christianity: A New History*. New Haven, Yale University Press, 2015. 512 p.
13. Nicol D. M. *The Byzantine View of Western Europe*. In: *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 1967, vol. 8 (4), pp. 315–339.
14. Rosser J. H. *Historical Dictionary of Byzantium*. Lanham, Scarecrow, 2011. 642 p.
15. Peursen W. Th. van, Dyk J. W. *Tradition and Innovation in Biblical Interpretation: Studies Presented to Professor Eep Talstra on the Occasion of His Sixty-fifth Birthday*. Leiden, Brill, 2011. 518 p.
16. Wood J. P. *The Politics of Identity in Visigothic Spain: Religion and Power in the Histories of Isidore of Seville*. Leiden, Brill, 2012. 276 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 08.12.2020

Статья размещена на сайте: 06.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абрамян Арман Суменович – аспирант кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: asabramyan@gmail.com

Arman S. Abramyan – Postgraduate Student, Department of History of Social and Political Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: asabramyan@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА / FOR CITATION

Абрамян А. С. Римское преемство и формирование христианских королевств на примере трудов св. Исидора Севильского («История готов, вандалов и севов») // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Abramyan A. S. Roman succession and the formation of Christian kingdoms exemplified by St. Isidore of Seville's writings of ("The History of the Goths, Vandals and Suevi"). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 328.3

Воропаева М. А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

ОТЧЁТ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ КАК НОВАЯ ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА: ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И МЕХАНИЗМ ВНЕДРЕНИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ отчёта депутата Государственной Думы Федерального Собрания России как акта политической коммуникации, направленного на повышение доверия граждан российскому парламентаризму в частности и государству в целом. Реализация данной цели предопределила исследование инициативы депутатов Государственной Думы от партии «Единая Россия» по отчётам перед избирателями.

Процедура и методы. Проведён контент-анализ опубликованных в 2021 г. в средствах массовой информации, в том числе в интернете, отчётов депутатов партии «Единая Россия»; осуществлён компаративный анализ текстов, позволивший выявить черты сходства и различия тематики и проблематики отчётов.

Результаты. В результате контент-анализа выявлен ряд противоречий в содержании отчётов и их представлении избирателям, что, по заключению автора, объясняется отсутствием регламентации данного документа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулированы предложения по регламентации содержания отчёта депутата Государственной Думы, определены наиболее значимые темы, необходимые, с точки зрения автора, для отражения в отчёте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государственная Дума, депутат Государственной Думы, отчёт депутата Государственной Думы, политико-коммуникативные практики, выборы в Государственную Думу, лингвистическая экспертиза

СТРУКТУРА

Введение

Отчёт депутата как политико-коммуникативная практика

Результаты контент-анализа отчётов депутатов Государственной Думы от «Единой России»

Предложения по регламентации отчёта депутата

Заключение

M. Voropaeva

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy prosp. 49, Moscow 125993, Russian Federation*

REPORT BY THE DEPUTY OF THE STATE DUMA AS A NEW POLITICAL AND COMMUNICATIVE PRACTICE: REGULATORY ISSUES AND THE MECHANISM OF IMPLEMENTATION

ABSTRACT

Aim. Analysis of the report of the deputy of the State Duma of the Federal Assembly of Russia as an act of political communication aimed at increasing citizens' confidence in Russian parliamentarism in particular and the state as a whole. The realization of this goal predetermined the study of the initiative of State Duma members from the United Russia party on reports to voters.

Methodology. A content analysis of the United Russia deputies' reports published in the media and the Internet in 2021 was carried out; a comparative analysis of the texts was carried out, which made it possible to identify similarities and differences in the topics and issues of the reports.

Results.

As a result of the content analysis, a number of contradictions in the content of reports and their presentation to voters were revealed, which, according to the author, is explained by the lack of regulation of this document.

Research implications. The proposals on the regulation of the content of the State Duma deputy's report are formulated, the most significant topics necessary, from the author's point of view, to be reflected in the report are identified.

KEYWORDS

State Duma, deputy of the State Duma, report of a deputy of the State Duma, political and communicative practices, elections to the State Duma, linguistic expertise

ВВЕДЕНИЕ

Одобрение деятельности Государственной Думы в 2021 г., по замерам Всероссийского центра изучения общественного мнения¹, находится на уровне 33–34%. Неодобрение деятельности парламента выказывают в среднем около 45% опрошенных.

Тенденция, наблюдаемая длительное время, оказывает негативное воздействие на восприятие гражданами парламента и принимаемых им законов. Особую актуальность проблема приобретает после принятия поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г.². Наделение парламента но-

¹ Деятельность государственных институтов // Всероссийский центр изучения общественного мнения : [сайт]. 2021. 28 нояб. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov> (дата обращения: 12.12.2021).

² Российская Федерация. Законы. Закон РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416.

выми полномочиями по формированию Правительства Российской Федерации ставит необходимость повышения доверия к Государственной Думе.

Доверие формируется как результат опыта взаимодействия гражданина с парламентариями (межиндивидуальное доверие) и личной оценки принятых Государственной Думой законов и постановлений (институциональное доверие).

Межиндивидуальное доверие складывается при непосредственном общении избирателя и депутата. Совокупность методов и инструментов коммуникации (политико-коммуникативные практики), применяемых депутатом, формирует политическую реальность и её ценностно-смысловое содержание в восприятии парламентского института гражданином.

Конституция Российской Федерации и федеральное законодательство определяют общие требования к коммуникации депутата с гражданами. Так, Федеральным законом «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»³ определён ряд форм взаимоотношений с избирателями. В частности, в ст. 8 указанного Федерального закона приведён перечень форм взаимодействия: рассмотрение обращений граждан, информирование о работе, личный приём, встречи с избирателями.

Это оказывает влияние на выбор политико-коммуникативных практик, однако не лишает парламентария самостоятельности и возможности автономных действий. К примеру, ведение социальных сетей для ряда депутатов стало обыденной практикой, в то же время у большого количества народных избранников аккаунты отсутствуют, что уменьшает количество каналов коммуникации с избирателями. В пандемию распространение получила практика общения с избирателями по видеосвязи (онлайн-приёмы). При этом её использовали далеко не все депутаты.

Политико-коммуникативные практики, реализуемые как парламентом, так и парламентариями, видоизменяются, развитие политического поля порождает появление новых практик. Актуальность используемых методов и инструментов коммуникации, её непрерывность оказывают прямое влияние на уровень доверия к парламенту. Это является предпосылкой осознанного взаимодействия парламентариев и избирателей.

Особенно важно отдавать предпочтение таким формам коммуникации, при которых избиратели могут не только получать информацию о деятельности депутата, но и оказывать воздействие на его работу.

Политическую коммуникацию, лежащую в основе политико-коммуникативных практик, изучали О. Ю. Малинова [6], С. П. Поцелуев [4], Т. Н. Громова [1]. О доверии и роли парламентских институтов в политической системе писали А. А. Керимов [3], Э. Н. Примова [5], В. И. Еременко [2].

³ Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 2. Ст. 74.

Несмотря на достаточное внимание со стороны научного сообщества к изучению политической коммуникации, политико-коммуникативная практика «отчёт депутата Государственной Думы перед избирателями» не изучена в полной мере. Целью данной работы является анализ отчёта депутата Государственной Думы Федерального Собрания России как акта политической коммуникации, направленного на повышение доверия граждан российскому парламентаризму в частности и государству в целом.

Инструментами достижения данной цели являются метод контент-анализа депутатских отчётов, опубликованных в средствах массовой информации и социальных сетях, а также компаративный анализ тем и сюжетов данных отчётов.

ОТЧЁТ ДЕПУТАТА КАК ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА

Отчёт депутата (как общеродовое понятие) – информационное сообщение о деятельности парламентария в определённый период, передаваемое избирателям в вербальной форме с установленной периодичностью. Он имеет важный символический смысл, так как выражает подотчётность депутата избирателям.

«Отчёт депутата перед избирателями» как существующая политико-коммуникативная практика в отечественном политическом пространстве не является новой. До принятия Конституции России в 1993 г. принцип отчётности депутатов был конституционным. Сегодня в ряде законодательных актов субъектов Российской Федерации закреплено понятие «отчёт депутата перед избирателями», где также установлены общие требования к процедуре.

«Отчёт депутата Государственной Думы перед избирателями» как политико-коммуникативная практика является неформальной, нормативными правовыми актами не определена.

В 2021 г. предпринята попытка формализовать указанную практику. Всероссийская политическая партия «Единая Россия» вышла с инициативой об обязательных отчётах депутатов всех уровней от своей партии⁴, которые должны стать ежегодными⁵. Эту инициативу поддержал Президент России В. В. Путин⁶.

⁴ Все депутаты «Единой России» отчитаются перед людьми о своей работе до 10 июля – Андрей Турчак // Единая Россия : [сайт]. [10.06.2021]. URL: <https://er.ru/activity/news/vse-deputaty-edinoj-rossii-otchitayutsya-pered-lyudmi-o-svoej-rabote-do-10-iyulya-andrej-turchak> (дата обращения: 10.12.2021).

⁵ Андрей Турчак: Депутаты от «Единой России» будут отчитываться о работе ежегодно // Единая Россия : [сайт]. [18.08.2021]. URL: <https://er.ru/activity/news/andrej-turchak-deputaty-ot-edinoj-rossii-budut-otchityvatsya-o-rabote-ezhegodno> (дата обращения: 10.12.2021).

⁶ Путин поддержал предложение обязать депутатов отчитываться перед избирателями // Деловая газета «Взгляд» : [сайт]. [02.06.2021]. URL: <https://vz.ru/news/2021/6/2/1102381.html> (дата обращения: 10.12.2021).

Заместитель Секретаря Генерального совета Всероссийской политической партии «Единая Россия» С. Н. Перминов отмечал, что «кампания предусматривает 11 форм отчётов»⁷. В заявлениях указывалось, что отчёт депутата Государственной Думы должен демонстрировать выполнение программы «Единой России», с которой партия шла на выборы в 2016 г. Исходя из этого, можно было ожидать единообразия в представлении информации (одна партия – одна программа – одни результаты), которую должны были транслировать депутаты своим избирателям.

Вместе с тем возникает вопрос о сущности отчёта. Как политико-коммуникативная практика он заявлен как отчёт о выполнении партией «Единая Россия» своей предвыборной программы. При этом не было заявлено, в каком виде в нём должны быть представлены избирателям результаты деятельности самого депутата.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ОТЧЁТОВ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ОТ «ЕДИНОЙ РОССИИ»

Анализ открытых источников позволяет сделать вывод, что депутаты использовали различные форматы. Парламентарии проводили встречи с группами населения, трудовыми коллективами, депутатами и руководителями региональных и местных органов власти, организовывали выступления на телевидении, размещали отчёты в СМИ. Так, А. В. Ильтяков для представления отчёта о своей деятельности организовывал встречи с населением в районах Курганской области⁸. С. А. Пахомов провёл прямую линию на телеканалах Московской области, где гражданам было предложено задать свои вопросы в комментариях к онлайн-трансляции⁹. А. В. Ситников разместил отчёт о деятельности в ряде интернет-СМИ Костромской области¹⁰.

Каждая из приведённых форм обладает своими преимуществами. Так, представление отчёта избирателям на встречах есть прямая коммуникация с возможной обратной связью, анализ которой может быть использован в

⁷ Ковид отчету не помеха // Коммерсантъ : [сайт]. [25.06.2021]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4870071> (дата обращения: 10.12.2021).

⁸ Депутат Государственной Думы отчитался о своей работе перед белозерцами // ZauralOnline. [20.07.2021]. URL: <http://zauralonline.ru/rubriki-novostej/obshchestvo/19405-deputat-gosudarstvennoj-dumy-otchitalsya-o-svoej-rabote-pered-belozertsami.html> (дата обращения: 10.12.2021).

⁹ Сегодня состоялся отчёт депутата Государственной Думы Сергея Пахомова // TVR24. TV : [сайт]. [02.07.2021]. URL: <https://tvr24.tv/news/segodnya-sostoyalsya-otchyot-deputata-gosudarstvennoj-dumy-sergeya-pahomova> (дата обращения: 11.12.2021).

¹⁰ Алексей Ситников: работаю для людей, для костромской земли // Общественно-политическая газета Пыщурского района «Призыв» : [сайт]. [16.06.2021]. URL: <http://priziv.smi44.ru/новости/2021/06/17/aleksey-sitnikov-rabotayu-dlya-lyudej-dlya-kostromskoj-zemli> (дата обращения: 10.12.2021).

дальнейшей деятельности. При этом опубликованный в интернет-СМИ отчёт позволяет избирателям знакомиться с ним в любое удобное время.

В настоящий момент (по прошествии четырёх месяцев с даты завершения предоставления отчётов) в открытых источниках находятся около пятнадцати полных отчётов депутатов. Хочется отметить отчёт А. Л. Красова, представленный в виде структурированной брошюры, где были отражены основные итоги деятельности¹¹.

В. И. Афонский отчитывался перед избирателями в прямом эфире социальной сети Facebook. Предоставив краткие результаты своей деятельности, парламентарий предложил «более подробные отчёты о деятельности» искать в ряде источников¹². Вместе с тем по мере изучения указанных сайтов единого отчёта найдено не было. Вероятно, под этой отсылкой парламентарий имел в виду отдельные информационные сообщения о собственной деятельности.

Контент-анализ отчётов позволяет сделать вывод, что депутаты Государственной Думы от партии «Единая Россия» в большинстве своём говорили о решениях, принятых по инициативе Президента России (в большинстве случаев поддержка детей и семей с детьми)¹³, в целом о законотворческой деятельности с указанием персональной статистики по инициированным и разработанным законам¹⁴, о работе с обращениями граждан¹⁵, о количестве проведённых приёмов и их результатах¹⁶, о реализации социально-значимых проектов в избирательном округе¹⁷. С учётом определённого вклада «Единой России» в борьбу с распространением коронавирусной инфекции

¹¹ Служба народу – верность России [18.06.2021] // Информационное агентство «МЕДИАРЯ-ЗАНЬ» : [сайт]. [18.06.2021]. URL: https://mediaryazan.ru/articles/detail/493646.html?sphrase_id=4013983 (дата обращения: 11.12.2021).

¹² Владимир Афонский отчитался в прямом эфире // Личный блог Афонского Владимира Игоревича : [сайт]. [24.06.2021]. URL: <https://vifonskiy.ru/news/region/vladimir-afonskiy-otchitalsya-v-pryamom-efire> (дата обращения: 11.12.2021).

¹³ Что было сделано за пять лет. Отчёт о работе депутата Государственной Думы 7-го созыва Н. Д. Боевой // Авангард : [сайт]. [07.07.2021]. URL: <http://avangard-93.ru/news/2021-07-07-14706> (дата обращения: 11.12.2021).

¹⁴ Андрей Исаев отчитался за пять лет своей работы в Госдуме РФ [Электронный ресурс] // Общественно-политическая газета Дебёсского района Удмуртской Республики «"Новый путь" с приложением "Байгурезь"». [18.06.2021]. URL: <https://moyaokrug.ru/noviput/Articles.aspx?articleId=464883&utm> (дата обращения: 12.12.2021).

¹⁵ Депутат ГД Ирина Бельх: «Нельзя не исполнить то, что обещаешь» // Издательский дом «Сорок один». Москва, Зеленоград : [сайт]. [28.06.2021]. URL: https://id41.ru/news/ofitsialno/deputat_gd_irina_belykh_nelzya_ne_ispolnit_to_chto_obeshchaesh (дата обращения: 11.12.2021).

¹⁶ Отчёт о работе депутата Государственной Думы ФС РФ от Республики Адыгея Хасанова Мурата Руслановича // Адыгэ макъ : [сайт]. [17.06.2021]. URL: <https://adygvoice.ru/2021/06/17/отчет-о-работе-депутата-государствен> (дата обращения: 12.12.2021).

¹⁷ Александр Поляков рассказал о главных итогах работы в Государственной // Тамбовский курьер : [сайт]. [15.06.2021]. URL: <http://tmbtk.ru/news/politics/23656> (дата обращения: 12.12.2021).

в большинстве изученных отчётов депутаты также указывали на реальную помощь в период пандемии (волонёрство)¹⁸.

Ряд отчётов строился исходя из профильной деятельности в Государственной Думе. Так, депутат В. А. Фетисов, будучи первым заместителем председателя Комитета Государственной Думы по физической культуре, спорту, туризму и делам молодёжи, информировал избирателей о строительстве и работе ряда спортивных объектов в Московской области¹⁹.

Депутаты, избранные в одномандатных избирательных округах, отражали в отчётах деятельность по решению проблем территории и привлечению бюджетных ассигнований и инвесторов. Так, С. Ю. Тен свой отчёт строил исходя из решений, принятых в поддержку развития Прибайкалья²⁰ (избран от Шелеховского избирательного округа Иркутской области).

Исходя из проанализированных источников, можно сделать вывод, что жёсткой структуры изученные отчёты депутатов Государственной Думы не имели. Можно выдвинуть предположение, что каждый депутат строил свой отчёт исходя из необходимости демонстрации своей полезности избирателям, выдвигая в качестве основных тезисов позитивные результаты своей деятельности. Данный тезис подтверждается тем, что отчёты, ставшие распространённой политико-коммуникативной практикой в период избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы VIII созыва, были использованы депутатами-кандидатами в качестве инструмента предвыборной агитации.

После того, как Государственная Дума нового созыва приступила к работе, о необходимости отчётов депутатов всех фракций, представленных в Государственной Думе, заявил В. В. Володин. Спикер предложил рассмотреть формализацию новой практики после консультаций со всеми фракциями, не откладывая²¹.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТЧЁТА ДЕПУТАТА

Для оформления данной политико-коммуникативной практики в законодательных актах и Регламенте Государственной Думы, очевидно, необхо-

¹⁸ Отчёт депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации О. И. Аршба за 2016–2021 гг. // Общественно-политическая газета Наро-Фоминского городского округа «Основа»: [сайт]. [16.06.2021]. URL: <https://clck.ru/ZQvkR> (дата обращения: 11.12.2021).

¹⁹ Более 80 процентов депутатов Госдумы и Мособлдумы отчитались об итогах работы за пять лет // Серп и молот: [сайт]. [14.07.2021]. URL: <http://inklincity.ru/bolee-80-procentov-deputatov-gosdumy-i-mosobldumy-otchitalis-ob-itogah-raboty-za-pyat-let> (дата обращения: 11.12.2021).

²⁰ Сергей Тен: приняты важные законы, которые касаются развития Байкальской природной территории // Иркутская торговая газета: [сайт]. [02.07.2021]. URL: <https://irk-torgnews.ru/vlastb-novosti/sergey-ten-prinyaty-vazhnye-zakony-kotorye-kasayutsya-razvitiya-baykalbskoy-prirodnoy-territorii> (дата обращения: 11.12.2021).

²¹ Председатель ГД: форма отчётности депутатов перед избирателями должна быть эффективной [01.10.2021] // Сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://duma.gov.ru/news/52352/> (дата обращения: 10.12.2021).

димо будет установить требования к срокам, содержанию отчёта и процедуре его представления избирателям, закрепить перечень предписаний, реализация которых позволит получать актуальную и достаточную информацию о деятельности депутата.

С одной стороны, содержание отчёта должно ориентироваться на информационный запрос избирателей. С другой – содержание отчёта должно иметь унифицированную структуру и включать основные итоги деятельности парламентария при реализации законотворческой функции (инициированные и разработанные законопроекты с указанием содержания наиболее социально значимых из них), представительской функции (работа с обращениями граждан, личные приёмы, участие в работе представительных (законодательных) органов и т. д.), контрольной функции (например, инициирование запросов в органы исполнительной власти); должно отражать работу в избирательном округе, работу в Комитете Государственной Думы, международную деятельность. При этом, исходя из сложившейся традиции, согласно которой депутат не столько законодатель, сколько представитель интересов региона в федеральном центре [7], в отчёте должны отражаться результаты этой работы. Депутаты, избранные в составе общефедеральной части списка кандидатов от политической партии, отражают в отчёте деятельность на территории всех субъектов Российской Федерации.

В отсутствие установленных нормативными правовыми актами общих требований парламентарий самостоятельно определял содержание отчёта. Ряд представленных в открытых источниках отчётов содержал указанные пункты. Однако в большинстве случаев отчёты представлялись в формате информирования избирателей о деятельности депутата, т. е. не структурированно, а выборочно, в зависимости от полученных результатов и необходимости демонстрации своей «полезности» избирателям.

Регламентации должна подлежать также форма предоставления отчёта избирателям. Безусловно, предпочтительным форматом должны стать открытые встречи на территории избирательного округа, где участники могут вовлекаться в коммуникацию, задавая вопросы или выступая с оценкой деятельности депутата. Так как формат отчёта депутата Государственной Думы не предполагает формулирования некоего заключения со стороны избирателей (к примеру, по аналогии с ежегодным отчётом Правительства в Государственной Думе), считаем важным его компенсацию другими возможными вариантами (вопросами, «наказами» на предстоящий период работы и др.).

К приемлемым форматам можно также отнести организацию прямых эфиров и видеотрансляций в социальных медиа.

Отчёт депутата Государственной Думы должен быть представлен также в электронном формате в виде документа (например, на официальном бланке депутата и с его подписью). Возможным местом размещения могла бы стать

страница парламентария на официальном сайте Государственной Думы²². В случае нормативного закрепления рассматриваемой политико-коммуникативной практики раздел «Отчёт депутата Государственной Думы» мог бы стать обязательным к заполнению ежегодно наравне с разделом «Сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера».

Помимо названного к обязательной регламентации необходимо отнести вопрос об информировании избирателей о месте и времени проведения отчёта. Данные сведения могут размещаться в региональных и местных СМИ, на сайтах органов государственной и муниципальной власти региона не позднее чем за десять дней до дня проведения отчёта.

Указанные нормы носят практический характер, их одновременное закрепление позволит упорядочить реализацию рассмотренной политико-коммуникативной практики, сделав её универсальной при реализации депутатом вне зависимости от должностного положения или партийной принадлежности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог вышесказанному, отметим следующее. Инициатива партии «Единая Россия», хоть и не была лишена противоречий при реализации, заслуживает одобрения и поддержки. Если «отчёт депутата Государственной Думы перед избирателями» как политико-коммуникативная практика будет регламентирован, в процессе нормативного оформления он может опираться на опыт партии и предложения, высказанные по результатам реализации практики в 2021 г.

Отчёт депутата Государственной Думы в широком смысле является элементом представительной демократии, будет способствовать повышению доверия к деятельности парламентариев и парламента в целом, в том числе и через новый канал общественного контроля. Закрепление отчётности депутатов перед избирателями будет иметь большое символическое и практическое значение, демонстрируя гражданам такие важные и востребованные среди населения смыслы, как открытость, уровень профессионализма и стремление депутатов работать с учётом интереса граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громова Т. Н. Государственная коммуникация: теоретическая модель и региональная практика // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. 2002. № 1. С. 43–52.
2. Еременко В. И. Теоретическое исследование парламентской коммуникации // Управленческое консультирование. 2012. № 1. С. 43–49.

²² Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2021).

3. Керимов А. А. Парламентаризм в современной России: особенности и проблемы реализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 145–153.
4. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–75.
5. Примова Э. Н. К вопросу о легитимности власти // Власть. 2013. № 8. С. 112–116.
6. Символическая политика: сборник научных трудов. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. О. Ю. Малинова. М.: Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии Наук, 2012. 334 с.
7. Стародубцев А. В. Региональные интересы в российском парламенте: депутаты-одномандатники как бюджетные лоббисты // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2009. № 2. С. 90–101.

REFERENCES

1. Gromova T. N. [The state communications: theoretical model and regional practice]. In: *Vestnik Rossiiskoi kommunikativnoi assotsiatsii* [Bulletin of Russian Communication Association], 2002, no. 1, pp. 43–52.
2. Eremenko V. I. [Theoretical study of parliamentary communication]. In: *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2012, no. 1, pp. 43–49.
3. Kerimov A. A. [Parliamentarism in modern Russia: features and problems of implementation]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology And Political Science], 2019, no. 48, pp. 145–153.
4. Potseluev S. P. [Symbolic politics: constellation of concepts to approach the problem]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1999, no. 5, pp. 62–75.
5. Primova E. N. [On the issue of the legitimacy of power]. In: *Vlast'* [The Authority], 2013, no. 8, pp. 112–116.
6. Malinova O. Yu., ed. *Simvolicheskaya politika : sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 1. Konstruirovaniye predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs* [Symbolic politics: collection of scientific papers. Iss. 1. Constructing representations of the past as a power resource]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 334 p.
7. Starodubtsev A. V. [Regional interests in the Russian parliament: single-mandate deputies as budget lobbyists]. In: *Politiya: Analiz. KHronika. Prognoz (ZHurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)* [Politeia – journal of political theory, political philosophy and sociology of politics], 2009, no. 2, pp. 90–101.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 17.12.2021

Статья размещена на сайте: 24.12.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Воропаева Мария Александровна – аспирант Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; e-mail: mariavoropaeva@yandex.ru

Maria A. Voropaeva – Postgraduate Student, Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: mariavoropaeva@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Воропаева М. А. Отчёт депутата Государственной Думы как новая политико-коммуникативная практика: вопросы регламентации и механизм внедрения // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Voropaeva M. A. Report by the deputy of the State Duma as a new political and communicative practice: regulatory issues and the mechanism of implementation. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 621.039.009

Головихина О. С.

АО «Росатом Инфраструктурные решения»

119017, г. Москва, Погорельский пер., д. 7, стр. 2, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ВЫСТРАИВАНИЯ КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЗАИНТЕРЕСОВАННОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ АТОМНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление особенностей диалога Госкорпорации «Росатом» и её организаций с заинтересованной общественностью для формирования социальной востребованности в развитии атомной энергетики. Определение эффективных форм взаимодействия и формирование рекомендаций для развития диалога.

Процедура и методы. В процессе работы использован метод обобщения опыта информационно-просветительской и разъяснительной деятельности, проводимой Госкорпорацией «Росатом» и её организациями с населением и общественностью, направленной на развитие атомной отрасли с целью ответа на основные вызовы современности. Проведены анализ региональных особенностей и институциональный анализ Общественного совета Госкорпорации «Росатом» в качестве органа, влияющего на принятие решений в одной из ключевых отраслей промышленности России.

Результаты. Предложены новые направления работы для формирования положительного отношения населения к развитию российских ядерных технологий. Показана необходимость повышения уровня радиационной и экологической грамотности населения. Реализацию диалога с заинтересованной общественностью рекомендовано вести с учётом специфики региона, а также с учётом того положительного влияния организаций атомной отрасли на социально-экономические, социокультурные аспекты, которое определяет качество жизни населения. Определены особенности выстраивания диалога с заинтересованной общественностью как добровольной инициативы атомной отрасли. Рассмотрен Общественный совет Госкорпорации «Росатом», обеспечивающий действенный механизм участия общественности в принятии решений относительно развития отрасли. Описаны инициативы Совета, ориентированные на повышение уровня доверия населения, обеспечение взаимодействия с гражданским обществом. Сформулированы рекомендации по развитию взаимодействия между атомной отраслью и общественностью.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье обобщён новый материал по теме становления и развития института общественных советов на примере Общественного совета Госкорпорации «Росатом». Автором предложены направления для дальнейшего изучения проблемы участия общественности в принятии властью решений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

общественность, общественный совет, атомная энергетика, гражданское общество

СТРУКТУРА

Введение

Информационная работа с населением о способах реагирования на современные вызовы

Выводы и рекомендации

O. Golovikhina

JSC «Rosatom Infrastructure Solutions»

Pogorelskii per. 7 str. 2, Moscow 119017, Russian Federation

DEVELOPING CONSTRUCTIVE INTERACTION WITH THE STAKEHOLDERS AND PUBLIC (THE EXAMPLE OF THE NUCLEAR INDUSTRY OF RUSSIA)

ABSTRACT

Aim. Revealing the peculiarities of the dialogue between ROSATOM and its organizations with the public concerned to form social demand for the development of nuclear energy. Identifying effective forms of interaction and working out recommendations for the development of the dialogue.

Methodology. In the research, the experience of informational, educational and explanatory work carried out by ROSATOM and its organizations with the population and the public in the interests of developing the nuclear industry in order to meet the main challenges of our time was summarized. The analysis of regional features and institutional analysis of the Public Council of the State Atomic Energy Corporation "Rosatom" as a body influencing decision-making in one of the key industries in Russia were carried out.

Results. New directions of work are proposed to form a positive attitude of the population towards the development of Russian nuclear technologies. It is shown that increasing the level of environmental literacy and better informing the public about radiation are essential. It is recommended to maintain a dialogue with the interested public, taking into account the specifics of the region, as well as the positive impact of nuclear industry organizations on the socio-economic, socio-cultural aspects that determine the quality of life of the population. The characteristics of encouraging and facilitating a dialogue with the interested public as a voluntary initiative of the nuclear industry have been determined. The Public Council of ROSATOM role in as an effective mechanism for public participation in decision-making regarding the development of the industry was considered. The Council initiatives aimed at increasing the level of public confidence, ensuring interaction with civil society are described. Recommendations for the development of interaction are formulated.

Research implications. The article summarizes new material on the formation and development of the institution of public councils using the example of the Public Council of the State Corporation "Rosatom". The author proposes directions for further study of the problem of public participation in decision-making by the authorities.

KEYWORDS

public, public council, nuclear energy, civil society

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время человечество свыкается с мыслью, что потребление углеводородных энергоносителей не может быть бесконечным и переход на экологически чистые энергоносители неизбежен [13]. Пока существует только одна экологически чистая энергетика – атомная, способная обеспечить современную цивилизацию численностью 7–8 млрд чел. энергией на уровне $6 \cdot 10^{20}$ Дж/г (именно столько она потребляет в настоящее время, и сниже-

ния потребления пока не предвидится), никакая другая энергетика с такой задачей не справится [7; 10].

Решение проблем изменения климата, стремление государств к снижению эмиссии парниковых газов и глобальному регулированию во исполнение Парижского соглашения¹ не оставляют сомнений в том, что атомная энергетика будет становиться всё более востребованным видом энергогенерации, ведь учёными отмечается, что «даже в случае вовлечения в ядерный топливный цикл беднейших урановых руд, атомная энергетика будет допускать углеродную эмиссию на порядок меньшую, чем энергетика на ископаемом топливе» [12].

Атомная энергетика как отвечает целям национальных проектов России, так и способствует достижению Целей устойчивого развития, определённых странами-членами ООН и мировым сообществом [1].

Однако без поддержки и участия населения, общественности, органов власти в активном развитии атомной энергетики и промышленности, без радиационной грамотности населения обеспечить развитие отрасли невозможно. Под словосочетанием «радиационная грамотность» автор понимает не знакомство населения с фундаментальными основами соответствующих научных дисциплин, так как это вряд ли осуществимо и в этом нет никакой необходимости, а формирование у населения уверенности в собственной безопасности, в том, что за радиационной безопасностью производства следят ответственные и подготовленные специалисты. В свою очередь, такая уверенность может быть сформирована только при открытости отрасли, контролирующих и надзорных органов, при готовности к диалогу с наглядной демонстрацией достигнутых результатов, в частности решённых проблем ядерного наследия (что было «до» и что стало «после» работ по снижению накопленного экологического вреда), с показом надёжности АЭС новых поколений, достоинств и неизбежности перехода на замкнутый ядерный топливный цикл, с существенным, в сотни раз, уменьшением массы и объёма радиоактивных отходов.

Экологические вопросы затрагивают глубинные переживания и беспокойство человека о базовой потребности в обеспечении безопасности жизни и здоровья, что формирует потребность в получении достоверной информации о состоянии окружающей среды.

Право на благоприятную окружающую среду и доступность экологической информации закреплено в принципах Х Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию², в положениях Конвенции о доступе к

¹ The Paris Agreement. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 11.04.2021).

² Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию // Организация Объединённых наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 23.01.2021).

информации, участии в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам окружающей среды (Орхусская конвенция)³.

На уровне законодательства Российской Федерации доступ населения к экологической информации и участие общественности в принятии решений регулируются Конституцией Российской Федерации и другими нормативно-правовыми актами, в частности ст. 13, 14 Федерального закона об использовании атомной энергии⁴.

Ядерная отрасль – довольно молодая отрасль мировой и российской экономики. С момента начала исследовательских работ по созданию ядерного оружия и запуска первой в мире АЭС прошло чуть менее века, и естественно, что за это время ядерные технологии не сумели добиться абсолютно лояльного отношения к себе даже в странах, интенсивно развивающих атомную энергетику.

В последнее время взаимодействию с общественностью по проблемам развития атомной отрасли уделяется много внимания – например, историками показано [6], что общество пока не определило своего отношения к атомной отрасли.

Причины этого связаны с высоким уровнем радиотревожности, вызванным памятью о прошлых авариях на объектах использования атомной энергии и недостаточным уровнем осведомлённости и знаний населения о достоинствах и недостатках современных источников энергии и их влияния на состояние окружающей среды, здоровье человека, науку, экономику и т. д.

Специалисты атомной отрасли накопили опыт взаимодействия с населением и общественностью [3] и показали, что информирование населения – это важнейший инструмент развития атомной отрасли [5].

В целях становления конструктивного диалога и обеспечения эффективного участия общественности в процессах выработки решений относительно развития ядерных технологий требуется, помимо открытости информации и обеспечения доступа к ней в рамках формальных процедур (например, общественные обсуждения как часть процесса лицензирования деятельности в области использования атомной энергии), формировать достаточный уровень восприятия такой информации населением, вести регулярную информационную работу.

При формировании стратегии диалога с общественностью следует разделять информационную работу с населением, общественностью и стейкхолдерами как предмет добровольной инициативы атомной отрасли в це-

³ Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция] // Организация объединённых наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 23.01.2021).

⁴ Федеральный закон «Об использовании атомной энергии» от 20.10.1995 № 170-ФЗ // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8503> (дата обращения: 11.04.2021).

лях повышения доверия населения – с одной стороны, – и как нормативно закреплённые процедуры общественных обсуждений – с другой. При этом оба направления должны быть взаимосвязаны, а информационной работе, изучению мнения и формированию экспертного сообщества необходимо уделять повышенное внимание в процессе подготовки к публичному обсуждению принимаемых решений.

В качестве примера эффективного механизма вовлечения заинтересованной общественности в обсуждение и участие в принятии социально значимых решений предлагается рассмотреть опыт Общественного совета Госкорпорации «Росатом».

ИНФОРМАЦИОННАЯ РАБОТА С НАСЕЛЕНИЕМ О СПОСОБАХ РЕАГИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Необходимость обеспечения общественной приемлемости проектов развития атомной отрасли (главным образом экологически чистой атомной энергетики) России стала основой для реализации активной просветительской работы в регионах расположения организаций атомной отрасли страны.

Массив информации об атоме, ядерных технологиях и их уникальных возможностях, радиационной безопасности и радиационном воздействии в целом, доступный и открытый для заинтересованного читателя, насчитывает тысячи единиц носителей – книги, статьи, фильмы, брошюры, презентации – и регулярно пополняется. Тематика информации обширна – от исторических сведений, воспоминаний, архивных документов до статей о новейших технологиях, уникальных возможностях и направлениях развития. Даже заинтересованному читателю затруднительно найти в этом массиве публикаций доброкачественную информацию.

При подготовке просветительских мероприятий с населением следует использовать надёжные первоисточники, например, из электронной библиотеки «История Росатома» (elib.biblioatom.ru).

Во многих научных публикациях показано, что без атомной энергетики у современной цивилизации нет будущего [7; 10; 13] и только она сможет ответить на вызовы современности, существенно сократить выбросы углекислого газа, снизить потребление кислорода при сжигании углеводородного топлива и содействовать предотвращению загрязнения окружающей среды.

Кроме того, развитие атомной отрасли становится движущей силой развития территории (региона, целого государства). В России, где на протяжении десятилетий благодаря развитию сначала военного, а затем и мирного освоения энергии атома сформировалась инфраструктура ядерной промышленности, включающая, помимо научной, производственной, организационной составляющих, целый пласт социальных, социальноэкономических и социокультурных феноменов в виде закрытых административно-террито-

риальных образований, городов-спутников АЭС, моногородов, а также сообществ граждан, проживающих на данных территориях [4]. Эти аргументы могут стать основой для построения конструктивного диалога о развитии ядерных технологий в стране в целом и в отдельном регионе в частности.

Следует принимать во внимание, что какой-либо единой темы беседы по безопасному развитию ядерных технологий, одинаково интересной жителям любого региона России, не существует. Действительно, население Центрального федерального округа вряд ли заинтересуют вопросы обращения с радиоактивными отходами и отработанным ядерным топливом на ФГУП «Федеральный ядерный центр «Торно-химический комбинат»» в Сибири или проблемы вывода из эксплуатации атомных подводных лодок на Дальнем Востоке. В каждом регионе основное внимание следует сосредоточить на местных особенностях, и их вполне достаточно. Так, например, проблемы ЦФО, связанные с выводом из эксплуатации первых ядерных объектов, которые 50–70 лет назад создавались за чертой города, а ныне оказались в местах массового проживания населения, рассмотрены в специализированных научных журналах «Атомная энергия», «Радиоактивные отходы» и других отраслевых и научных изданиях. Одновременно следует кратко и «крупными мазками» обозначать важнейшие вопросы отрасли в целом, формируя понимание атомной отрасли как единой системы, с одной стороны, и одновременно как ключевого элемента, играющего значительную роль в обеспечении безопасности государства, стратегического преимущества в науке и технологиях – с другой.

Зачастую статьи и информационные материалы о ядерных технологиях написаны строгим научным языком с соответствующим понятийным аппаратом и для понимания требуют от читателя не только усилий, но и соответствующего уровня образования. При этом представителям авторитетных категорий населения (журналистам, преподавателям вузов, специалистам органов местного самоуправления и др.) они могут быть настоятельно рекомендованы как для аргументации позиции при выступлениях перед населением и в СМИ, так и для углублённого понимания проблемы в целом.

Для удобного поиска и систематизации информации были предложены методы ведения информационно-просветительской деятельности, выявлены категории населения, предложен инструментарий и описана структура перечня источников, создан электронный архив информации и источников об атомной энергетике и её развитии⁵.

Одним из эффективных методов содействия формированию объективного мнения населения об атомной отрасли стала поддержка экспертного сообщества, подготовка его участников к квалифицированному диалогу как

⁵ Систематизация информации для работы с населением в интересах атомной энергетики / Подробнее см.: О. С. Головихина, Н. В. Брехова, Н. В. Горин, Д. В. Шмаков // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 1. С. 58–66. DOI: 10.25588/CSPU.2018.01.06

с населением, так и с органами власти. Сообщество вовлечено в регулярное обсуждение проблем развития отрасли, различных аспектов и вопросов междисциплинарного характера в областях истории, права, педагогики, экологии, журналистики, политологии, энергетики и науки [2]. Экспертное сообщество сформировано из профессорско-преподавательского состава вузов, в частности, специализирующихся на атомной энергетике как части глобального процесса развития мировой экономики и экологии.

Общественный совет госкорпорации «Росатом» разработал и реализовал ряд инициатив по формированию региональной экспертной сети. Инициатива «Зелёный квадрат безуглеродной энергетики» привлекла около 250 экспертов из Томской, Московской, Курской, Архангельской, Свердловской и Челябинской областей, Красноярского края, Санкт-Петербурга и Москвы. Именно они могут принять на себя роль авторитетных лидеров общественного мнения, и к их мнению население прислушивается. Кроме того, имея в своей области науки компетенции, знания и опыт, эксперты могут предоставить обоснованное мнение, замечание непосредственно к принимаемым в отрасли решениям через Общественный совет, что значительно повышает качество диалога.

Общественный совет Госкорпорации «Росатом» как действующий механизм участия общественности в принятии решений

Достижение общественной приемлемости развития ядерных технологий требовало организации диалога с населением о развитии атомной отрасли на территории проживания, учёта мнения при принятии решений на стадии размещения и на всех последующих стадиях жизненного цикла объекта использования ядерной энергии.

Кроме того, как было показано выше, требовалась организация информационно-просветительской работы с разными социально-профессиональными и возрастными группами населения.

С этими целями в 2006 г. был создан Общественный совет госкорпорации «Росатом» (с 2006 по 2008 гг. – Общественный совет при Федеральном агентстве по атомной энергии).

Общественный совет Росатома представлял собой совещательный консультативный орган для взаимодействия с гражданским обществом и являлся добровольной инициативой федерального органа власти (до 2008 г. Федеральное агентство входило в число ФОИВов, а в настоящее время госкорпорация «Росатом» выполняет отдельные функции федерального органа исполнительной власти, реализуя государственное управление при осуществлении отдельных видов деятельности).

В состав Общественного совета вошли представители российских общественных экологических организаций, имеющие опыт и достаточный уровень компетенций для обсуждения вопросов обеспечения ядерной и радиационной безопасности (Российский Зелёный Крест, Российский социально-экологический союз, WWF и др.).

Несмотря на то, что, согласно Положению об Общественном совете, решения его для отрасли носят рекомендательный характер, с первого же заседания, состоявшегося в феврале 2006 г., сложилась практика поручений от имени руководителя (генерального директора), зафиксированных в протоколе и, таким образом, обязательных к исполнению подразделениями и организациями Госкорпорации «Росатом».

Такой механизм обязательного исполнения принимаемых Общественным советом решений стал возможен из-за организационных особенностей, отмеченных выше: председателем Совета является руководитель отрасли, утверждающий протокол. Таким образом, с 2006 г. был установлен действующий механизм участия заинтересованной общественности в принятии социально значимых решений в развитии стратегически важной отрасли экономики.

Среди форм взаимодействия с общественностью, подтвердивших эффективность, следует выделить:

1. вынесение наиболее важных вопросов для обсуждения на заседаниях Общественного совета: от принятия экологической политики до вопросов обеспечения качества организации медицинского обслуживания населения и работников на территориях ЗАТО атомной промышленности;

2. проведение регулярных дискуссий с общественностью, руководством организаций отрасли, федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления территорий присутствия (форумы-диалоги, круглые столы, технические туры) по тематикам, волнующим местное население;

3. реализацию социально-гуманитарных проектов и программ (Территория культуры Росатома, Школа Росатома, Конкурс социально значимых проектов);

4. технические туры для СМИ, общественности на российские и зарубежные объекты атомной отрасли;

5. обеспечение открытости информации о воздействии организаций атомной отрасли на окружающую среду. Ежегодно с 2008 г. все экологически значимые организации атомной отрасли (около 50 организаций) публикуют отчёты по экологической безопасности, которые располагаются в открытом доступе в интернете и содержат основные показатели, установленные нормативы и т. п.;

6. установление системы взаимодействия с научным и экспертным сообществами в регионах и на территориях присутствия.

Следует подчеркнуть, что Общественный совет Росатома среди общественных советов при федеральных органах власти занимает отдельную нишу. Так как Госкорпорация «Росатом» не входит в число федеральных органов исполнительной власти, но при этом наделена отдельными государственно-властными полномочиями, её Общественный совет сохранил

организационные и институциональные особенности, которые позволяют общественности участвовать в реальном принятии решений в стратегически важной для государства отрасли.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Коммуникационные стратегии должны учитывать специфику и длительные жизненные циклы объектов использования атомной энергии, составляющие по продолжительности несколько десятков лет. Расчётный срок службы атомной электростанции может составлять 50 лет, основного оборудования – 60 лет. Пункт захоронения радиоактивных отходов находится под наблюдением в течение нескольких сотен лет после заполнения последней ячейки, поэтому следует особое внимание уделять работе с поколениями, которые спустя десять-двадцать лет будут формировать общественное мнение и влиять на принятие решений или сами будут их принимать, т. е. школьникам младшего и среднего возраста.

С активным развитием современных средств коммуникации, переходом многих социальных взаимодействий и явлений (обучение, общение, профессиональная деятельность) в онлайн-формат требуется обеспечение вовлечения участников в диалог и установления доверительного формата отношений, а также удержания внимания на предлагаемых предметах для обсуждения в интернете, особенно в социальных сетях.

Анализ активности участия молодёжи в обсуждении экологической повестки на примере наиболее значимых событий 2017–2020 гг. в Архангельской, Владимирской, Вологодской, Костромской, Ярославской, Иркутской областях, Республиках Коми, Бурятии, Башкортостан, Саха (Якутия), Красноярском крае показывает, что именно экологический активизм способствует проявлению ценностей, не свойственных в целом современной молодёжи: солидарности и коллективизма, демократии, законности и соблюдения прав человека, патриотизма, в том числе локального патриотизма [11].

При этом исследователи не отмечают значимого преобразования сетевой активности молодого поколения в активное участие в политической жизни и формирования консолидированной позиции, артикулирующей агрегированные взгляды и предложения по принимаемым решениям [11].

С этой целью рекомендуется более детальное исследование социальных медиа на основе теории «горячих» и «холодных» медиа, предложенной М. Маклюэном [8]. На наш взгляд, включение социальных сетей в категорию «медиа» в данном контексте уместно, поскольку социальные сети обладают необходимыми базовыми свойствами, характерными для социальных медиа [9].

Современные системы коммуникации способны создать объективный, «холодный» информационный фон, который оставляет возможность для раз-

мышления и выстраивания собственных логических связей. Поэтому ключевой задачей для обеспечения вовлечения заинтересованной общественности в процесс принятия решений властью остаются работа с лидерами мнений, поддержка постоянного обмена достоверной информацией, взглядами и оценками, формирование новых виртуальных социальных сообществ, которые будут готовы посредством активности в информационно-коммуникационной среде формировать компетентное мнение относительно экологических эффектов развития атомной отрасли и ядерных технологий.

В качестве одного из выводов автор также считает важным поставить вопрос: заинтересованная общественность, имея возможности влиять на принятие решений относительно развития ключевой отрасли российской экономики, обладает ли достаточными компетенциями для оценки сложных научно-технических аспектов деятельности в области использования атомной энергии? Готовы ли общественные организации и граждане нести ответственность за заключения, выносимые по итогам экспертизы, и ответственность за возможные последствия принимаемых решений о развитии атомной энергетики? Данные вопросы требуют отдельного изучения и корреляции с изучением аспектов организации и развития экспертного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атомная энергетика в контексте устойчивого развития / О. В. Кудрявцева, А. С. Деркач, С. В. Манушко, Ф. Д. Несветов, С. В. Пекарев, В. С. Четвертаков // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2018. № 10 (4). URL: <https://scires.elpub.ru/jour/index> (дата обращения: 13.01.2021).
2. Атомная энергетика в пространстве интернет-коммуникаций : методическое пособие / Д. Е. Антонов, К. Н. Арутюнян, О. С. Головихина и др.; общ. ред. А. В. Селезнёвой, А. Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2018. 132 с.
3. Информационные интересы общества и объектов атомной отрасли: уроки конфликтов / Н. В. Горин, А. А. Екидин, С. В. Нечаева, О. С. Головихина // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru> (дата обращения: 13.01.2021). DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10108
4. Динамика взаимоотношений государства, общества и крупного бизнеса в современной России: практики диалога и разрешения конфликтов на примере регионов присутствия предприятий атомной отрасли : монография / под общ. ред. А. Ю. Шутова, А. Л. Демчука, И. И. Кузнецова. М.: КДУ: Университетская книга, 2020. 114 с.
5. Информирование населения как инструмент развития атомной отрасли / Н. В. Горин, О. С. Головихина, Е. Е. Глазов, А. А. Екидин, С. В. Нечаева // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 85. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru> (дата обращения: 13.01.2021).
6. История взаимодействия ядерной энергии и общества в России / Н. В. Мельникова, Е. Т. Артёмов, А. Э. Беделъ, Н. П. Волошин, М. В. Михе-

ев. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. 127 с. DOI: 10.15826/B978-7996-2492-7

7. Капица П. Л. Энергия и физика : доклад на научной сессии, посвящённой 250-летию Академии наук СССР, Москва, 8 октября 1975 г. [Электронный ресурс] // Вестник Академии Наук СССР. 1976. № 1. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/KAPITZA/KAP_10.HTM (дата обращения: 13.01.2021).
8. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешнее расширение человека / пер. с англ. В. Николаева. М.: Гиперборея, 2007. 464 с.
9. Пичугина О. А. Трансформация массовой коммуникативной реальности в эпоху социальных медиа // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2013. № 1 (102). С. 268–276.
10. Пономарёв Л. И. Без ядерной энергетики у нынешней цивилизации нет будущего // Атомный эксперт. 2018. № 3-4. С. 70–75.
11. Круглый стол «Российская молодёжь в государстве и обществе: социокультурное и политико-психологическое измерения» / А. В. Селезнева, Т. В. Евгеньева, Д. Е. Антонов, М. А. Кленова, Е. А. Турков, Э. С. Ибрагимов, Н. С. Скипин, А. В. Сокрыкин, А. С. Девочкина, Д. Д. Тулегенова, С. Ю. Попова, Т. В. Коростелева, А. Х. Томаев, С. И. Хачатурова, И. С. Палитай, С. В. Викулина, В. А. Зорин, А. А. Азарнова // Полилог : [сайт]. 2020. Т. 4. № 4. URL: <https://polylog.jes.su/S258770110013200-2-1> (дата обращения: 31.12.2020). DOI: 10.18254/S258770110013200-2
12. Ядерная энергия в дискуссии об углеродном следе: чистая среди главных, стабильная среди чистых / М. Е. Рублёва, К. И. Хоцинская, Р. А. Шарафутдинов, В. Л. Гавриков, В. В. Нагорская // Проблемы региональной экологии. 2018. № 1. С. 73–79.
13. Why Nuclear Energy Is Sustainable and Has to Be Part of the Energy Mix / B. W. Brook, A. Alonso, D. A. Meneley, J. Misak, T. Blees, J. B. van Erp // Sustainable Materials and Technologies. 2014. № 1-2. P. 8–16. DOI: 10.1016/j.susmat.2014.11.001

REFERENCES

1. Kudryavtseva O. V., Derkach A. S., Manushko S. V., Nesvetov F. D., Pekarev S. V., Chetvertakov V. S. [Nuclear energy in the context of sustainable development]. In: *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyi zhurnal* [Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal], 2018, no. 10 (4). Available at: <https://scires.elpub.ru/jour/index> (accessed: 13.01.2021).
2. Antonov D. E., Arutyunyan K. N., Golovikhina O. S., et al. *Atomnaya energetika v prostranstve internet-kommunikatsii* [Nuclear energy in the space of Internet communication]. Moscow, Akvilon Publ., 2018. 132 p.
3. Gorin N. V., Ekidin A. A., Nechaeva S. V., Golovikhina O. S. [Society and Atomic Industry Enterprises Information Interests: Experience of Conflicts]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public Administration. E-journal], 2020, no. 83. Available at: <http://e-journal.spa.msu.ru> (accessed: 13.01.2021). DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10108

4. Shutov A. Yu., Demchuk A. L., Kuznetsov I. I., eds. *Dinamika vzaimootnoshenii gosudarstva, obshchestva i krupnogo biznesa v sovremennoi Rossii: praktiki dialoga i razresheniya konfliktov na primere regionov prisutstviya predpriyatii atomnoi otrasli* [Dynamics of Relations between the State, Society and Big Business in Modern Russia: Practices of Dialogue and Conflict Resolution on the example of regions where nuclear industry enterprises are present] Moscow, KDU Publ., Universitetskaya kniga Publ., 2020. 114 p.
5. Gorin N. V., Golovikhina O. S., Glazov E. E., Ekidin A. A., Nechaeva S. V. [Awareness-raising as a tool in developing atomic industry]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public Administration. E-journal], 2021, no. 85. Available at: <http://e-journal.spa.msu.ru> (accessed: 13.01.2021).
6. Mel'nikova N. V., Artemov E. T., Bedel' A. E., Voloshin N. P., Mikhhev M. V. *Istoriya vzaimodeistviya yadernoi energii i obshchestva v Rossii* [The history of interaction between nuclear energy and society in Russia]. Ekaterinburg, Ural University Publishing House Publ., 2018. 127 p. DOI: 10.15826/B978-7996-2492-7
7. Kapitsa P. L. [Energy and physics: report at the scientific session dedicated to the 250th anniversary of the USSR Academy of Sciences, Moscow, 8 October, 1975]. In: *Vestnik Akademii Nauk SSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR], 1976, no. 1. Available at: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/KAPITZA/KAP_10.HTM (accessed: 13.01.2021).
8. McLuhan G. M. Understanding Media: External Extensions of Man (Rus. ed.: Nikolaev V., transl. *Ponimanie media: vneshnee rasshirenie cheloveka*. Moscow, Giperboreya Publ., 2007. 464 p.).
9. Pichugina O. A. [Transformation of mass communication reality during the era of social media]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Sotsial'no-kommunikativnye nauki* [RGGU Bulletin. Series: Political science. Social and communicative sciences], 2013, no. 1 (102), pp. 268–276.
10. Ponomarev L. I. [Today's civilization has no future without nuclear power]. In: *Atomnyi ekspert* [Atomic expert], 2018, no. 3-4, pp. 70–75.
11. Selezneva A. V., Evgen'eva T. V., Antonov D. E., et al. [Round table "Russian youth in the state and society: socio-cultural and political-psychological dimensions"]. In: *Polilog* [Polylogos], 2020, vol. 4, no. 4. Available at: <https://polylog.jes.su/S258770110013200-2-1> (accessed: 12/31/2020). DOI: 10.18254 / S258770110013200-2
12. Rubleva M. E., Khotsinskaya K. I., Sharafutdinov R. A., Gavrikov V. L., Nagorskaya V. V. [Nuclear power in the discussions on carbon footprint: clean among principal, stable among clean]. In: *Problemy regional'noi ekologii* [Problems of Regional Ecology], 2018, no. 1, pp. 73–79.
13. Brook B. W., Alonso A., Meneley D. A., Misak J., Blees T., van Erp J. B. Why Nuclear Energy Is Sustainable and Has to Be Part of the Energy Mix. In: *Sustainable Materials and Technologies*, 2014, no. 1-2, pp. 8–16. DOI: 10.1016/j.susmat.2014.11.001

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 20.07.2021

Статья размещена на сайте: 02.12.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Головихина Ольга Сергеевна – директор проектного офиса АО «Русатом Инфраструктурные решения»; e-mail: golovikhina@gmail.com

Olga S. Golovikhina – Director of the project office, JSC «Rusatom Infrastructure Solutions»; e-mail: golovikhina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Головихина О. С. Особенности выстраивания конструктивного взаимодействия с заинтересованной общественностью (на примере атомной отрасли России) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Golovikhina O. S. Developing constructive interaction with stakeholders and public (the example of the nuclear industry of Russia). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 321

Коньков А. Е.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

ЛАТЕНТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Разработка подходов к выявлению и критическому осмыслению латентных механизмов в политических практиках современных государственных акторов.

Процедура и методы. Исследование базируется на общетеоретических методах познания, включающих институциональный, нормативный, компаративный методы экстраполяции и прогнозирования, а также на системном подходе и приёме включённого наблюдения.

Результаты. Сформулированы акторская, атрибутивная и инструментальная модели идентификации и интерпретации латентных механизмов государственной политики, а также ряд направлений интеграции публичных и латентных явлений в актуальном политическом дискурсе.

Теоретическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в развитие теорий принятия государственных решений и политической коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная политика, публичная политика, публичная сфера, латентная сфера, латентные механизмы, латентность

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31194.

СТРУКТУРА

Введение

Презумпция публичности в государственной политике

Модели идентификации латентных механизмов в политике

Интеграция латентных и публичных механизмов в реальных политических практиках

Заключение

A. Konkov

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

LATENT MECHANISMS IN PUBLIC SPACE OF STATE POLICY: APPROACHES AND INTERPRETATIONS

ABSTRACT

Aim. To develop approaches to identify and critically evaluate latent mechanisms in political practices of modern public actors.

Methodology. The main methods of research are: institutional, normative, comparative analysis, extrapolating and predictive method, system approach, overt observation.

Results. Actor, attributive and instrumental models for identifying and interpreting latent mechanisms of public policy are defined as well as a range of directions for integrating public and latent phenomena in relevant political discourse.

Research implications. The research results contribute to the theory of public decision-making and political communication.

KEYWORDS

linguistic expertise, speech behavior, subtext, implicit information, explicit information state policy, public policy, public sphere, latent sphere, latent mechanisms, latency

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31194.

ВВЕДЕНИЕ

Морфология политического процесса характеризуется сочетанием публичных и латентных форм активности государства и его стейкхолдеров, в чём проявляются и институциональные, и идейные, и коммуникационно-технологические особенности государственной политики. Несмотря на высокую, казалось бы, степень познаваемости публичной сферы и предсказуемую сложность исследования латентных форм, которые начали становиться предметом особого интереса учёных лишь в последнее время, нужно признать, что политика в целом всегда отличалась изменчивым балансом между обеими категориями.

С одной стороны, с древних времён существует представление о политике как об уделе избранных, а потому скрытом от чужих глаз, не ведомом рядовым обывателям [1, с. 148–165]. О происходящем во власти, о государственной политике в прежние эпохи люди могли узнавать либо из официальной информации, которую сама власть предоставляла, либо по косвенным сведениям, которые тем или иным образом просачивались за стены центров принятия решений (утечки, дезинформация, слухи и сплетни) или проявлялись в происходивших изменениях общественной среды (строительство инфраструктуры, реформы образования, обновление символов и др.).

Исследователи мира политического периодически обращались к метафоре чёрного ящика для характеристики политической системы в целом или её отдельных аспектов [9; 21; 25]. Следовательно, латентная сфера так или иначе всегда если не присутствовала, то подразумевалась в пространстве политических отношений – вне зависимости от того внимания, которое ей уделялось как акторами, так и наблюдателями.

С другой стороны, развитие публичной сферы государственной политики также, несмотря на многовековую эволюцию различных практик, получило значительный толчок именно в последнее с исторической точки зрения время – в условиях осмысления современной демократической модели. Предложенная Ю. Хабермасом делиберативная трактовка публичной сферы как пространства множественных свободных дискуссий [17], расширив и значительно масштабировав теорию коммуникации К. Дойча и Г. Лассуэлла, легла в основу ставшего доминирующим представления о политике в целом как о коммуникативном действии [10, с. 53–57] и, как следствие, о демократии в частности как о механизме поиска компромисса через общественное обсуждение плюральных взглядов на решение проблем [23].

Вместе с тем сам по себе коммуникационный фактор – лишь один из способов позиционирования публичной сферы, который индуцирует разную значимость имеющихся у неё аспектов. В частности, исследование разных национальных традиций концептуализации этого явления позволяет, как формулирует С. С. Бодрунова, отмечать «пространственную метафору», при которой акцентируется внимание не столько на действиях, которые формируют общественное мнение, сколько на публичной сфере как пространстве, где эти действия происходят [5, с. 112]. И это крайне значимо, поскольку публичность сама по себе – отдельный самостоятельный феномен для дискурсивных вариаций в политической сфере, и подходы к её пониманию часто определяются контекстом – идёт ли речь о публичной власти, публичной политике, публичном управлении или публичной дипломатии [11, с. 246–257; 14, с. 98–105; 18, с. 168–172].

Ключевой целевой проблемой, таким образом, становится не просто допущение и принятие скрытых, недоступных рациональному познанию форм и механизмов политического взаимодействия, но как минимум их размежевание с известным и осознаваемым – выделение подходов, которые позволяют различать публичное и латентное. Формируемые в такой логике модели могут обозначить и перспективные основания для когнитивного выражения недоступных пока для общественной рефлексии явлений государственной политики.

ПРЕЗУМПЦИЯ ПУБЛИЧНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Если рассуждать о публичной сфере в широком смысле, этимологически она восходит к понятию «публика» – «некое множество людей» – и, по сути,

может отождествляться с обществом в целом – в его утилитарном понимании как совокупности индивидов, между которыми в процессе их совместной жизнедеятельности возникает взаимодействие, и это взаимодействие носит прямой и публичный характер. Такой подход к публичности сопровождает идеи Х. Арендт [7, с. 5], которая понимала под ней, во-первых, «что всё, являющееся перед всеобщностью, для всякого видно и гласно, так что его сопровождает максимальная открытость», и, во-вторых, «самый мир, насколько он у нас общий и как таковой отличается от всего, что нам приватно принадлежит» [3, с. 66, 69].

Широкое понимание публичного как совокупного, внеиндивидуального, единого для всех находит своё отражение в непрекращающемся философско-идеологическом поиске баланса между общим и частным [12, с. 125–129], коллективным и личным [8, с. 8–13], государственным и негосударственным [16, с. 27–47; 22]. В широком смысле публичная сфера, отличаясь всеобъемлемостью, выступает не просто пространством, где происходят любые социальные явления, но и фоном для каждого из них, определяющим их сущностные и процессуальные особенности. При этом наиболее выраженным, а сегодня и всё более концептуализирующимся, дифференцирующимся антиподом выступает сфера частная, приватная – та, которая формируется каждым индивидом самостоятельно и которую Х. Арендт противопоставляет публичной сфере [3, с. 69].

Развитие, насыщение, активное структурирование публичной сферы, обеспечивающие её всепоглощающую инклюзию, обуславливают ответное конструирование прежде слабо институализированных форм приватности. Процессы цифровизации, девальвирующие традиционную достаточность физических барьеров, обуславливают поиск новой нормальности для «огораживания» индивидуальных частных анклавов внутри тотально публичного пространства постмодерна [19, с. 213–216].

Со своей стороны информационно-коммуникационные связи формируют восприятие публичной сферы в узком смысле, которое сфокусировано уже не столько на пространстве как таковом, сколько на особом содержании возникающих в нём действий и отношений. Это модальности открытой, ничем не ограничиваемой коммуникации, в идеальном типе которой не возникает какого-либо экранирования коммуникационных потоков – они перемещаются свободно и разнонаправленно. Если же возникают отражающие барьеры, категория публичности начинает выхолащиваться – то, что Ю. Хабермас считает упадком публичной сферы, наблюдая его в коммерциализации информационной деятельности, обслуживании частных интересов, приводящих к «рефеодализации» отдельных сфер общественной жизни, подчинению механизмов всеобщей делиберативности отдельным корпоративным акторам [17]. Политическое как способность к агрегированию, кристаллизации подлинно социального подменяется «антиполитическим»

[26, р. 1–20] – некими сформированными навыками подмены реальных общественных интересов искусственно привнесёнными посторонними, частными установками.

Вот в этом «антиполитическом», скрываемом и артефактном, которое при детальном рассмотрении оказывается никаким не «анти» (манипулирование интересами явственнее индуцирует саму онтологию политики), в противовес публичной оформляется не столько приватная, но уже латентная сфера [15, с. 212–232], которая, с одной стороны, выступает её антиподом, но с другой – комплементирует поле политики, социальное пространство в целом, включающее равным образом и непубличные элементы [6].

Отстраивание обладающей особыми свойствами и функциями латентной сферы от публичной сферы в контексте механизмов государственной политики целесообразнее рассматривать в узком понимании публичной сферы, где речь идёт о категориях информационно-коммуникационного обмена между акторами, – в отличие от её широкой трактовки как среды общественной экзистенции, где, как уже отмечено, ей противостоит сфера приватная.

При широком понимании узлы дихотомии, различимой в узкой трактовке, всё более растворяются друг в друге, а вернее, латентное становится частью публичного: отдельные качества политических отношений находятся в общем периметре социального взаимодействия, которое носит общий для всех характер. Информации вокруг становится так много, что её динамика превращается в обыденность. Требуются особые механизмы привлечения внимания к тому, что хочется донести, и наоборот – для скрытия коммуникативного действия достаточно погрузить его в информационные шумы, которые современный человек всё более склонен отталкивать и игнорировать.

Презумпция публичности государства являет показательный системный архетип в рефлексии общества о власти: общественный договор предполагает любой государственный продукт как результат общей воли и, следовательно, формирует базовую лояльность по отношению к нему как форме публичного волеизъявления. Государство – если не эпицентр, то важнейший элемент публичной сферы, в котором могут соединяться совершенно любые неприватные интересы и инициативы: от формулирования принципов и рекомендаций для отдельных групп до строжайших императивов для всего социума. При этом имманентность государства публичной сфере дополняется спорадической апелляцией государства к сфере частных индивидов – и это заметная специфика динамики проблемного поля.

Во-первых, сама регулятивная деятельность затрагивает аспекты частного свойства – и если прежде закономерные дискуссии возникали относительно объективных явлений (собственность, статус, принадлежность к социальной группе), то по мере либерализации и, казалось бы, ослабления роли государства в жизни общества государство всё больше втягивается в

модерирование субъективных факторов индивидуальной жизни, таких как семья (браки и усыновление), здоровье (пропаганда здорового образа жизни, ограничительные меры в ходе эпидемий, эвтаназия), личность (хранение и обработка персональных данных). Во-вторых, само государство при определённых условиях может аффилироваться или напрямую атрибутироваться к конкретному частному индивиду – это происходит как в монархии, где конкретный индивид является легитимным сувереном, так и при особых персоналистских формах режимов¹.

Своеобразной квинтэссенцией публичности становится как раз модернизирующаяся государственная политика, которая, с одной стороны, перманентно вбирает в себя всё многообразие сфер, отраслей и предметов, в которых пересекаются всевозможные индивидуальные и групповые интересы, а с другой – сама по себе является сферой конкурентного взаимодействия различных акторов за контроль над ресурсами и возможностями реализации соответствующих интересов.

Экстенсивное (столкновение с новыми вызовами) и интенсивное (диверсификация традиционных проблемных сфер) развитие публичности трансформируется в результате государственной политики. Хотя в текущих условиях, возможно, уместнее говорить, что это госполитика сама трансформируется под воздействием развивающейся публичности: если повестка государства недостаточно гибка для отражения социальных запросов, в обществе возникают предпосылки для кризисных явлений, которые преодолеваются уже более чуткими к действительности конкурентами власти [20, р. 1170–1183]. Таким образом, экзистенциальными вопросами современного государства становятся компетенции опережающего реагирования, включающие не только умение контролировать перманентно подвижную повестку, но и способность канализировать развитие публичного дискурса, определяя для себя наиболее благоприятные пути отхода и сохранения периметра необходимой непубличной коммуникации [24, р. 275–293].

Будучи публичной в широком смысле по своей природе, т. е. неприватной, нечастной, апеллирующей к широкому кругу участников и направленной на решение множества задач, имеющих значение для всего общества, государственная политика, формируясь на основе инструментального многообразия, согласования плюральных групповых интересов, преломляется через деятельность официальных институтов, в конечном итоге её – политику – промульгирующих. При этом публичные процедуры характеризуют лишь часть процесса целеполагания и целедостижения – фундаментальное же звено заключено в латентном пространстве коммуникации стейкхолдеров.

¹ Причём это может иметь место как при недемократических, так и при формально демократических режимах. Конкуренция крупного бизнеса за влияние на власть иногда приводит к монополизации политических систем отдельными олигархами – как, например, ситуация «захваченного государства» в Молдове в 2010-е гг.

МОДЕЛИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛАТЕНТНЫХ МЕХАНИЗМОВ В ПОЛИТИКЕ

Если позитивная латентность является трудно уловимым феноменом в силу высокой зависимости от субъективных факторов индивидуального и группового акторства, то с высокой долей вероятности, подтверждаемой эмпирическими наблюдениями за политической повесткой, провоцирующей всё большее число интерпретаций, определённые маркеры латентных механизмов могут обнаруживаться на её периферии при принятии допущения об управляемом характере этой повестки. Иными словами, если результатом действия латентных механизмов является трансформация публичного пространства, ориентированная на реализацию определённых целей и интересов, то в процессе рационального достраивания функционально-технологической логики актуальных политико-управленческих явлений наблюдаемые расхождения между риторикой и принимаемыми и реализуемыми решениями могут служить основанием для верификации их латентных смыслов.

Выявление связей между различными признаками латентных механизмов, обнаруживаемых в публичном пространстве, и их последующая систематизация могут базироваться на различных моделях социально-когнитивного агрегирования множественных звеньев коммуникационных процессов, имеющих латентную природу и делающих её более явной.

Так, рассматривая практики волнообразных смен власти, происходящих в различных странах отдельных регионов по схожим методологическим лекалам («арабская весна», «цветные революции» и проч.), можно выявить сознательно проектируемые способы решения внешнеполитических интересов международных игроков. В том же русле движется и активно развиваемый сегодня инструмент частных военных компаний, позволяющих в том числе государственным структурам формировать собственную повестку за пределами своих границ, избегая сложившихся нормативных ограничений международного права.

Однако наиболее масштабные новации латентного свойства возникают в современных форматах цифровой среды, которая в условиях активного проникновения во все ключевые сферы социального взаимодействия и сохраняющегося наряду с этим дефицита адекватных методов регулирования позволяет политическим акторам не просто транслировать «месседжи» совершенно разного свойства, но и создавать принципиально новые элементы расширения властных механизмов – от контроля над содержательной повесткой социальных сетей до управления инструментами аккумуляции, хранения и использования больших данных, определяющих действенность сетевых алгоритмов. Такие явления, как обвинения в адрес хакеров различной национальной природы в осуществлении вмешательства в электронные процессы, равно как и последствия появления разного рода чувствительной информации в Wikileaks, Panama Papers, Pandora Papers и других

сетевых источниках, ставят вопросы не столько сохранности определённых данных, сколько управляемости того влияния, которое оказывает переход из латентной в публичную сферу.

В силу уникальной архитектуры соответствующих процессов, которая обусловлена субъективными характеристиками конкретных акторов, образующих скрытые сети, становящиеся объектом познания («опубликования»), значимым основанием для классификации таких моделей может выступать, собственно, степень проникновения субъекта познания в сетевые конфигурации политических акторов.

Базовой может быть признана некая акторская модель, при которой субъектом познания выступает сам актор, а его опыт сетевого участия уже является источником знаний о функционировании латентных механизмов и потому обладает наиболее высоким уровнем искомой верифицируемости (достоверности). Формулируемое таким образом предметное поле и его наррация базируются на методе включённого наблюдения, позволяющего максимально последовательно и полно представлять не являющиеся публичными явления.

Вместе с тем, несмотря на прямое свидетельство устройства и функционирования латентных сетей в рамках акторской модели, говорить об абсолютной достоверности того знания, которое формируется на её основе, не всегда корректно. Спецификой непубличной сферы политики является её рассредоточенность между разными звеньями соответствующих сетей, а потому и интерпретация в каждом из них может выстраиваться по-разному. К тому же в основе размыкания закрытого коммуникационного контура одним из акторов могут оказываться совершенно разные мотивы, отнюдь не балансируемые какими-либо нормативными ограничениями.

Примерами акторской модели выступают аналитические концепции мемуарного характера, индуктивно масштабирующие уже завершённые конкретные политико-экспертные кейсы на широкое множество явлений изменчивой государственной политики («Великая шахматная доска» З. Бжезинского [4], «Минное поле политики» Е. М. Примакова [13] и т. п.).

Акторская модель принципиально отличается от других модальностей выявления латентных связей и механизмов в государственной политике, поскольку опирается на устойчивую позитивную логику между знанием и предшествующим ему опытом участия в соответствующих процессах познающего субъекта. Во всех остальных случаях информационная асимметрия между участниками отношений внутри латентных сетей и субъектами познания за их пределами представляет собой объективный методологический барьер, осложняющий как когнитивные возможности, так и инструментарий верификации потенциальных гипотез, имеющих «публичную» природу.

Внимание к специфике латентных механизмов, которая результируется в политике под влиянием индивидуальных свойств субъектов, образующих сети, формирует уже иную – атрибутивную модель, базирующуюся на ис-

следовании персоналий, вовлечённых в латентные контуры, и их влияния на принимаемые решения. Такого рода подход весьма распространён в общественно-политическом дискурсе и находит воплощение как в концептуализации неформальных институтов («Бильдербергский клуб», «Комитет 300», «Семья» Ельцина, «Политбюро 2.0»²), так и в разного рода рейтингах влияния («список Форбс», «Time 100», рейтинги российских губернаторов³).

Если же за основу понимания природы политической власти и, как следствие, её непосредственных результатов и последствий берётся трактовка особых свойств социальной системы, возникающих из соединения различных элементов, то и фокус внимания к латентным механизмам будет носить надперсонально-контекстуальный характер и выстраиваться через призму содержательных особенностей политики, проявляющихся в её объективных и поддающихся публичной оценке целях и результатах. Такого рода взгляд будет находить воплощение в рамках уже следующей – инструментальной модели, объектом рассмотрения которой становится сам характер непубличных способов и технологий оказания воздействия на социальные процессы.

Соответствующие примеры инструментального подхода в актуальном дискурсе также могут быть различны – в частности, он применим, если речь идёт о технократическом правлении (когда заданная сверху функция первична по отношению к социальному самочувствию), влиянии PR- и IT-специалистов (хакеров, «фабрик троллей» и проч.) или разного рода корпоративных лобби – всё это механизмы закрытых от публики воздействий. Выявление латентных сетей становится результатом более-менее гипотетического осмысления всего многообразия наблюдаемых событий или следствий государственной политики.

С учётом общего когнитивного разрыва, возникающего между участниками латентных сетей и познающим субъектом, важной особенностью знания, формируемого таким образом, может быть названо не только отсутствие прямой верифицируемости формируемых гипотез, но и его общая последующая индуктивная имплицитность – подразумевание наличия структур и связей там, где они публично не зафиксированы и не подтверждены самими акторами, но имеют признаки неявного устойчивого воздействия.

ИНТЕГРАЦИЯ ЛАТЕНТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ В РЕАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ

Публичная сфера характеризует пространство существования гражданского общества, которому, как было отмечено, может противопоставляться

² См.: Коммуникационный холдинг «Минченко консалтинг» [Электронный ресурс]. URL: <https://minchenko.ru> (дата обращения: 30.04.2021).

³ См., напр.: Рейтинг политической выживаемости губернаторов России [Электронный ресурс]. URL: <https://fpp.spb.ru/rate17.php> (дата обращения: 30.04.2021).

сфера частная, приватная. Сегодня позиционирование последней становится всё более выпуклым за счёт подчас конъюнктурной ангажированности современной социально-политической рефлексией.

С другой стороны, публичную сферу можно трактовать и в более узком смысле – в том числе и как пространство ничем не ограниченной коммуникации с открытым доступом, без цензов и режимов конфиденциальности, видимое для всех потенциальных интересантов. В качестве антипода здесь будет выступать уже как раз латентная сфера, которая отличается теми или иными способами изолирования коммуникационных треков от неограниченного круга наблюдателей.

Латентная сфера также может трактоваться двояко. В узком смысле это пространство закрытого контура коммуникации, в который вовлечён чётко определённый набор субъектов (акторов). Строго говоря, такой формат не только совершенно не познаваем для внешнего наблюдателя (даже если возникают какие-либо косвенные признаки его существования, отсутствуют механизмы верификации), но и начисто лишён дискурсивной ценности – малейшая попытка его опредметить лишает самой сути латентности. Подобно тому, как всё нетайное трактовать как явное, нелатентное в этом смысле априори публично. В эпистемологическом отношении такую сферу лучше именовать закрытой, «вещью в себе», не поддающейся рациональному познанию.

Несмотря на различаемые исследователями скрытые и полускрытые явления, в полной мере к латентной сфере имеет смысл относить первые – по-настоящему скрытые, поскольку полускрытые в равной степени могут рассматриваться и в контексте публичного дискурса, выступая определённым водоразделом, пограничной зоной между латентной и публичной сферами политики. Когда персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Репетилов сообщает Чацкому: «У нас есть общество, и тайные собрания, // По четвергам. Секретнейший союз...», он размыкает коммуникационный контур и, следовательно, выводит соответствующие отношения из латентной сферы в менее ригидную публичную.

Узкая трактовка латентной сферы оставляет её *terra incognita* для общественно-политической рефлексии и предполагает значимость соответствующих элементов именно в контексте их закрытости от общественного сознания. Столь симулякральный подход, с одной стороны, обедняет рациональность соответствующей дифференциации, но с другой – позволяет расширять эмпирику политических мифов и конспирологических теорий.

Для актуального политологического знания более операбельным представляются широкое понимание латентной сферы и её рассмотрение через призму не столько скрытых, а потому достоверно неизвестных сетей, сколько полускрытых и спорадически визуализируемых неограниченным кругом лиц явлений, продуцируемых из закрытых коммуникационных контуров, но напря-

мую не детерминированных производящими их акторами. На смену «чёрным ящикам», которые представляют собой закрытые подсистемы реализации специально определённых функций, приходят ящики серые [2, с. 16–19], открыто визуализируемые и демонстрирующие процессуальную функциональность, однако не несущие в себе публичного смысла: публика не воспринимает ни целеполагания, ни целедостижения, ни характера отношений, ни объективного результата соответствующих политических явлений.

Иными словами, латентная сфера в широкой трактовке – это многообразие тех форм активности политических акторов в социуме, за которые они не несут публичной ответственности и не обязаны держать ответ перед гражданским обществом. Сюда могут относиться и действия внутри закрытых коммуникационных контуров, куда рядовые члены общества доступа не имеют, и действия в публичном поле, которые находятся вне зоны гражданского контроля. Последние могут становиться предметом рассмотрения и исследования в качестве проявлений латентных структур и механизмов, формируя базу для выявления закономерностей функционирования и развития соответствующей сферы отношений.

В контексте активного расширения публичной сферы – как экстенсивного в виде привлечения внимания к различным аспектам, например, частной жизни, так и интенсивного с повышением дискурсивной частоты посредством использования новых коммуникационных технологий – качество самой публичности перманентно трансформируется. В частности, насыщенность всевозможными разнонаправленными и разноскоростными каналами коммуникации в публичной сфере создаёт известный эффект «белого шума», когда происходящие вроде бы на виду явления не привлекают должного внимания. Тем самым, несмотря на присутствие в публичном поле, самого смысла публичности не возникает.

Показательный для российской политики пример произошёл в 2011 г., когда занимавшая на тот момент пост губернатора Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко выдвинулась и зарегистрировалась кандидатом в муниципальные депутаты в двух избирательных округах (это было необходимо для последующего делегирования в Совет Федерации) таким образом, что готовившиеся бросить ей вызов оппозиционные силы просто не успели отследить её выдвижение и не смогли составить конкуренцию: регистрация была уже закрыта. Всё происходило посредством предусмотренных законодательством публичных процедур, однако на фоне других подобных они оказались не замеченными заинтересованной частью самой публики⁴.

Публичная сфера дифференцирует свои возможности как объекта управления и с точки зрения использования публичной инфраструктуры для

⁴ Матвиенко выдвигается по «единороссовским» округам: справки // Regnum : [сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1430729.html> (дата обращения: 30.04.2021).

функционирования латентных механизмов. Их включение в публичную сферу осуществляется по разным направлениям, обеспечивающим требуемую эффективность и обусловленным соответствующими свойствами актуального коммуникационного пространства. Среди таких направлений можно обозначить следующие:

1. модализацию – встраивание латентных структур в конструируемые вариативные (модальные) публичные дискурсы;
2. гибридизацию – задействование латентных механизмов в форме (под видом) публичных структур;
3. имплицитизацию – внедрение латентных механизмов в публичные модели общественных отношений.

Модализация возникает как следствие плюралистической структуры современной публичной сферы, в которой действует большое число участников, дискурсов и форм взаимодействия, и заключается в наличии многообразных инвариантных пространств отношений (модальностей публичности), концентрирующих в себе особые предметно-технологические практики. По сути, речь идёт о множественных протосообществах, коммуницирующих в соответствии с определёнными пространственно-временными нарративами.

Модализация публичности приводит к формированию и воспроизводству фейковых новостей, наполнение критической массы которых впоследствии способствует образованию множественных устойчивых коконов фейковой, виртуальной, не соответствующей фактическому состоянию реальности. Это пространство постправды и пранка, информационных войн и «потёмкинских деревень» постмодерна в виде различных социальных «плацебо» (как то: мультикультурализм, ответственность по защите, открытое правительство или суверенная демократия).

Гибридизация выражается в функционировании механизмов, латентных по сути, но публичных по форме, когда акторы лишь воспроизводят публичный дискурс, осуществляют подобающие действия и маркируют их общественно-значимыми приоритетами, но под их видом преследуют собственные корпоративные или личные интересы, не афишируемые для широкого круга участников. С одной стороны, это – весьма распространённая форма политической экзистенции, с другой – именно в условиях тотальной публичности и всеобщего контроля она приобретает системные характеристики, требующие особой латентной дисциплины, способной обеспечивать воспроизводство требуемого эффекта.

Гибриды в этом отношении современные институциональные реформы, которые постулируют повышение эффективности и качества управленческих процедур, однако преследуют политические цели более высокого порядка – сохранение устойчивости государственной власти, распределение административной ренты, борьбу с конкурирующими институтами и др.

Гибридные войны, которые ведутся как между конкурирующими группировками за власть (когда за системным поведением акторов в общих интересах скрывается стремление ослабить контрагента), так и между глобальными игроками за геополитическое влияние (когда в условиях незаконности войны противники прибегают к задействованию опосредованных (прокси) рычагов – частных военных компаний, масс-медиа, негосударственных акторов).

Имплицитизация – более сложный вектор присутствия латентных элементов в современной политике, представляющий собой их инкорпорирование в публичные элементы, своеобразный симбиоз, смешение вплоть до степени неразличения, когда один и тот же механизм может выполнять разный функционал одновременно. Латентная природа такого механизма имплицитна, т. е. предполагается, подразумевается участниками связанных отношений. Все они декларируют одни цели реализуемой деятельности, однако подразумевают иные.

Имплицитны, в частности, социальные реформы с прямыми выплатами населению в преддверии выборов: граждане действительно получают живые деньги и готовы обеспечивать взамен искомый электоральный эффект, скрывать который уже особо и не требуется. Имплицитны публичная дипломатия и мягкая сила, которые в основе своей ориентированы на установление механизмов влияния на фоне публичных призывов к диалогу и знакомству с чужими ценностями. Имплицитно, по большому счёту, любое политическое действие, которое предполагает реализацию одних интересов в ущерб другим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственная политика представляет собой совокупность целесообразных (предполагающих целесообразность) действий политических акторов в публичной и латентной сферах. Это означает, что всё пространство социального взаимодействия можно подразделить на два метaprостранства – публичное и латентное, в рамках которых и между которыми осуществляются многообразные виды деятельности различных акторов. Те действия, которые являются политическими, в своей совокупности и образуют государственную политику.

Публичная и латентная политика – два идеальных типа государственной политики, ограничивающие с разных сторон континуум реального пространства её формирования и реализации. При этом если публичная политика – абсолютно познаваемая часть единого массива активностей политических субъектов, представленная в объективном отображении реальности, то латентная политика – полностью *terra incognita* для позитивно формирующегося знания. Она представляет собой совокупность субъективно кон-

струируемых акторами замкнутых коммуникационных контуров, скрытых от любого рода внешних наблюдателей.

Вместе с тем, наряду с идеальными типами, представляющими собой соответственно публичные механизмы для публичного результата и латентные механизмы для латентного результата, государственная политика включает и действия, осуществляемые одновременно в обеих метасферах или между ними: публичные механизмы для латентного результата и латентные механизмы для публичного результата. Эти явления, находясь внутри описанного континуума, представляют собой, с одной стороны, наиболее значимые в политическом смысле действия, которые, не будучи маргинальными, наполняют само содержимое реальной государственной активности и отражают поиск консенсуса между элитами и массами, а с другой – представляют и очевидную перспективу для научного познания и осмысления, глубоко проникшего в природу публичных политических феноменов, но по-прежнему испытывающего дефицит методологических возможностей для исследования латентной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенкова Е. С., Сергеев В. М. Тёмный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности) // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 148–165.
2. Антонова Г. М. Эволюция терминов “чёрный ящик” и “серый ящик” // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2012. № 1. С. 16–19.
3. Арендт Х. *Vita Activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем., англ. В. В. Бибикина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
4. Бжезинский З. *Великая шахматная доска* / пер. О. Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 1998. 280 с.
5. Бодрунова С. С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 1. С. 110–132.
6. Бурдые П. *Социальное пространство: поля и практики* / сост., ред., пер. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. 567 с.
7. Козьякова М. И. Публичное пространство: культура репрезентации (начало) // Культура культуры : [сайт]. 2017. № 3. URL: <http://cult-cult.ru> (дата обращения: 25.04.2021).
8. Краузе А. А. Традиции и инновации в исследовании феноменов коллективного и индивидуального // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 8–13.
9. Курюкин А. Н. Публичный интерес, публичная политика и системная модернизация общества: российские проблемы // Власть. 2011. № 2. С. 166–173.

10. Линде А. Н. Значение коммуникативного подхода Ю. Хабермаса в развитии современной теории политической коммуникации // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 53–57.
11. Меньшикова Г. А. Культура публичности как маркер демократичности современного общества и государства // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 208. С. 246–257.
12. Мрочко Л. В., Пирогов А. И. Информационные потребности и интересы личности: связь и соподчинение общего и частного // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 3. С. 125–129.
13. Примаков Е. М. Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2019. 400 с.
14. Согомонян В. Э. К определению понятия «публичность власти» // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 98–105.
15. Соловьев А. И., Миллер Т. В. Латентная сфера политики: версия теоретической идентификации // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru> (дата обращения: 30.04.2021).
16. Формирование гражданской ответственности в России: институциональный контекст / С. В. Патрушев, А. М. Кучинов, О. А. Мирасова, И. Л. Недяк, Т. В. Павлова, Л. Е. Филиппова // Социологическая наука и социальная практика. 2020. № 1. С. 27–47.
17. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В. В. Иванова. М.: Весь мир, 2016. 344 с.
18. Чургов С. В. Формирование и эволюция публичности (о книге Ю. Хабермаса) // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 168–172.
19. Шкудунова Ю. В. Общество, государство, индивид в публичной и приватной сферах // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 213–216.
20. Dragu T., Fan X. An agenda-setting theory of electoral competition // The Journal of Politics. 2016. № 4. P. 1170–1183.
21. Easton D. A. Systems Analysis of Political Life. New York: Wiley, 1965. 507 p.
22. Gürbey G., Hofmann S., Seyder F. I. Between State and Non-State. New York: Palgrave Macmillan, 2017. 278 p.
23. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. 704 s.
24. Harder R. A., Sevenans J., Van Aelst P. Intermedia agenda setting in the social media age: How traditional players dominate the news agenda in election times // The International Journal of Press/Politics. 2017. № 3. P. 275–293.
25. Panayotou T. Demystifying the environmental Kuznets curve: turning a black box into a policy tool // Environment and development economics. 1997. № 4. P. 465–484.
26. The End of Politics? Explorations into Modern Antipolitics / ed. A. Schedler. London: Macmillan Press, 1997. 197 p.

REFERENCES

1. Alekseenkova E. S., Sergeev V. M. [The dark well of power (on the border between the private sphere of the state and the private sphere of the individual)]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2008, no. 3, pp. 148–165.
2. Antonova G. M. [Evolution of the terms “black box” and “gray box”]. In: *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta* [Herald of the Moscow university of finances and law MFUA], 2012, no. 1, pp. 16–19.
3. Arendt H. *Vita activa oder Vom tätigen Leben* (Rus. ed.: Bibikhin V. V., transl. *Vita Activa, ili O deyatel'noi zhizni*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000. 437 p.).
4. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard* (Rus. ed.: Uralskaya O. Yu., transl. *Velikaya shakhmatnaya doska*. Moscow, International relationships Publ., 1998. 280 p.).
5. Bodrunova S. S. [Public Sphere Concepts and Mediocratic Theory: Searching for Common Ground]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2011, no. 1, pp. 110–132.
6. Bourdieu P. *Espace social: champs et pratiques* (Rus. ed.: Shmatko N. A., comp., ed., transl. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2007. 567 p.).
7. Koz'yakova M. I. [Public space: culture of representation (beginning)]. In: *Kul'tura kul'tury* [Culture of Culture], 2017, no. 3. Available at: <http://cult-cult.ru> (accessed: 25.04.2021).
8. Krauze A. A. [Tradition and innovation in the study of the phenomena of the collective and the individual]. In: *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University], 2018, no. 2, pp. 8–13.
9. Kuryukin A. N. [Public interest, public policy and systemic modernization of society: Russian problems]. In: *Vlast'* [The Authority], 2011, no. 2, pp. 166–173.
10. Linde A. N. [The value of the communicative approach of J. Habermas in the development of the modern theory of political communication]. In: *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2016, no. 2, pp. 53–57.
11. Men'shikova G. A. [The culture of publicity as the attribute of democracy in modern states and societies]. In: *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2015, vol. 208, pp. 246–257.
12. Mrochko L. V., Pirogov A. I. [Information needs and personal interests: universals and particulars collateral subordination]. In: *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and Social Research], 2016, no. 3 (11), pp. 125–129.
13. Primakov E. M. *Minnoe pole politiki* [Politics minefield]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2019. 400 p.

14. Sogomonyan V. E. [The definition of the notion of "publicity of authorities"]. In: *Vestnik MGIMO-universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2010, no. 4, pp. 98–105.
15. Solov'ev A. I., Miller T. V. [The latent sphere of politics: a version of theoretical identification]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public administration. Electronic bulletin], 2017, no 63. Available at: <http://e-journal.spa.msu.ru> (accessed: 04.30.2021).
16. Patrushev S. V., Kuchinov A. M., Miryasova O. A., Nedyak I. L., Pavlova T. V., Filippova L. E. [Formation of Civic Responsibility in Russia: Institutional Context]. In: *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2020, no. 1 (29), pp. 27–47.
17. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit; Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft (Rus. ed.: Ivanova V. V., transl. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery. Issledovanie otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva*. Moscow, Ves' mir Publ., 2016. 344 p.).
18. Chugrov S. V. [Formation and evolution of publicity (about the book by J. Habermas)]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2017, no. 12, pp. 168–172.
19. Shkudunova Yu. V. [Society, state, individual in public and private spheres]. In: *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2011, no. 4, pp. 213–216.
20. Dragu T., Fan X. An agenda-setting theory of electoral competition. In: *The Journal of Politics*, 2016, no. 4, pp. 1170–1183.
21. Easton D. A. Systems Analysis of Political Life. New York, Wiley, 1965. 507 p.
22. Gürbey G., Hofmann S., Seyder F. I. Between State and Non-State. New York, Palgrave Macmillan, 2017. 278 p.
23. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1992. 704 p.
24. Harder R. A., Sevenans J., Van Aelst P. Intermedia agenda setting in the social media age: How traditional players dominate the news agenda in election times. In: *The International Journal of Press/Politics*, 2017, no. 3, pp. 275–293.
25. Panayotou T. Demystifying the environmental Kuznets curve: turning a black box into a policy tool. In: *Environment and development economics*, 1997, no. 4, pp. 465–484.
26. Schedler A., ed. The End of Politics? Explorations into Modern Antipolitics. London, Macmillan Press, 1997. 197 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 11.06.2021

Статья размещена на сайте: 24.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Коньков Александр Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: KonkovAE@spa.msu.ru

Alexander E. Konkov – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of Political Analysis, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; e-mail: KonkovAE@spa.msu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Коньков А. Е. Латентные механизмы в публичном пространстве государственной политики: подходы и интерпретации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Konkov A. E. Latent mechanisms in public space of state policy: approaches and interpretations. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 327

Манойло А. В.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ

АННОТАЦИЯ

Цель. Настоящая статья посвящена исследованию эволюции операций информационной войны (информационных операций) на новейшем отрезке их истории – с момента добровольного вхождения Крыма в состав Российской Федерации до наших дней: с того самого момента, когда под влиянием этого события у Разведывательно-го сообщества США появляется принципиально новая организационно-технологическая схема информационной операции, впервые проявившая себя на практике в скандале с панамскими офшорами (в «Панамском досье»).

Процедура и методы. В исследовании выдвигается гипотеза, что в англосаксонской практике информационных операций каждая последующая операция – это повторение предыдущей с добавлением одного или нескольких новых приёмов, модернизирующих прежнюю схему и делающих её ещё более опасной для противника. Для проверки этой гипотезы все операции выстраиваются в хронологическом порядке и сравниваются по девяти параметрам, изменяющимся по мере усложнения самих информационных операций, появления в их схемах и сценариях новых приёмов и уловок. По тому, как меняются эти параметры, можно отследить основные тренды и закономерности эволюции информационных операций, их схем, форм и методов реализации на современном этапе (начиная с 2016 г.).

Результаты. Гипотеза в целом подтверждается: информационные операции с течением времени действительно меняются, причём их развитие идёт по восходящей – от простых моделей к более сложным, при этом более поздние операции становятся «точкой сборки» для «лучших практик» (наиболее прогрессивных приёмов и уловок), ранее отработанных даже не в одной, а сразу в серии различных оперативных комбинаций. Вместе с тем эволюция информационных операций не всегда выглядит как одна единственная восходящая генеральная линия: на некоторых этапах эта линия начинает «ветвиться», давая несколько боковых альтернативных линий развития, которые затем в определённый момент снова сходятся в одной точке, формируя новую «генеральную линию эволюции». Именно так информационные операции в какой-то момент разделились на две параллельно эволюционирующие линии – по базовым уловкам, используемым в схеме воздействия на противника: «ловлю на лжи» («WADA», «Скрипали I–II» и т. д.), «ловлю на приманку» («Аргентинский кокаин», «Гент», «Бутина», «Пражское дело» и т. д.), – которые затем «собрались в точку конвергенции» в операциях «Идентификация Вагнера» и «Отравление Навального».

Теоретическая и практическая значимость. Сведения о новейших формах и методах организации и проведения информационных операций могут быть использованы в работе государственных органов, отвечающих за организацию системного противодействия информационной агрессии иностранных государств, а также будут полезны политологам, политтехнологам и специалистам по противодействию деструктивным политическим технологиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международные отношения, политика, информационная война, гибридная война, информационная операция, оперативная комбинация, Россия, США, национальная безопасность

Введение

Методика сравнительного анализа

«Панамское досье» (2015–2016 гг.)

Аргентинский кокаин (февраль–март 2018 г.)

«Дело Скрипалей», I этап (март 2018 г.)

«Дело Скрипалей», II этап (сентябрь–октябрь 2018 г.)

Скрипали, III этап (тактика удушения, 2019 г.): Петля анаконды; оперативная разработка ГРУ, выделение ГРУ в отдельное производство

«Пражское дело» (2020 г., трёхходовая оперативная комбинация): Синдром Скрипаля («Солсберецкая матрица»), «ловля на приманку» (снос памятника маршалу И. С. Коневу)

Скрипали, V этап (2020 г.): Конвергенция. Точка сборки: «ГРУ убивает американских солдат»

Идентификация Вагнера: Комбинация «ловли на живца» (как в «Аргентинском кокаине») и «загонной охоты» (как в Скрипалях-II)

Цель и методы

Какой должна быть российская информационная операция

Заключение

A. Manoilo

Lomonosov Moscow State University

Leninskiye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

EVOLUTION OF INFORMATION OPERATIONS

ABSTRACT

Aim. This article is devoted to the study of the evolution of information warfare operations (information operations) in the latest segment of their history – from the moment of the voluntary entry of Crimea into the Russian Federation to the present day: from the very moment when, under the influence of this event, a fundamentally new organizational and technological scheme of the information operation was developed, which first actually used in the scandal with the Panamanian offshores (in the “Panama dossier”).

Methodology. In this study, the hypothesis is put forward that in the Anglo-Saxon practice of information operations, each subsequent operation is a repetition of the previous one with the addition of one or more new techniques that modernize the previous scheme and make it even more dangerous for the enemy. To test this hypothesis, all operations are lined up in chronological order and compared according to nine parameters that change as the information operations themselves become more complex, new techniques and tricks appear in their schemes and scenarios. By the manner of changes in these parameters, it is possible to track the main trends and patterns in the evolution of information operations, their schemes, forms and methods of implementation at the present stage (since 2016).

Results. The results of the study indicate that this hypothesis is generally confirmed: information operations do change over time, and their development proceeds ascending from simple models to more complex ones, while later operations become the “assemblage point” for “best practices” (the most progressive techniques and tricks),

previously worked out not in one, but in a series of different operational combinations consistently. At the same time, the evolution of information operations does not always look like a single ascending general line: at some stages this line begins to “branch out”, giving several lateral alternative lines of development, which, then, at a certain moment again converge at one point, forming a new “general line of evolution”. This is how information operations at some point split into two parallel evolving lines – according to the basic tricks used in the scheme of influencing the enemy: “I spot your lies” (“WADA”, “Skrípali I–II”, etc.), “I fish with bait” (“Argentinean cocaine”, “Gent”, “Butina”, “Prague case”, etc.), which then “gathered at the point of convergence” in the “Wagner identification” and “Navalny poisoning” operations.

Research implications. Information about the latest forms and methods of organizing and conducting information operations can be used in the work of state bodies responsible for organizing a systemic counteraction to information aggression of foreign states, and will also be useful to political scientists, political strategists and specialists in countering destructive political technologies.

KEYWORDS

international relations, politics, information war, hybrid war, information operation, operational combination, Russia, USA, national security

ВВЕДЕНИЕ

С момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации (ставшего отправной точкой для появления новых форм и методов информационной агрессии) информационные операции, проводимые США и их военно-политическими союзниками (в основном Великобританией и Германией), прошли определённый путь развития. Начало этому пути положило т. н. «Панамское досье» – скандал с панамскими офшорами (конец 2015–2016 гг.), в котором впервые была использована новая – итерационная – схема информационно-психологического воздействия, состоящая из последовательности вбросов, разделённых периодами «тишины» (экспозиции) и объединённых в многократно повторяющиеся итерационные циклы (каскады). В дальнейшем все без исключения информационные операции будут проводиться спецслужбами США по одному и тому же шаблону (стандартной схеме), впервые проявившему себя в 2016 г. в скандале с «панамскими бумагами» («Panama papers»). Появление этой схемы стало сигналом перевода «производства» информационных операций на промышленную (конвейерную) основу; одновременно разработка и реализация операций информационной войны [7] перестали быть уделом отдельных элитных групп гениев от разведки и были поставлены на поток, а сами операции стали продуктом массового (промышленного) производства по одной и той же схеме [4].

МЕТОДИКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

В данном исследовании выдвигается гипотеза, что в англосаксонской практике информационных операций каждая последующая операция –

это повторение предыдущей с добавлением одного или нескольких новых приёмов, модернизирующих прежнюю схему и делающих её ещё более опасной для противника.

Для проверки этой гипотезы все операции выстраиваются в хронологическом порядке и сравниваются по определённым параметрам, которые меняются по мере усложнения самих информационных операций, появления новых приёмов и уловок. Таких параметров – девять:

- схема операции;
- структура и содержание вброса;
- цель операции;
- структура и характер обвинений;
- свидетель обвинения;
- угроза жизни и здоровью главного свидетеля обвинения;
- особые технологические приёмы;
- вид и форма легализации оперативной информации;
- главный (революционный) технологический приём операции.

По тому, как меняются эти параметры, можно отследить основные тренды и закономерности эволюции информационных операций, их схем, форм и методов реализации на современном этапе (начиная с 2015 г.).

«ПАНАМСКОЕ ДОСЬЕ» (2015–2016 ГГ.)

Помимо новой организационно-технологической итерационной схемы операции, уже упомянутой во введении к настоящей статье, в «Панамском досье» были использованы и другие революционные приёмы:

- легализация оперативной информации (контролируемая утечка), построенная по классической схеме: кража – обнаружение – опубликование;
- предварительное анонсирование содержания и даты следующего вброса (т. н. преданонс), ставшее «визитной карточкой» практически всех без исключения информационных операций нового типа;
- кража как механизм попадания конфиденциальной информации в публичное пространство (согласно легенде «панамские материалы» были украдены у панамской юридической компании «Mossack Fonseca» агентами германской разведки БНД);
- «журналисты-расследователи», выступающие в роли агентов по легализации информации, полученной от спецслужб (т. н. «Международный консорциум журналистов-расследователей»);
- «трансформаторный эффект» – технология, в которой глава государства, которого считают главным объектом информационной операции, внезапно публично отрешивается от всех обвинений в свой адрес, перенаправляя (зеркально отражая с многократным усилением – «кумулятивным эффектом») поток внешней информационной агрессии на своё ближайшее

окружение (замешанное в тех же делах, в которых обвиняют главу государства); тем самым он отводит удар от себя, но при этом подставляет под удар своё ближайшее окружение, рассчитывавшее на его защиту и надеявшееся «отсидеться» за его «спиной».

Эти приёмы в совокупности и задали контуры современной операции информационной войны, в пределах которых затем получили своё развитие такие крупные операции, как «Дело Скрипалей», допинговый скандал с WADA (2015–2018 гг.), аргентинское кокаиновое дело (2018 г.) и др. С этого момента стало понятно, что, как бы ни пытался лидер другого государства скрыться от информационных атак, его всё равно достанут или сделают так, что его же собственное окружение «сдаст» его организаторам операции в обмен на определённые гарантии лично себе.

Технической целью «Панамского досье» стало стремление заставить фигурантов скандала публично оправдываться, врать и извиваться – для того, чтобы убедить всех в том, что они – мошенники («наклеить» на них «ярлык»). Методом достижения указанной цели стала травля, которой были подвергнуты фигуранты скандала после опубликования и раскрутки в СМИ соответствующих компрометирующих материалов. Не все эту травлю выдержали: так, премьер-министр Исландии был вынужден подать в отставку. В свою очередь, травля и прессинг создали в отношении многих фигурантов дела – как уже «разоблачённых» инициаторами скандала, так и тех, чьё «разоблачение» было сознательно отложено на потом – вербовочную ситуацию, в которой чиновник, подцепленный на компромате, мог быть завербован на зависимости (под угрозой компрометации). Тем самым достигалась главная цель любой информационной войны – обеспечение добровольного (в идеале) или вынужденного подчинения противника.

Дальнейшая эволюция форм и методов организации и проведения информационных операций связана с последовательной модификацией исходной схемы путём добавления новых приёмов и уловок, способных «зацепить» жертву и вынудить её совершить необдуманные действия, ведущие к её дискредитации. Каждая новая операция добавляет в исходную схему что-то новое (новые технологические решения), оставляя при этом неизменной её базовую часть, по-прежнему представляющую собой последовательность информационных вбросов, разделённых тактическими паузами («периодами тишины»). Таким образом, с каждой новой операцией (с каждой новой модификацией) её технологическая схема становится всё более продвинутой.

Последовательность таких модификаций представлена на рис. 1–8. В этой цепи каждая новая операция является слепком с «Панамского досье», в схему которого добавлены новые элементы.

Рис. 1 / Fig. 1. Эволюция информационных операций. «Панамское досье» – «Скрипали-II» / Evolution of information operations. “Panama papiers” – “Skripali-II”

АРГЕНТИНСКИЙ КОКАИН (ФЕВРАЛЬ–МАРТ 2018 Г.)

В данной операции – всё как в «Скрипалях-I» и «Скрипалях-II»: вброс – реакция – коррекция – новый вброс (рис. 2). Американские спецслужбы (действовавшие за спиной аргентинских спецслужб) грамотно «засветили» крупную партию кокаина и стали ждать, кто прилетит её «спасать»; кто именно прилетит, заранее не знали, но надеялись выманить на эту приманку кого-нибудь посущественнее; предполагали, что партию стоимостью 50 млн евро просто так никто не бросит – за ней обязательно приедут, будет попытка её спасти. Очень быстро выясняется, что кокаин вывозили под видом дипломатической почты бортами военно-транспортной авиации ВС РФ, а следовательно, в деле были замешаны, предположительно, высокопоставленные чиновники и дипломаты, близкие к руководству РФ. Далее скандал начинает развиваться по сценарию, отработанному в «допинговом скандале с WADA»: на этот раз уже МИД РФ обвиняют в организации наркотрафика (причём не куда-нибудь, а в Европу) и создании ОПГ. Предпринимается попытка поставить знак равенства между российским внешнеполитическим ведомством и наркокартелем. Всё это как две капли воды похоже на историю с допингом, когда руководство России обвинили в создании в стране нелегальной «государственной программы поддержки допинга» (очевидно, незаконной) и в организации ОПС (организованного преступного сообщества).

Однако в отличие от классической схемы операции, «засвеченной» в «Панамском досье», в «Деле об аргентинском кокаине» появляется новый приём: «ловля на приманку». Если в «Панамском досье», «Допинговом скандале с WADA» [1] и «Скрипалях-I» информационная атака направлена на кон-

Рис. 2 / Fig. 2. Эволюция информационных операций. «Аргентинский кокаин» – «Дело Марии Бутиной» / Evolution of information operations. “Argentine Cocaine” – “The Maria Butina Case”

кретных людей (Президента РФ и конкретных лиц из его ближайшего окружения), то в «Аргентинском кокаине» в основу оперативной комбинации положен диаметрально другой принцип: неважно, кто прилетит на приманку, важно, что кто-нибудь обязательно в эту ловушку попадётся. И этот кто-то обязательно будет из ближнего круга Президента РФ, из числа его доверенных лиц. Кто именно? Неважно. Годится любой. Лишь бы попался.

Этот же приём «ловли на живца» будет в дальнейшем использован в «Деле Марии Бутиной» (рис. 2).

«ДЕЛО СКИПАЛЕЙ», I ЭТАП (МАРТ 2018 Г.)

Следующим этапом «гибридизации» [2; 3] технологий и схем информационных операций становится знаменитое «Дело Скрипалей» – стратегическая операция американской и британской разведки [6], активная фаза которой пришлось на 2018 (два этапа, каждый содержит 4 вброса и 4 паузы), 2019 (пять самостоятельно отработанных эпизодов) и 2020 гг. (один ключевой эпизод – скандал о связи российской военной разведки с афганскими талибами, убивавшими за деньги американских солдат). В этой операции, в целом повторяющей схему «Панамского досье» и «допингового скандала с WADA», тем не менее, появляется сразу несколько новых, революционных по своей сути технологических решений.

Первый этап «Дела Скрипалей» (март 2018 г.) выстраивается вокруг инцидента, произошедшего в Солсбери 4 марта 2018 г. (см. рис. 1). Он же обеспечивает первичную фокусировку внимания граждан Великобритании и всего мирового сообщества в целом на версии об отравлении агентами ГРУ

своего бывшего сослуживца, завербованного МИ-6: с самого начала речь идёт о резонансном террористическом акте, совершённом присланными ГРУ наёмными убийцами (хотя криминальная полиция Великобритании имеет на этот счёт другое мнение, возбудив дело по сугубо криминальному составу – по факту покушения на убийство двух и более лиц). Освещение инцидента и хода расследования официальными лицами британской полиции и разведки, а затем и политиками высокого ранга (в ходе которого три раза происходит вброс уточняющей информации об инциденте и его интерпретации) быстро приобретает формат реалити-шоу, за ходом которого увлечённо наблюдает стремительно растущая аудитория западных зрителей. При этом обвинения в адрес России формируются в ходе самой оперативной игры, а наблюдающей за развитием реалити-шоу аудитории предоставляется право самой пройти весь путь в «установлении и доказывании вины России» – от «несчастливого случая» до химической атаки и применения ОМУ против мирных британских граждан.

В точке кульминации тогдашний премьер-министр Т. Мэй фактически призывает признать руководство Российской Федерации военными преступниками или такими же террористами, как лидер «Аум Сенрикё» С. Асахара или С. Хусейн (применявшими химическое оружие против мирных граждан), и выдвигает в адрес России ультиматум. Это и становится отличительными чертами первого этапа операции:

- пошаговое изменение сознания и отношения граждан Великобритании к инциденту («игра с пошаговым повышением ставок»);
- ультиматум (прямой шантаж) со стороны Т. Мэй в адрес российского руководства;
- реальная попытка убийства с применением необычного орудия убийства («новичок»).

Данный этап «Дела Скрипалей» открывает в практике информационных операций две новых линии:

- политических убийств (включая обвинения в их совершении);
- прямого шантажа и выдвижения ультиматумов.

Ни в одной из предыдущих операций («Панамское досье», «WADA») таких приёмов не было. Тем не менее в последующих операциях, проводимых США, эти линии получают дальнейшее развитие как в связке, так и независимо друг от друга.

В данной операции впервые (в практике современных информационных операций) применяется тактический приём, известный как «игра с пошаговым повышением ставок» – это особая технология изменения сознания, основанная на модификации образа инцидента путём последовательного (пошагового), незаметного для сознания изменения отношения к нему (путём вброса дезинформации отдельными мелкими порциями). В «Деле Скрипалей» также впервые появляются «сакральные жертвы», которыми

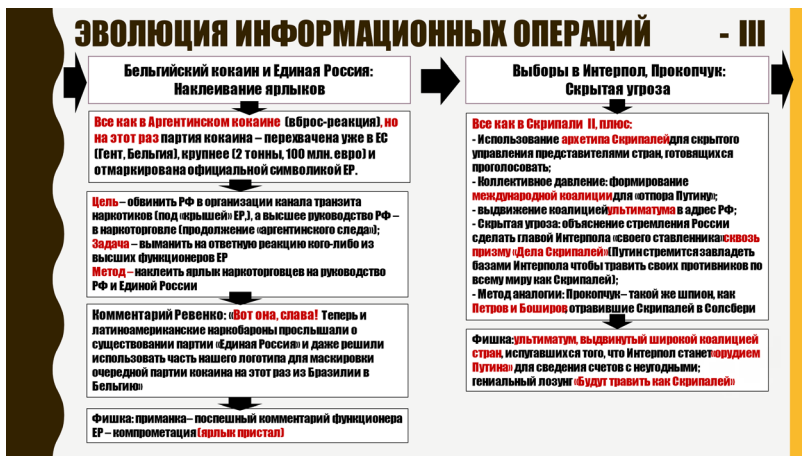

Рис. 3. / Fig. 3. Эволюция информационных операций. «Бельгийский кокаин» – «Выборы в Интерпол-2018» / Evolution of information operations. “Belgian Cocaine” – “Elections to Interpol-2018”

становятся объект покушения – Сергей Скрипаль, возможно, в будущем намеревающийся стать главным свидетелем обвинения, и его дочь, случайно оказавшаяся рядом.

В свою очередь, появление этих линий наглядно демонстрирует, что информационные операции, проводимые спецслужбами, – это совсем не классические информационные кампании, основанные на взрывном пиаре и спецэффектах; это – оперативные комбинации, в реализации которых главную роль играют классические методы агентурной, оперативной, оперативно-технической и оперативно-розыскной работ.

«ДЕЛО СКРИПАЛЕЙ», II ЭТАП (СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ 2018 Г.)

Во втором этапе операции (начавшемся 5 сентября 2018 г.) в организационно-техническом плане – всё то же, что в «Панамском досье» и Скрипалях-I: 4 вброса, 4 паузы; идеально отработана схема «вброс – опровержение (со стороны официальных лиц РФ, задетых выпадами в свой адрес) – разоблачение лжи этих лиц новыми вбрасываемыми “фактами”». В режиме пинг-понга [8] отработан приём «ловля на лжи»: стоит только «высунуться» кому-нибудь из российских официальных лиц со своим неосторожным заявлением – его тут же ловят на многочисленных нестыковках (которым он, конечно, в порыве эмоционального возбуждения, отягощённого эффектом «туннельного зрения», не придаёт должного значения) и подвергают публичной «порке» (см. рис. 1).

Сюжет с отравлением Скрипалей заново закручивается после вброса уточняющей информации о фигурантах инцидента (А. Петров, Р. Боширов),

их действиях, намерениях и мотивах. Петров и Боширов не только становятся движками-аниматорами данной истории, они ещё и персонифицируют «зло», поразившее Скрипалей: благодаря им «зло» приобретает реальные очертания. Западной аудитории предлагается ненавидеть не абстрактный образ малоизвестного простым западным обывателям ГРУ, а конкретных лиц (записанных в «наёмные убийцы») – что психологически проще. Благодаря появлению в спектакле «актёров» скандал вокруг отравления Скрипалей становится «продуктом массового потребления»: он легко «продаётся» западной аудитории обычными методами политического маркетинга. Сама же «ловля Петрова и Боширова» превращает инцидент в сериал, в «мыльную оперу». Сверхцелью второго этапа операции становится дискредитация Президента РФ: убеждение всех вокруг в том, что В. В. Путин лжёт, выгораживая себя, потому что испугался наказания. Для Президента РФ это уже третье по счёту обвинение, выдвигаемое в его адрес: в 2016 г. – мошенничество с офшорами и «отмывание» денег («Панамское досье»); в 2016–2018 гг. – организация преступного сообщества с целью государственной поддержки тайной допинговой программы («Допинговый скандал с WADA») и в 2018 г. – обвинение в организации политического убийства («Дело Скрипалей»). Видно, что с течением времени обвинения в его адрес становятся всё более тяжкими, в них фигурируют всё более тяжкие составы преступлений.

На данном этапе операции впервые применяется тактический приём, известный под названием «Загонная охота» — это системно организованная травля руководства РФ, якобы причастного к «химической атаке» в Солсбери, путём принуждения их к следованию по линии «красных флажков», выставленных «загонщиками» (организаторами «загонной охоты»). На данном этапе операции применение этой технологии имеет целью загнать статусного чиновника в угол и заставить его во всём признаться (или начать оправдываться, многократно попадаясь на нестыковках и лжи). Кроме того, на ГРУ впервые «наклеивается ярлык» международной преступной организации, осуществляющей политические убийства за рубежом. И впервые в скандал втягивается сам Президент РФ, которого фактически вынудили на Восточном экономическом форуме поручиться за Петрова и Боширова («всё о них знаем, они гражданские») и затем загнали его в ловушку (а фактически «поймали на лжи»).

Для легализации вбрасываемой информации, часть которой напрямую является разведданными спецслужб, полученными оперативным путём, используются технологии «контролируемой утечки», причём как в виде заявлений от имени официальных лиц (как в Скрипалях-I), так и в виде публикации «сенсационных разоблачений» в СМИ и на сайтах сообществ «журналистов-расследователей» Bellingcat, Insider, Der Spiegel (как в «Панамском досье»). Т. е. комбинированно.

СКРИПАЛИ, III ЭТАП (ТАКТИКА УДУШЕНИЯ, 2019 Г.): ПЕТЛЯ АНАКОНДЫ; ОПЕРАТИВНАЯ РАЗРАБОТКА ГРУ, ВЫДЕЛЕНИЕ ГРУ В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Этот этап операции «Дела Скрипалей» принципиально отличается от двух предыдущих этапов – и в плане тактики, и в плане технологий (см. рис. 4). В этой части операции, занявшей весь 2019 г., появляются сразу несколько революционных технологических решений: тактика «последовательного» (пошагового) «удушения» противника (т. н. «Петля анаконды») путём «затягивания удавки на его шее»; конвергентная тактика «сборки» серии самостоятельно отработанных эпизодов в единую «историю» (в полностью сформированное обвинительное заключение, основанное на этих самых эпизодах, выстроенных в одну логическую цепь рассуждений и доводов) и, наконец, активное применение методов оперативной-разведывательной и агентурной деятельности, выдвигающихся в этой фазе операции на передний план. В этом смысле третий этап «дела Скрипалей» больше всего напоминает классическую деятельность разведки – даже больше, чем ловушка («оперативная подстава»), в которую удалось заманить Петрова и Боширова. Значительная часть оперативной информации, легализуемой разведкой через СМИ и различные сайты журналистов-расследователей, получена в результате «оперативной установки» – специальной разведывательной операции, являющейся наряду с «контролируемой утечкой» основным инструментом профессиональной деятельности именно спецслужб.

Стратегия третьего этапа операции «Дела Скрипалей» заключается в последовательной обработке внешне не связанных между собой пяти раз-

Рис. 4 / Fig. 4. Эволюция информационных операций. «Скрипали III-IV» / Evolution of information operations. "Skripali III-IV"

личных эпизодов – с тем, чтобы в «час X» собрать их вместе вокруг шестого эпизода («точки сборки») в полностью сформированное, целостное и аргументированное обвинительное заключение в адрес РФ и его руководства. Доказательной базой этого обвинения должны стать пять заранее отработанных следствием эпизодов, собранные в единое целое (в одну историю преступной деятельности стороны, в адрес которой выдвигается обвинение). Результатом реализации этой стратегии должно стать обвинительное заключение, возникшее внезапно (фактически из ниоткуда) и ставшее полной неожиданностью для тех, кого в нём обвиняют. Общественности же объяснят, что обвинение стало очевидным, как только удалось собрать вместе (в рамках одного вновь открытого дела) и сопоставить те самые пять эпизодов, которые прежде рассматривались по отдельности.

Цель операции – медленное, постепенное затягивание «удавки» «нашее» руководства РФ путём независимой отработки шести различных эпизодов, внешне не связанных между собой, но способных собраться в одну логическую схему в заранее намеченной организаторами операции «точке сборки». Ключевой линией в реализации данного этапа операции становятся оперативная разработка ГРУ (как спецслужбы и «международной террористической организации») и выделение ГРУ в отдельное производство (в отдельную линию следствия).

Вместе с тем новая тактика «сборки» полностью вписывается в базовую схему американской операции, состоящей из последовательности вбросов и пауз: каждый отработываемый эпизод – это именно серия вбросов, выстроенная в последовательность (в цепочку) так, как этого требуют новейшие технологии ведения информационной войны. Просто в данном случае в рамках всей операции (длившейся весь 2019 г.) эти вбросы поделены на кластеры – по числу отработываемых эпизодов. Ни в одном из эпизодов противника не ставят на колени – ему лишь наносят ещё один чувствительный удар оттуда, откуда он не ожидает. Главный же удар наносится в тот момент, когда все эпизоды – «по щелчку» – вдруг выстраиваются в одно полностью сформированное обвинительное заключение (как в конструкторе), которое и даёт кумулятивный эффект, мощный и неожиданный для противника.

**«ПРАЖСКОЕ ДЕЛО» (2020 Г., ТРЁХХОДОВАЯ ОПЕРАТИВНАЯ КОМБИНАЦИЯ):
СИНДРОМ СКРИПАЛЯ («СОЛСБЕРЕЦКАЯ МАТРИЦА»), «ЛОВЛЯ НА ПРИМАНКУ»
(СНОС ПАМЯТНИКА МАРШАЛУ И. С. КОНЕВУ)**

Данная информационная операция представляет собой трёхходовую оперативную комбинацию, разыгранную иностранными разведками (американской и чешской) по сценарию, детально отработанному ещё в 2018 г. в Солсбери («Солсберецкая матрица»), получившему своё дальнейшее развитие во время выборов в Интерпол в 2018 г. (в форме т. н. «Скрипальского синдрома»).

Цель операции – обвинить Россию в том, что она намерена продолжать практику «отравлений» противников режима за рубежом (как это было со Скрипальями в Солсбери); на этот раз «жертвой отравителей из ГРУ» стала Прага.

Замысел операции – вывести кого-нибудь из высокопоставленных лиц РФ «на эмоции» в связи с резонансным публичным оскорблением, нанесённым Российской Федерации, – сносом в Праге памятника маршалу И. С. Коневу, спровоцировать их на резкие публичные заявления в адрес инициаторов уничтожения памятника, которые при желании можно было бы интерпретировать как угрозы личной расправы, и затем «захлопнуть ловушку», сделав вброс о прибытии в Прагу российского дипломата с рицином (сильнодействующий яд), которым, предположительно, и будут «наказаны» виновники скандала (их попытаются отравить, как Скрипалей, только на этот раз без осечки). В этот момент в дело вступает «Скрипальский синдром» (когда в любой попытке покушения с помощью отравляющих веществ западное общество видит повторение трагедии в Солсбери и «руку российских спецслужб»). Памятник же Коневу и его снос – это та самая «приманка», на которую должны клюнуть высокопоставленные чиновники РФ. У организаторов этой оперативной игры была полная уверенность, что такие чиновники в РФ найдутся обязательно (и обязательно «клюнут»), так как дело казалось «верным» (простым и понятным): циничный снос памятника маршалу-освободителю Праги, «втопанная в грязь историческая память в угоду преклонения перед нацистами» – что может быть проще? Здесь нет и не может быть никакого «двойного дна». Поэтому и высказаться можно эмоционально и радикально категорично. Попутно пообещав, что если «чехи забыли, кто их освободил, то можем освободить и второй раз».

Операция была реализована в три хода:

- в предельно циничной и оскорбительной форме снесли памятник И. С. Коневу (выставили «приманку»);
- дождались, когда целый ряд российских официальных лиц высшего ранга и их официальных представителей выскажется по этому поводу, пообещав «всех, виновных в этом инциденте, поимённо, найти и наказать»;
- и затем вбросили информацию о прибытии в Прагу российского дипломата («человека с дипломатическим паспортом»), привёзшего в российское посольство большую дозу рицина (которым, видимо, и будут «наказывать» виновных).

Трёхходовка по своему замыслу – не сложнее детской игры; но на неё все «купились». Отдельного внимания заслуживает использование разработчиками комбинации в качестве механизма «выведения на эмоции» российских чиновников фактора публичного оскорбления исторической памяти (для нынешней российской чиновничьей конъюнктуры это – точно рассчитанный удар по больному месту).

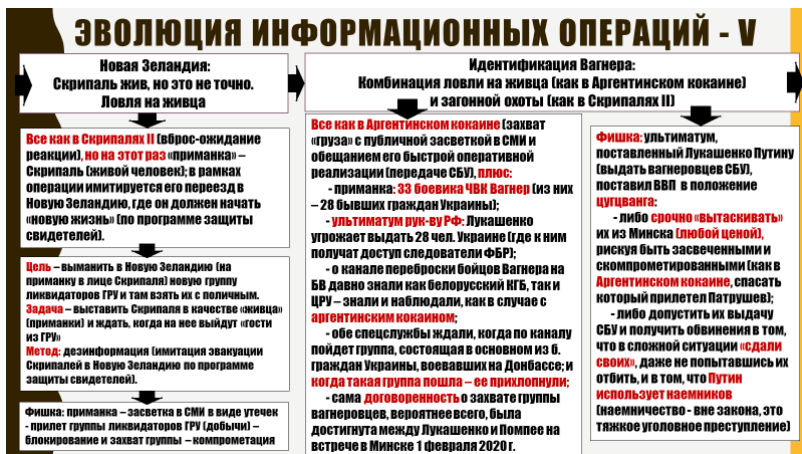

Рис. 5 / Fig. 5. Эволюция информационных операций. «Скрипали-V» – «Идентификация Вагнера» / Evolution of information operations. «Skripali-V» – “Wagner’s Identification”

СКРИПАЛИ, V ЭТАП (2020 Г.):

КОНВЕРГЕНЦИЯ. ТОЧКА СБОРКИ: «ГРУ УБИВАЕТ АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ»

«Конвергенция»¹ на русский язык переводится как «сходимость». Это и есть та самая «точка сборки» – ключевой эпизод или инфоповод, вокруг которого и должны выстроиться все предыдущие эпизоды, сформировав тем самым одну «историю» и одно обвинительное заключение. Именно этот эпизод и появляется в июне 2020 г. в публикации «The New York Times», утверждающей, что «российская военная разведка платила талибам в Афганистане за убийства американских солдат» (см. рис. 5).

Замысел операции таков:

1. Обвинение ГРУ в том, что оно платит талибам за скальпы американских солдат («The New York Times», Афганистан, 2020 г.);
2. Вокруг расследования о деятельности ГРУ в Афганистане собираются все эпизоды дела «Скрипали-III»;
3. ГРУ – «международная террористическая организация», убивающая американских солдат;
4. Руководители ГРУ, МО и Президент РФ – «лидеры террористов», подлежащие международному уголовному преследованию.

Цель операции – признать ГРУ «международной террористической организацией», а руководителей ГРУ, МО и, возможно, даже главу РФ – «лидерами или пособниками террористов», подлежащими международному уголовному преследованию (как минимум).

¹ (от лат. convergo – приближаюсь, схожусь) – прим. ред.

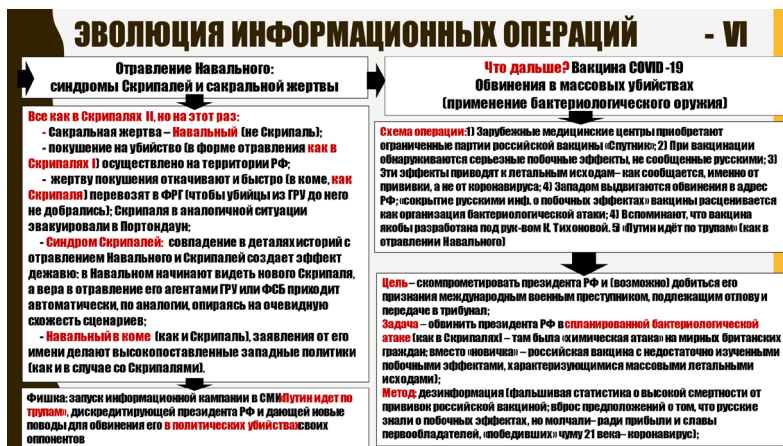

Рис. 6 / Fig. 6. Эволюция информационных операций. «Отравление Навального» – «Вакцина COVID-19» / Evolution of information operations. “Navalny’s poisoning” – “COVID-19 vaccine”

Главных (революционных) технологических приёмов здесь как минимум два:

- во-первых, это новая конвергентная технология «сборки» серии отдельных самостоятельно отработанных эпизодов в одну «историю» (в полностью готовое и оформленное обвинительное заключение);
- во-вторых, это фокусирование всех обвинений вокруг личности Президента РФ: объявление его «пособником террористов, убивающих американских солдат» (через признание ГРУ «террористической организацией») и подведение его под действие «USA Freedom Act».

Впоследствии ещё одной точкой сборки (включив в контур «загонной охоты» обвинение во «внутреннем терроризме») станет «Дело об отравлении Навального» (рис. 6).

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВАГНЕРА: КОМБИНАЦИЯ «ЛОВЛИ НА ЖИВЦА» (КАК В «АРГЕНТИНСКОМ КОКАИНЕ») И «ЗАГОННОЙ ОХОТЫ» (КАК В СКРИПАЛЯХ-II)

В этой операции (см. рис. 5) – всё, как в «Аргентинском кокаине» (захват «груза» с публичной засветкой в СМИ и обещанием его быстрой оперативной реализации – передачи СБУ), но есть особенности:

- приманка: 33 боевика ЧВК Вагнер (из них – минимум 8 бывших граждан Украины, 1 – гражданин Беларуси);
- ультиматум руководству РФ: А. Лукашенко угрожает выдать 28 чел. Украине (где к ним получают доступ следователи ФБР);

– о канале переброски бойцов Вагнера на БВ давно знали как белорусский КГБ, так и ЦРУ – знали и наблюдали, как в случае с аргентинским кокаином;

– обе спецслужбы ждали, когда по каналу пойдёт группа, состоящая в основном из бывших граждан Украины, воевавших на Донбассе; и когда такая группа пошла – её «прихлопнули»;

– сама договорённость о захвате группы «вагнеровцев», вероятнее всего, была достигнута между Лукашенко и Помпео на встрече в Минске 1 февраля 2020 г.².

Цель операции – компрометация Президента РФ: предполагалось, что после ультиматума А. Лукашенко он будет вынужден:

– либо срочно «вытаскивать» их из Минска (любой ценой), рискуя быть засвеченным и скомпрометированным (как в Аргентинском кокаине, «спасть» который прилетел Н. Патрушев);

– либо допустить их выдачу СБУ и получить обвинения в том, что в сложной ситуации «сдали своих», даже не попытавшись их «отбить», и в том, что Путин использует наёмников (наёмничество – вне закона, это тяжкое уголовное преступление).

Тем самым Президента РФ попытались загнать в ловушку, создав для него «вилку» из двух вариантов реагирования на ситуацию, каждый из которых исключительно для него опасен («оба хуже»).

Структура обвинений в адрес РФ также проста и понятна:

– В. В. Путин использует наёмников;

– группа наёмников, захваченная КГБ Беларуси, прибыла в страну для организации госпереворота.

Свидетелей обвинения нет, но допускается, что главным свидетелем обвинения, возможно, станет кто-нибудь из захваченных «вагнеровцев», готовый дать показания против своих (и тогда он сыграет роль «Родченкова № 2»).

Главные технологические приёмы, присутствующие в данной операции:

1. «ловля на живца» (таких живцов в данной операции аж 32 – это тоже новый приём; прежде ловили на «живца» в единственном экземпляре – на М. Бутину);

2. ультиматум, предъявленный Лукашенко Путину (выдать вагнеровцев СБУ), поставил второго в положение цугцванга (как в «Скрипалях-II»);

3. комбинация трёх приемов (уловок), ранее отработанных в разных операциях: «ловли на живца», «ультиматума» и навязанного безальтернативного выбора из двух заведомо проигрышных вариантов («вилки»).

² Информацию о том, что это была именно разведывательная операция ЦРУ, 8 сентября 2021 г. подтвердил телеканал CNN (со ссылкой на собственные источники в разведке США и Украины). См.: CNN: ЦРУ помогло Украине организовать операцию с задержанием 33 россиян в Белоруссии // ТАСС: [сайт]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12325039?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 09.09.2021).

ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ

Целью любой информационной операции продолжает оставаться компрометация руководства РФ (в первую очередь главы государства и лиц из его ближайшего окружения) в интересах:

- 1) принуждения их к совершению (осознанно или неосознанно) действий, выгодных организаторам операции (скрытое управление);
- 2) создания вербовочных ситуаций, способствующих возможному привлечению их к конфиденциальному сотрудничеству (это касается в первую очередь ближайшего окружения главы государства).

В свою очередь, компрометация осуществляется тремя основными способами:

- прямая компрометация конкретного лица (Президента РФ или конкретного лица из его ближайшего окружения – «друзей Путина») путём «наклеивания ярлыков», выдвижения обвинений или «ловли на лжи»;
- компрометация конкретного института власти (МИД, ЕР) с целью дальнейшей экстраполяции (перенесения) выдвинутых обвинений на Президента РФ, которому этот орган подчиняется;
- компрометация Президента РФ путём использования приёмов «ловли на приманку» или «живца» – через компрометацию лица из его ближайшего окружения, «клюнувшего на приманку» и попавшегося.

При этом операции по компрометации могут осуществляться как пассивно, так и активно. Пассивная форма компрометации осуществляется по заранее сформированному плану или программе, не подлежащим изменению и предполагающим не активное взаимодействие с объектом атаки, а только считывание и интерпретацию его ответных реакций – в компрометирующем его ключе. Именно так были построены «Панамское досье» или «Допинговый скандал с WADA». Активная компрометация обязательно включает в себя элементы оперативной игры, в которой объекта атаки выводят на эмоции и провоцируют на совершение ответных действий – как правило, панического характера, – которые затем и становятся доказательной базой для его окончательной компрометации. Особенно хорошо это проявляется, когда объект атаки, выгораживая себя, начинает врать и оправдываться. На этой лжи его и ловят.

Для компрометации объекта в современных информационных операциях используются четыре основных метода:

- «ловля на лжи»;
- «загонная охота»;
- «ловля на приманку» или «живца»;
- прямой шантаж, сопровождающийся выдвижением ультиматумов в адрес конкретного человека или страны (рис. 7).

Рис. 7 / Fig. 7. Классификация информационных операций по используемым методам и уловкам / Classification of information operations by methods and tricks used

При этом «ловля на лжи», выступающая в качестве основного инструмента обвинений представителей руководства РФ в мошенничестве и организации международных преступных сообществ (действующих под крышей государства), часто используется в комбинации с методом травли – «загонной охоты», позволяющей каскадно усиливать эффект от «разоблачений» с каждым новым «проколом» жертвы и загонять её «по флажкам» в ловушку, из которой ей уже не выбраться, а «ловля на приманку» сразу же становится «загонной охотой», как только на приманку кто-нибудь попадётся.

Среди наиболее успешных операций, многократно использующих приём «ловля на лжи», можно указать «Допинговый скандал с WADA» (кульминационный момент – раскаяние в совершённых деяниях и публичные извинения А. Жукова), «Скрипаль-II» (после заявления В. В. Путина на Восточном экономическом форуме, признавшего факт существования Петрова и Боширова и поручившегося за них) и «Аргентинский кокаин» (после прилёта в Аргентину Н. Патрушева).

«Ловля на приманку» реализовывалась сразу по двум направлениям:

1) приманка – кокаин (возрастающие партии кокаина, перехваченные в Аргентине – Бельгии – Кабо-Верде); цель – удар по репутации (компрометация) РФ и её руководства, а также – по доходам организовавших этот канал поставки (по мнению западных разведок – это люди, близкие к руководству РФ);

2) с лета 2018 г. начинается «ловля на живца» – в этой роли последовательно выступают М. Бутина (ценный свидетель обвинения – носитель инсайда, которую затем удалось склонить к сделке со следствием), сам Скрипаль (эвакуация в Новую Зеландию – провоцирует желание найти и «дотравить»;

Рис. 8 / Fig. 8. Структура и характер обвинений в адрес Российской Федерации и её высшего руководства / The structure and nature of the accusations against the Russian Federation and its senior leadership

взять посланную за ним группу и сделать из них тоже свидетелей обвинения) и, наконец, летом 2020 г. – т. н. группа «вагнеровцев» (ценные носители информации – перспективны как возможные главные свидетели обвинения в случае, если начнут давать показания). Тактика действий проста: выманить (кого-нибудь из представителей руководства РФ) – задокументировать – затравить. При этом наиболее ранней попыткой использования «свидетеля обвинения» в качестве приманки (с целью организации «ловли»), возможно, был фигурант допингового скандала Родченков, на которого, возможно, хотели выманить группу «ликвидаторов ГРУ».

Наиболее успешными операциями, в которых применялась тактика «Загонной охоты», стали: «WADA» – «Скрипали-II» – «Идентификация Вагнера», в которых тактика «следования в загон» была реализована, в том числе, с навязанным объекту преследования «выбором» из двух в равной степени для него катастрофических путей следования (т. н. «вилка» навязанного выбора).

Тактика шантажа и ультиматумов, присутствующая в ряде операций («Скрипали-II», «Допинговый скандал с WADA», «Выборы в Интерпол–2018»), тем не менее, существенных результатов не принесла. Возможно, потому, что выдвижение угроз в адрес РФ и её руководства так и не было подкреплено совершением конкретных действий (кроме введения очередных санкций).

Самой продуктивной стратегией (с точки зрения формирования обвинения в совершении уголовных преступлений в национальном и международном масштабе) стала «Петля Анаконды» (рис. 8), наиболее ярко и эффектно проявившая себя в операции «Скрипали-III». Использование этой стратегии, даже несмотря на довольно скромный конечный результат третьего этапа

«Дела Скрипалей», показало свою перспективность и фактически открыло для современных операций информационной войны новые горизонты.

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ РОССИЙСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ОПЕРАЦИЯ

В свете стремительно эволюционирующих информационных операций США [5] закономерно встает вопрос: какой именно должна быть схема российской информационной операции, способная на равных конкурировать с весьма технологически продвинутыми американскими аналогами?

Схема российской операции информационной войны, удовлетворяющая этим требованиям, представлена на рисунке 9. Структурно она состоит из четырёх этапов, включающих в себя: провокацию (1); приманку (2); разоблачение (3); прививку (4). Технологически в данной операции сочетается несколько приёмов: рефлексивное управление (путём провоцирования противника на совершение немедленных ответных действий); «ловля на приманку»; публичное разоблачение «клюнувших на приманку» и, наконец, «прививка», позволяющая «жертве» внутренне смириться с поражением на условиях организаторов информационной операции.

В целом тактика современных информационных операций состоит в том, чтобы «зацепить» жертву, вывести её на эмоции и заставить метаться в поисках выхода из сложившейся ситуации (или спасения). Если жертва начинает метаться, её ловят на обязательно совершаемых ею ошибках и ещё сильнее сжимают «удавку» на шее; если она впадает в гнев или ярость и начинает яростно отрицать свою причастность к приписываемым ей действиям, поступкам или фактам, попутно оправдываясь, её последовательно ловят на

Рис. 9 / Fig. 9. Схема российской информационной операции / Scheme of the Russian information operation

лжи, припирая к стенке или загоняя в угол, из которого выход может быть открыт только на условиях «загонщика». На это и рассчитана провокация – первый шаг российской модели информационной операции. Её цель – мобилизовать жертву атаки, сфокусировать её внимание на угрозе и лихорадочном поиске её источника. При этом допускается серия из нескольких последовательных (тестирующих) провокационных вбросов, прощупывающих объект атаки с разных сторон. На одну из этих провокаций будущая жертва атаки обязательно «поведётся».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что гипотеза, выдвинутая в начале данной статьи, в целом подтверждается: информационные операции с течением времени действительно меняются. В каком направлении движется эволюция информационных операций?

1. Уход от лобовых атак. Объект атаки компрометируют путём представления ловушек на его ближайших друзей, соратников, доверенных лиц, а также их близких доверительных контактов. При поимке и разоблачении контактов из ближайшего окружения Президента РФ вскрывается и легализуется компрометирующая информация и на него самого. При «зацепе» людей из ближайшего окружения на каждого из них формируется досье, способное в перспективе подкрепить собой предложение о конфиденциальном сотрудничестве. Прямая (примитивная) компрометация, осуществляемая путем вброса компромата любого типа (например, свидетельствующего о совершении финансовых преступлений – как в «Панамском досье»), ушла в прошлое.

2. Принуждение жертвы агрессии к совершению немедленных активных ответных действий. Практика стимулирования объекта атаки к совершению немедленных («реактивных») ответных действий прямыми обвинениями и ультиматумами уступает место практике выдвижения обвинений:

- а) «главными свидетелями совершения преступлений»;
- б) «незаинтересованной третьей стороной» – как правило, журналистами-расследователями. Им больше верят.

3. Формирование доказательной базы (для будущего трибунала). Главный объект атаки травят и обкладывают, как медведя в берлоге, постепенно сжимая удушающее «кольцо анаконды» вокруг его шеи. В юридическом плане задача операций – вскрытие «противоправной деятельности» («политические убийства, транзит кокаина, отмывание доходов, наёмничество» и т. д.) объекта атаки, документирование и формирование доказательной базы для последующего выдвижения в его адрес обвинений в совершении конкретных уголовных преступлений (в момент «сборки»); отдельные

операции служат только для отработки фигурирующих в деле отдельных же криминальных эпизодов, версий или гипотез.

3. Синтез финального обвинительного заключения. Осуществляется в самый последний момент, неожиданно для противника путём «сборки» (как в конструкторе) частных обвинений, выдвинутых и отработанных следствием в отдельных эпизодах, в одну взаимоувязанную «историю» (версию), формирующую целостную картину криминальной деятельности самого субъекта и его ближайшего окружения, организовавших для осуществления этих целей организованное преступное сообщество (транснациональную преступную группировку).

3. Шантаж и ультиматумы. Превращаются в инструмент публичного унижения и сведения счетов, «публичной порки», а также демонстрации бессилия объекта шантажа, неспособного что-либо предпринять в ответ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурцева С. Б. Анализ атаки на «мягкую силу» в условиях информационной операции // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru> (дата обращения: 20.11.2021). DOI: 10.18384/2224-0209-2020-4-1038
2. Евстафьев Д. Г. Гибридные войны как инструментарий геοэкономической трансформации современного мира // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru> (дата обращения: 20.11.2021).
3. Коньшев В. Н., Парфёнов Р. В. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66
4. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия-Телеком, 2018. 480 с.
5. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия-Телеком, 2020. 636 с.
6. Петренко А. И. К вопросу о нейтрализации замыслов психологических операций // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru> (дата обращения: 20.11.2021)
7. Слипченко В. И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 384 с.
8. Simons G. Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics [Электронный ресурс] // Russia in Global Affairs. 2019. № 2. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/digital-communication-disrup> (дата обращения: 20.11.2021).

REFERENCES

1. Burtseva S. B. [Analysis of an attack on "soft power" in the context of an information operation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no 4. Available at: <https://evestnik-mgou.ru/ru> (accessed: 20.11.2021). DOI: 10.18384 / 2224-0209-2020-4-1038
2. Evstaf'ev D. G. [Hybrid Wars as a Toolkit for the Geoeconomic Transformation of the Modern World]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 3. Available at: <https://evestnik-mgou.ru/ru> (accessed: 20.11.2021).
3. Konyshchikov V. N., Parfenov R. V. [Hybrid Wars: Between Myth and Reality]. In: *World economy and international relations* [World economy and International Relations], 2019, vol. 63, no. 12, pp. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66
4. Manoilo A. V. *Informatsionnye voyny i psikhologicheskie operatsii. Rukovodstvo k deistviyu* [Information warfare and psychological operations. A guide to action]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2018. 480 p.
5. Manoilo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoi voyny* [State information policy in the context of information and psychological warfare]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2020. 636 p.
6. Petrenko A. I. [On the issue of neutralizing the intentions of psychological operations]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 3. Available at: <https://evestnik-mgou.ru/ru> (accessed: 20.11.2021).
7. Slipchenko V. I. *Voyny shestogo pokoleniya. Oruzhie i voennoe iskusstvo budushchego* [The war of the sixth generation. Weapons and military art of the future]. Moscow, Veche Publ., 2002. 384 p.
8. Simons G. Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics. In: *Russia in Global Affairs*, 2019, no. 2. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/digital-communication-disrup> (accessed: 20.11.2021).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 09.09.2021

Статья размещена на сайте: 08.12.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Andrey V. Manoilo – Dr. Sci. (Political Science), Prof., Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Department of Europe and America, Central Research Institute of Global and Regional Problems, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Манойло А. В. Эволюция информационных операций // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Manoilo A. V. Evolution of information operations. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32.019.51

Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И.

Сургутский государственный университет

628412, Тюменская обл., г. Сургут, пр-т Ленина, д. 1, Российская Федерация

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕНДАХ «НОВЫХ МЕДИА» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. В статье исследуется идеологическое наполнение концепта патриотизма в идеологических трендах «новых медиа».

Процедура и методы. Методом выступил анализ дискурса. Объектами исследования явились тексты блогеров, характеризующихся как лидеры общественного мнения в «двухступенчатой» модели коммуникации в социальных сетях. Блогеры, обладающие наибольшим влиянием, были выявлены в ходе экспертного опроса среди преподавателей вузов, журналистов, представителей общественных объединений.

Результаты. Исследование продемонстрировало уверенную концептуализацию дискурсов патриотизма в «новых медиа» идеологическими рамками традиционных политических идеологий. Показано, что в «новых медиа» широко представлен официальный дискурс концепта «патриотизм». В соответствии со смыслами консервативной идеологии он трактует патриотизм как чувство, основанное на неполитической эмоциональной привязанности, «любви к Родине». Это позволяет, используя идею противостояния «общему врагу», добиваться в нынешнем социально расколотом обществе относительной общенациональной консолидации и способствовать легитимации власти. В то же время «новые медиа» либеральной и социалистической направленности, противоположным образом выдвигая в отношении власти обвинения в непатриотическом поведении, используют концепт патриотизма для её делигитимации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в применении теории дискурса к анализу политических процессов современной России. Практическая значимость состоит в возможности использовать результаты исследования в качестве инструментария идеологической типологизации «новых медиа».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идеология, «новые медиа», социальные сети, патриотизм, лидеры общественного мнения

СТРУКТУРА

Введение

Результаты исследования

Заключение

M. Martynov, A. Gaberkorn

Surgut State University

Prospekt Lenina 1, 628412 Surgut, Tyumen Region, Russian Federation

PATRIOTIC DISCOURSE IN “NEW MEDIA” IDEOLOGICAL TRENDS IN MODERN RUSSIA

ABSTRACT

Aim. The article examines the ideological filling of the concept of patriotism in the “new media” ideological trends.

Methodology. The texts of bloggers who can be considered public opinion leaders in the “two-stage” model of social networks communication were analyzed. The most influential bloggers were identified in the survey conducted among university teachers, journalists and public associations.

Results. The study has demonstrated a consistent conceptualization of patriotism discourses in “new media” by the ideological framework of traditional political ideologies. It is shown that the official discourse of the “patriotism” concept is widely represented in “new media”. In accordance with the meanings of conservative ideology, patriotism is presented as a feeling based on the non-political emotional attachment, “love for the Motherland”. This allows, using the idea of opposing the “common enemy”, to promote relative consolidation in the currently socially split society and contribute to the legitimation of power. At the same time, the “new media” of liberal and socialist orientation putting forward the charges of non-patriotic behavior in relation to power, use the concept of patriotism for its de-legitimation.

Research implications. The study showed that the main ideological confrontation and struggle of opinions takes place not so much between “new media” as a potential protest resource and official discourse, but inside the “new media”, along the lines of ideological faults.

KEYWORDS

Ideology, “New Media”, Social Networks, Patriotism, Public Opinion Leader

ВВЕДЕНИЕ

К «новым медиа» относят «высокотехнологичные интерактивные интернет-медиа, обладающие потенциалом гипермедийности и мобильного доступа к контенту» [11, с. 45]. К ним относят прежде всего социальные сети (Facebook, ВКонтакте, Google+ и пр.), блог-платформы (LiveJournal, Blogger и др.), микроблоги (Twitter, Tumblr), интернет-СМИ и поисковые службы.

Первые работы, посвящённые их изучению, появились ещё в 1990-х гг. [17; 20]. В поле зрения российской политической науки «новые медиа» оказались в 2000-х гг. в рамках сетевых исследований [13; 3; 6; 8; 10].

Интерес политологов к «новым медиа» объясним их ролью в оппозиционной мобилизации. На такую возможность в своё время указал Г. Рейнголдс в так называемой концепции «умной толпы» [19], а практическим подтверждением стали события «Арабской весны» [22; 16].

В России социальные сети также сыграли важную роль в организации митингов во время протестных движений 2011–2012 гг. [4, с. 54]. Как подчёркивают российские исследователи, «социальные сети способны аккумулировать и концентрировать протестный потенциал, который может затем выплескиваться на улицу. Сетевые связи между индивидами в онлайн-среде родственны связям в физической реальности. Цифровые платформы могут выступать центральными площадками формулирования коллективных целей и идентичностей» [2, с. 87].

Таким образом, если в технологическом плане особенность «новых медиа» была связана с интерактивностью, многофункциональностью, конвергентностью, то в политическом смысле этой особенностью выступали независимость от власти и оппонирование ей. Конечно, «новые медиа» также воздействуют на аудиторию и даже манипулируют ею. Но можно ли назвать это воздействие индоктринацией, аналогичной государственной, осуществляемой через традиционные СМИ? На первый взгляд, подобная индоктринация в социальных сетях невозможна в силу имманентно анархического характера циркулирующей в них информации. Например, некоторые авторы, ссылаясь на понятие ризомы, использованное Ж. Делёзом и Ф. Гваттари для обозначения особенностей политического манипулирования в «новых медиа», делают вывод, что «передача информации в рамках ризомы носит “вирусный”, хаотичный характер, который не поддаётся контролю со стороны» [7, с. 10].

Однако другие авторы, пожалуй, не столь категоричны, говоря о характере манипулятивного воздействия «новых медиа», подчёркивая, что в его основе лежит использование идеологии: «Манипулирование всегда включает в себя идеологии, идеологические установки и идеологические дискурсивные структуры» [23, р. 374]. Приводя в пример то, как многие западноевропейские лидеры, включая бывших премьер-министров Аснара и Тони Блэра, хотят ограничить иммиграцию, чтобы увеличить поддержку со стороны избирателей, Ван Дейк пишет: «Такие манипулятивные политики и дискурсы также очень идеологичны, включают в себя националистические чувства, поляризацию нас / них, и систематическое негативное представление других (правонарушения, незаконный въезд, насилие и т. д.)» [23, р. 374].

Как справедливо отмечает С. В. Тихонова, «Интернет как социальное пространство не является нейтральным, пустымместилищем интеракций. Он способен трансформировать исполняемые с его помощью социальные роли, влияя на них не только через технические ограничения, но и на аксиологическом уровне» [14, с. 147].

Находясь в сетевом пространстве, сознание человека проходит стадию политической идентификации, неизбежно связанной с наполнением его когнитивных и аксиологических структур идеологическим смыслом. Другими словами, «находясь в сетевом пространстве, индивиды постоянно подвергаются открытому и скрытому политическому воздействию с целью формиро-

вания их политической идентичности ... Действия подобных политических акторов осуществляются как в интересах данной сложившейся политической системы, так и против неё» [5, с. 77].

Таким образом, за внешней хаотизацией процессов информационного обмена стоит управляющая дискурсом, концептуализирующая его, логика политической идеологии.

На роль идеологической составляющей в информационных текстах «новых медиа» обращают внимание как зарубежные, так и российские исследователи [18; 21; 12].

Технологические и социально-психологические механизмы сетевого воздействия изучены уже достаточно хорошо. Но направления и содержание идеологических процессов, протекающих в «новых медиа», выглядят не столь очевидными.

Согласно нашим гипотезам, во-первых, информационное пространство «новых медиа» достаточно жёстко структурировано. «Рёбрами жёсткости» выступают традиционные идеологические системы, сводящие, казалось бы, бесчисленное число находящихся в «броуновском движении» смыслов к нескольким вполне ограниченным трендам. Во-вторых, широко, хотя часто и латентно, в «новых медиа» представлен не только оппозиционный, но и официальный дискурс. В-третьих, основное идеологическое противостояние и борьба дискурсов имеет место не между «новыми медиа» как потенциальным протестным ресурсом и официальным дискурсом, а внутри самих «новых медиа», проходя по линиям идеологических разломов.

В качестве предмета исследования мы выбрали идеологическое наполнение концепта патриотизма в идеологических трендах «новых медиа» современной России. Выбор данного концепта обусловлен его особой ролью в политическом сознании в качестве маркера самоидентификации общества [1, с. 216].

Методом исследования выступал дискурс-анализ, опирающийся на концепцию М. Фуко, рассматривавшего дискурс как средство политического управления за счёт выбора субъектом тем, конструирования концептов и контекста особой модальности [15, с. 65].

Поскольку «новые медиа» охватывают огромное число элементов, требовалось конкретизировать объект исследования. Методологически мы исходили из теории «лидеров общественного мнения» и модели «двухступенчатой коммуникации», предложенной в своё время П. Лазарсфельдом. В условиях демократического общества, где массовая пропаганда не обладает монополией, она тем не менее может быть весьма эффективной в том случае, если дополняется персональными контактами [9]. Сегодня лидеры общественного мнения, о которых писали П. Лазарсфельд и Р. Мертон, получили вполне внятную локализацию в качестве спикеров блогосферы. Именно с мнениями этих лидеров общественных взглядов сверяет свои политические предпочтения аудитория социальных сетей.

Чтобы отобрать блогеров в качестве объектов исследования, был использован экспертный опрос. В качестве экспертов выступали преподаватели вузов, журналисты, представители общественных объединений. Эксперты должны были назвать блогеров, наиболее эффективно, по их мнению, влияющих на массовое сознание. В опросе приняли участие 18 экспертов, назвавшие имена 22 блогеров. Из этого числа мы отобрали тех 10 блогеров, в текстах которых звучали понятие «патриотизм», выступавшее единицей отбора, и однокоренные с ним слова.

Отобрав этот массив текстов, мы предоставили его для ознакомления экспертам, предложив осуществить их идеологическую идентификацию. Кроме того, эксперты должны были сопоставить данные тексты на предмет совпадения или оппозиции с официальной доктриной патриотизма, изложенной, например, в регулярно принимаемых программах патриотического воспитания в Российской Федерации.

Были обозначены следующие характерные черты этого официального дискурса. Во-первых, патриотизм рассматривается как чувство, основанное на неполитической эмоциональной привязанности в виде «любви к Родине». Во-вторых, этот смысл «снимает» социальную политическую конфликтность более важными духовными смыслами. В-третьих, необходимость формирования идентичности и консолидации общества акцентируется использованием данного понятия для усиления дихотомии «мы – они».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С точки зрения экспертов, *к первой группе блогеров следует отнести тех, смысловое содержание текстов которых практически совпадает с официальным дискурсом патриотизма.* Этот дискурс получил различные варианты определений, но в основном предложенные смыслы можно обобщить под названием «национал-консерватизм».

Например, отстаивание любви к Родине, отождествляемой с патриотизмом, как абсолютной ценности, преодолевающей, «снимающей» внутренние политические противоречия, развивает известный писатель З. Прилепин. Отмечая напряжённые отношения между прибывшими на помощь в Донбасс нацболами и интербригадами, он тем не менее подчёркивает, что и те и другие являются «истинными патриотами», поскольку в случае необходимости «...будут защищать эту страну ... будут стоять за страну вне зависимости от того, кто ей управляет ... приоритет Родине – он абсолютен»¹.

¹ Захар Прилепин про Интербригады, нацболов и патриотизм // Движение Интербригады : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eNokB-ZSmag> (дата обращения: 05.06.2019). Здесь и далее приведены ссылки на видео, активные на момент написания статьи (прим. ред.).

Другая составляющая официального дискурса – дихотомия «мы – они», или, иначе говоря, «свои – враги» – также отчётливо прослеживается у З. Прилепина в цикле передач «Уроки русского», что видно даже по названиям передач цикла («Ассоциация с Европой – прямой путь в холопы», «США: я объявляю весь мир своей ядерной зоной», «Демократия, хоббиты, гномы», «Про санкции» и др.)².

Аналогичным является дискурс передач другого публициста патриотического направления М. Калашникова на телеканале РОЙ-ТВ («Кавказский этнокриминал – кризис картонного “великодержавия”», «Почему я не пойду на марш Бессмертного полка?», «О Троянском коне и сирийско-газовой туфте» и т. д.)³.

Анализ комментариев и активности подписчиков на ютуб-каналах у данных националистических лидеров показывает, что транслируемая авторская точка зрения в преимуществе своём находит отклик у большинства подписчиков. Например, серия вышеупомянутых выпусков у З. Прилепина собрала от 74 тыс. до 110338 тыс. просмотров. Количество лайков варьируется от 1,7 тыс. до 3,9 тыс., а дизлайков – от 55 шт. до 114 шт. В большинстве своём встречаются положительные комментарии под роликами: «Спасибо за урок, Захар!»⁴, «Захар, вам большая благодарность... ценность ролика – как островка правды в океане вздора и лжи»⁵, «Всё правильно, Захар! Так держать!!!»⁶ и т. д.

На канал «РОЙ ТВ» подписаны 131174 человек⁷. Судя по комментариям к передачам, большинство посетителей сайта также разделяют мнение ведущего – Максима Калашникова: «Верно говорит Калашников»⁸, «Здесь уже давно целый табун “коней” бегают и топчет наши судьбы...»⁹, «Всё сказанное в

² Захар Прилепин. Уроки русского. Все выпуски // HTB : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLSgy-gJ-dkS9QmKvn-FoHK9EwSNTlBoF> (дата обращения: 05.06.2020).

³ Канал РОЙ ТВ // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC7wqeVwzexXNUb25RqxtoeA> (дата обращения: 07.06.2020).

⁴ “Захар Прилепин. Уроки русского”: Урок № 61. Ассоциация с Европой – прямой путь в холопы // HTB : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Vi16kUWgdEw> (дата обращения: 05.06.2020).

⁵ “Захар Прилепин. Уроки русского”. Урок № 46. США: я объявляю весь мир своей ядерной зоной // HTB : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iF8bLAn-5yM> (дата обращения: 05.06.2020).

⁶ “Захар Прилепин. Уроки русского”. Урок № 8: Про санкции // HTB : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BRawY2glf1E> (дата обращения: 05.06.2020).

⁷ Канал РОЙ ТВ // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC7wqeVwzexXNUb25RqxtoeA> (дата обращения: 18.06.2020).

⁸ Кавказский этнокриминал – кризис картонного «великодержавия» // РОЙ ТВ : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=AITzHQ_lwAM (дата обращения: 07.06.2020).

⁹ О «Троянском коне» и сирийско-газовой туфте // РОЙ ТВ : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HP6uAi-dIRE> (дата обращения: 07.06.2020).

ТОЧКУ!!!»¹⁰. Количество лайков и дизлайков вышеуказанных передач варьируется от 1,4 тыс. до 10 тыс. и от 104 шт. до 718 шт. соответственно.

Ещё один отмеченный экспертами автор – член Изборского клуба А. Дугин. В рамках его авторской программы «Директива Дугина» вышли передачи: «Национальная идея России – Патриотизм», «Правда нашей Победы», «Быть русским – предназначение» и др.¹¹. Эти выпуски проникнуты духом державного патриотизма: «страна принадлежит всем нам и никому в отдельности ... Мы – народ, мы – русские», – духовностью: «Единая святая соборная и апостольская церковь – ядро нашей идентичности»¹², – подчёркиванием особой миссионерской роли русского народа, который несёт «вселенскую ответственность за судьбы мира»¹³ и самоотверженно борется с западными врагами, поскольку «нам необходимо победить снова, победить тех, кто бросает нам вызов ... русские не сдаются»¹⁴.

Правда, стоит отметить, что, в отличие от выступлений предыдущих националистических представителей, речи А. Дугина не вызывают такого ответного восторга у пользователей интернета, а иногда сталкиваются и с критикой: «концентрированная неадекватность»¹⁵, «когда его за экстремизм посадят, этого шарлатана»¹⁶, «жонглёр»¹⁷. Количество просмотров вышеупомянутых передач варьируется от 3999 до 9539, а лайков – от 97 шт. до 206 шт., дизлайков – от 15 шт. до 24 шт.

Достаточно высокий уровень поддержки текстов патриотической направленности в интернете позволяет рассматривать националистический патриотический дискурс в качестве важного инструмента символической политики, успешно дополняющего официальный дискурс.

Во второй кейс анализируемых текстов лидеров общественного мнения попали *блогеры, идентифицированные экспертами как сторонники либеральной идеологии*.

¹⁰ О «Троянском коне» и сирийско-газовой туфте // РОЙ ТВ : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HP6uAi-dIRE> (дата обращения: 07.06.2020).

¹¹ Директива Дугина // YouTube : [сайт]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Y1bOm7PPqH4&list=PLOakhgttSsPqHF1RBDzIUMO1n_8EXmeZJ (дата обращения: 07.06.2020).

¹² Там же.

¹³ Правда нашей Победы // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZzJwMiYwhQc> (дата обращения: 08.06.2020).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Быть русским – предназначение // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9tvPS2KoHgs> (дата обращения 08.06.2019).

¹⁶ Правда нашей Победы // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZzJwMiYwhQc> (дата обращения: 08.06.2020).

¹⁷ «Директива Дугина»: Национальная идея России – Патриотизм // YouTube : [сайт]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=iZNplooJh_k (дата обращения: 09.06.2019).

В качестве примеров либеральных каналов можно привести официальные ютуб-каналы А. Шевцова¹⁸, А. Навального¹⁹ и Е. Шульман²⁰. В частности, в одной из своих передач А. Шевцов как раз говорит о патриотизме как об инструменте пропаганды, который выгоден государству: «Патриотизм на практике существует в интересах: закрывать глаза на всё происходящее и гордиться слепо своей страной...»²¹. В другой передаче он также развивает данную тему, упрекая старшее поколение в слепой поддержке действующей власти и неадекватности восприятия окружающей среды: «Патриотизм – это такой инструмент принуждения к мысли, что работать за 20 тыс. рублей дипломированному специалисту 12 часов в день – это любовь к Родине ... и нежелание мириться с этим раскладом и, как следствие, уехать за границу – это предательство ... ты должен родиться в болоте и сгнить в нём ... или ты не патриот»²².

В целом же данный канал достаточно популярен среди молодёжи, число его подписчиков составляет 1 391 631 человек²³, количество лайков варьируется от 88 тыс. до 154 тыс., а дизлайков – от 13 тыс. до 3,5 тыс. Чаще всего комментарии носят одобряющий характер: «Браво тебе, Шевцов!»²⁴, «Спасибо, Лёха...»²⁵, «Жду тебя на выборах президента России»²⁶.

Достаточно ироничный оттенок в отношении российского патриотизма прослеживается и в таких роликах А. Навального, как «Собрание воинствующих патриотов»²⁷, «Сергей Брилёв абсолютный патриот!»²⁸, «Квартира за 5 млрд. Цензура. Недостаток патриотизма»²⁹ и др.

¹⁸ Алексей Шевцов // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCM7-8Efolv0T9cC14FhHbKQ> (дата обращения: 09.06.2020).

¹⁹ Алексей Навальный // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/user/NavalnyRu> (дата обращения: 09.06.2020).

²⁰ Екатерина Шульман // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCL1rJ0ROlw9V1qFeIN0ZTQ> (дата обращения: 09.06.2020).

²¹ Алексей Шевцов о патриотизме // Любимые Блогеры : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ov3Pg156skQ> (дата обращения: 09.06.2020).

²² Как работает пропаганда? // Алексей Шевцов : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m85HLrJPi14> (дата обращения: 09.06.2019).

²³ Алексей Шевцов // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCM7-8Efolv0T9cC14FhHbKQ> (дата обращения: 18.06.2020).

²⁴ Как работает пропаганда? // Алексей Шевцов : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m85HLrJPi14> (дата обращения: 09.06.2019).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Собрание воинствующих патриотов // Алексей Навальный : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=33AdnAy1l3I> (дата обращения: 09.06.2020).

²⁸ Сергей Брилёв абсолютный патриот! // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IwXp2Hz12dQ> (дата обращения: 09.06.2020).

²⁹ Квартира за 5 млрд. Цензура. Недостаток патриотизма // Алексей Навальный : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Sovv1dtF7es> (дата обращения: 09.06.2020).

А. Навальный обвиняет действующую власть в лживости, лицемерии и однобокости трактовки патриотизма в случае выгодных ей условий. «Назвать С. Брилёва абсолютным патриотом – человека, который клялся всемогущим Богом, что он сохранит лояльность другой стране – ну конечно, вершина лицемерия»³⁰. А. Навальный осуждает власть за намеренное конструирование патриотизма в контексте военной романтики, в то время как в идеале под данным феноменом должны пониматься «действия, направленные на то, чтобы граждане России, русские люди, жили лучше и богаче прямо сейчас»³¹.

Поддержка и транслируемые протестные настроения прослеживаются и в комментариях пользователей: «Мне одному кажется, что без революции в нашей стране ничего не изменится?», «Воровской сходняк», «Всероссийское собрание предателей», «ЗА НАВАЛЬНОГО!!!»³². Число подписчиков А. Навального составляет 2 778 918 человек³³. В среднем количество лайков под роликами варьируется от 8 до 158 тыс., что касается дизлайков – от 0 до 174 тыс.

Более сдержанно о манипулятивных приёмах трактовки патриотизма рассуждает Е. Шульман: «Понятие хорошо своей чрезвычайной общностью. Оно натягивается, как сова, на абсолютно любой глобус»³⁴. Она также поднимает проблему формирования патриотизма в лоне деления общества на «своих» и «чужих», чреватого порождением агрессии³⁵.

На личный канал Е. Шульман подписаны 104 910 человек³⁶, отзывы носят положительный характер: «Такая чёткость мысли, честность, профессионализм!», «Просто великолепно», «Кратко, динамично и по существу»³⁷.

В целом в либеральной трактовке блогеров патриотизм описан как идеологический инструмент, используемый государством, который патриотической риторикой в СМИ, в политической коммуникации манипулирует сознанием людей. В либеральной интерпретации патриотизм приобретает негативные коннотации, отрицаются его объективные основания. В его содержа-

³⁰ Навальный А.: Сергей Брилёв абсолютный патриот! // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IwXp2Hz12dQ> (дата обращения: 09.06.2020).

³¹ Навальный против Гиркина! Крым, Донбас, Боинг, Патриотизм! Россия 2017 // STAR NEWS : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zQy-i4wtOpE> (дата обращения: 09.06.2020).

³² Собрание воинствующих патриотов // Алексей Навальный : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=33AdnAy1I3I> (дата обращения: 09.06.2020).

³³ Алексей Навальный // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/user/NavalnyRu> (дата обращения: 18.06.2020).

³⁴ О патриотизме. Полная версия комментария для телеканала “Санкт-Петербург” // Екатерина Шульман : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o6--TIRliGE> (дата обращения: 11.06.2020).

³⁵ Там же.

³⁶ Екатерина Шульман // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/channel-/UCL1rJ0R0Iw9V1qFeIN0ZTZQ> (дата обращения: 18.06.2020).

³⁷ О патриотизме. Полная версия комментария для телеканала “Санкт-Петербург” // Екатерина Шульман : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o6--TIRliGE> (дата обращения: 11.06.2020).

нии упор делается на плохо осознаваемые или неосознаваемые мотивы, на которых спекулирует государство: страх перед внешним врагом, имперские амбиции, исторические обиды и т. д. Подчёркивается, что патриотизм инспирируется там и тогда, где и когда это нужно государственной бюрократии. В результате, как отмечает один из блогеров либерального направления Л. Шевцова, «сегодня Украина вместе с Америкой и Европой выступают в качестве основных врагов России. Но не все готовы сказать: “Это ложь!”. Ведь тогда перестанешь быть патриотом и получишь массу неприятностей. Липкий страх – это наша среда обитания. Комфортнее жить в конформизме и сладкой дремоте. А настоящих смелых не так много»³⁸.

К третьей группе блогеров оказались отнесены *блогеры направления, которое эксперты охарактеризовали как «левое», или социалистическое*. Главной чертой данного дискурса выступает использование патриотической темы для делигитимации власти. Её действия рассматриваются как непатриотичные, направленные против национальных интересов.

Ярким примером являются речи российского журналиста и публициста К. В. Сёмина. Проводя в каждом интервью параллели между нынешней и советской властью, блогер подчёркивает, что проявление патриотизма неразрывно связано с человеческим осознанием того, что нужно защищать (К. Сёмин. Патриотизм слился в унитаз Ельцин-центра³⁹; К. Сёмин: Буржуазный патриотизм⁴⁰; К. Сёмин: Укрепление «патриотизма»⁴¹; К. Сёмин о значении слова Родина⁴²; К. Сёмин – очень сильная речь на собрании Изборского клуба⁴³ и т. д.). И если в СССР люди имели чёткое представление о том, ради чего им стоит воевать, то сейчас, при нынешнем несправедливом общественном устройстве, данный феномен просто не имеет права на существование: «куда делся патриотизм? Он спущен в унитаз Ельцин-центра ... Нет общественной собственности и равенства – нет патриотизма...»⁴⁴.

³⁸ Лилия Шевцова: “Терпение Европы в отношении России поражает” // Новые известия : [сайт]. URL: <https://newizv.ru/article/general/28-04-2018/liliya-shevtsova-terpenie-evropy-v-otnoshenii-rossii-porazhaet> (дата обращения: 09.06.2020).

³⁹ Патриотизм слился в унитаз Ельцин центра. 11.10.17 // YouTube : [сайт]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_CVUyALVYIQ (дата обращения: 11.06.2020).

⁴⁰ Буржуазный патриотизм // YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lzh9BcaN9ug> (дата обращения 11.06.2020).

⁴¹ Укрепление «патриотизма» 2017 // YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uJJA1UqhFME> (дата обращения 11.06.2020).

⁴² Константин Сёмин о значении слова Родина // Евгений Белобров : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4gDEFORjqPs> (дата обращения 12.06.2020).

⁴³ Константин Сёмин – очень сильная речь на собрании Изборского клуба // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QFGlOs-v8ss> (дата обращения: 12.06.2020).

⁴⁴ Патриотизм слился в унитаз Ельцин центра. 11.10.17 // YouTube : [сайт]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_CVUyALVYIQ (дата обращения: 11.06.2020).

Количество подписчиков на ютуб-канале К. В. Сёмина составляет 259 593 человек⁴⁵, а изученные нами ролики набирают от 8 до 846 лайков и от 1 до 17 дизлайков. Комментарии носят одобрительный характер: «Как всегда в точку!», «Константин прав!», «Какой же он умный чел! Подписываюсь под каждым словом!»⁴⁶.

Похожие настроения по отношению к действующей власти и патриотизму прослеживаются также и у российского социолога Б. Ю. Кагарлицкого. Обвиняя действующую власть в продолжении «ельцинской» политики развала страны («люди думали, что Путин защищает их от либералов ... но на самом деле Путин защищал либералов... от нас...»⁴⁷), левый публицист видит патриотизм в сплочении усилий граждан для изменения существующей политической системы, сменяемости власти и внутривластного курса страны (Борис Кагарлицкий: Кургиян, Майдан и пенсии⁴⁸; Борис Кагарлицкий: Россия взрывается⁴⁹; Борис Кагарлицкий: Разочарование в Путине⁵⁰; Борис Кагарлицкий: система не работает⁵¹ и др.).

Количество лайков данных роликов варьируется от 9 до 4,7 тыс., а максимальное число дизлайков достигает 155 шт. В комментариях активно поддерживается авторская точка зрения: «Прям в точку попал. Это чувство от полной поддержки президента до полной ненависти к нему ощущаю сам лично», «Давайте уже хоть сейчас раскачивать и опрокидывать эту поганую лодку, плывущую в ядерный "рай"...», «Путин – это ставленник Ельцина и олигархов!!!»⁵².

О непатриотичности и делегитимации действующей власти говорит и Н. Н. Платошкин. Чтобы подчеркнуть непатриотизм нынешней власти, он постоянно сравнивает её с советской: «Государство – это везде инструмент насилия и подавления... Но вспомните, какие у вас в СССР были налоги? И какие у вас сейчас налоги? Какой у вас тогда был пенсионный возраст и ка-

⁴⁵ Константин Сёмин – очень сильная речь на собрании Изборского клуба // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QFGl0s-v8ss> (дата обращения: 12.06.2020).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Борис Кагарлицкий: Разочарование в Путине // Рабкор : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=USirtMLwWeg> (дата обращения: 12.06.2020).

⁴⁸ Борис Кагарлицкий: Кургиян, Майдан и пенсии // Рабкор : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gVVsogPKozw> (дата обращения: 12.06.2020).

⁴⁹ Борис Кагарлицкий: Россия взрывается. // Рабкор : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_J2Kr10Qnxl (дата обращения 12.06.2020).

⁵⁰ Борис Кагарлицкий: Разочарование в Путине // Рабкор : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=USirtMLwWeg> (дата обращения: 12.06.2020).

⁵¹ Борис Кагарлицкий: система не работает // Искра : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DWqYag4ElDQ> (дата обращения: 12.06.2020).

⁵² Борис Кагарлицкий: Разочарование в Путине // Рабкор : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=USirtMLwWeg> (дата обращения: 12.06.2020).

кой ... сейчас?»⁵³. Для текстов Н. Н. Платошкина также характерна критика российских властей через призму несоответствия их действий патриотическим ценностям (Платошкин: Путин ура патриот...⁵⁴; Платошкин Николай: «Чего тут финтить»⁵⁵; Николай Платошкин о КНДР, встрече Путина с Кимом и ядерном оружии⁵⁶; Выступление Платошкина⁵⁷ и т. д.).

На личном ютуб-канале у Н. Н. Платошкина насчитывается 134 593 подписчика, а количество лайков просмотренных роликов варьируется от 61 до 7,8 тыс. Максимальное количество дизлайков составляет 238 шт⁵⁸. Тем не менее комментарии пользователей носят весьма противоречивый характер: от «Молодец Н. Н. – истину глаголет», «Платошкин зажёг, все чётко и по делу!», «Николай Николаевич, огромное спасибо за правду!»⁵⁹ до «Платошкин враг нашего суверенитета!» и «... "спящий" враг ... цепной пёс госдепа США ... он хорошо тренирован»⁶⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование продемонстрировало уверенную концептуализацию дискурсов «новых медиа» идеологическими рамками. Всё кажущееся многообразие и плюрализм высказываемых суждений как самих блогеров, так и комментаторов их текстов вполне типологизируется рамками традиционных политических идеологий. Причём нашим экспертам для этого хватило всего трёх таких идеологических конструктов – консервативного, либерального и социалистического. Таким образом, информационное пространство «новых медиа» достаточно жёстко структурировано традиционными идеологическими системами, сводящими смыслы дискурсов к нескольким вполне ограниченным трендам.

Судя по результатам исследования, официальный дискурс широко, хотя и в неявном виде, представлен в «новых медиа». Это проиллюстрировано

⁵³ «Чего тут финтить» // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cWR2G-C19qc> (дата обращения: 12.06.2020).

⁵⁴ Платошкин: Путин ура патриот... // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Dd3qFd9jC5s> (дата обращения: 12.06.2019).

⁵⁵ Платошкин Николай: «Чего тут финтить» // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cWR2G-C19qc> (дата обращения: 12.06.2020).

⁵⁶ Николай Платошкин о КНДР, встрече Путина с Кимом и ядерном оружии // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c0HHSEwi4kM> (дата обращения 12.06.2020).

⁵⁷ Выступление Платошкина // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vy7KuEdAgeM> (дата обращения: 13.06.2020).

⁵⁸ Николай Платошкин // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCDqwBnBsFWxJf0AB5bE2Kvw/featured> (дата обращения: 19.06.2020).

⁵⁹ «Чего тут финтить» // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cWR2G-C19qc> (дата обращения: 12.06.2020).

⁶⁰ Платошкин: Путин ура патриот... // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Dd3qFd9jC5s> (дата обращения: 12.06.2019).

на примере концепта патриотизма. И официальный дискурс, и «новые медиа», трактуемые как национал-консерватизм, рассматривают патриотизм как чувство, основанное на неполитической эмоциональной привязанности в виде «любви к Родине». Это позволяет, используя идею противостояния «общему врагу», добиваться в нынешнем социально расколотом обществе относительной общенациональной консолидации и способствовать легитимации власти. В то же время «новые медиа» либеральной и социалистической направленности используют концепт патриотизма в противоположных целях – для делигитимации власти.

Предлагая аудитории идеологически фреймированные интерпретации социальных отношений, «новые медиа» становятся важнейшим субъектом создания дискурсивных конструкций, формирующих паттерны мировоззренческих и политических идентичностей. Это предполагает, что по мере продолжения виртуализации сферы политической жизни мировоззренческие и идеологические противостояния будут перемещаться в социальные сети, а конфликты, альянсы, союзы между блогерами станут замещать реальные политические процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В. Современный российский патриотизм как маркер гражданской идентичности личности и общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 215–221.
2. Ахременко А. С. Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91.
3. Беспалова Т. В., Костюченко О. В. Политические сети в системе государственного управления: основные концептуальные подходы // Философия права. 2012. № 3. С. 40–44.
4. Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты : аналитический доклад [Электронный ресурс]. URL: <http://emsu.ru/extra/pdf5s/lobbyist/2012/6/44.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Зеленко Б. И., Шиманская Э. И. О политическом смысле в социальных сетях (интенциональный контекст) // Власть. 2018. Т. 6. № 8. С. 74–78.
6. Косов Г. В., Потапов В. А., Ширяев В. А. Политические сети: специфика современной архитектоники // Власть. 2013. № 10. С. 64–69.
7. Куньшиков С. В., Строганов В. Б. Трансформация специфики политического манипулирования в «новых медиа» // Вопросы управления. 2018. № 6. С. 7–12.
8. Курочкин А. В. Теория политических сетей: предпосылки становления и место в современной политической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8-3. С. 117–120.

9. Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования / пер. с англ. М. Назарова. М.: АВАНТИ ПЛЮС, 2004. С. 139–147.
10. Мирошниченко И. В., Морозова Е. В. “Инвесторы политического капитала”: социальные сети в политическом пространстве региона // Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 60–76.
11. Носовец С. Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4. С. 39–47.
12. Радина Н. К. Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 115–129.
13. Сморгунев Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 103–112.
14. Тихонова С. В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138–152.
15. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 47–97.
16. Bisbee J., Larson J. M. Testing Social Science Network Theories with Online Network Data: An Evaluation of External Validity // American Political Science Review. 2017. Vol. 111. No. 3. P. 502–521. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055417000120>
17. Börzel T. Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance (Book Review) // Journal of European Public Policy. 1998. Vol. 5. № 2. P. 354–359.
18. Pooley J. James W. Carey and Communication Research: Reputation at the University's Margins. New York: Peter Lang Publishing Inc., 2016. 230 p. DOI: 10.33767/osf.io/npkb5
19. Rheingold H. Smart Mobs: The Next Social Revolution. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2002. 288 p.
20. Rhodes R. A. W., Marsh D. Policy Networks in British Government. Oxford: Clarendon Press, 1992. 295 p.
21. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // Social Media + Society. 2015. Vol. 1. № 2. P. 1–14. DOI: 10.1177/2056305115610140
22. Tufekci Z., Wilson C. Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations from Tahrir Square // Journal of Communication. 2012. Vol. 62. № 2. P. 363–379. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2012.01629.x
23. Van Dijk T. Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. № 17 (2). P. 359–383. DOI: 10.1177/0957926506060250

REFERENCES

1. Abramov A. V. [Modern Russian patriotism as a marker of civic identity and society]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2014, no. 3, pp. 215–221.
2. Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. [Network vs message in protest diffusion on social media: theoretical and data analytics perspectives]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2020, no. 2, pp. 73–91.
3. Bespalova T. V., Kostyuchenko O. V. [Political chain in public administration system: major conceptual approaches]. In: *Filosofiya prava* [Philosophy of law], 2012, no. 3, pp. 40–44.
4. Volkov D. *Protestnoe dvizhenie v Rossii v kontse 2011–2012 gg.: istoki, dinamika, rezul'taty* [Protest movement in Russia at the end of 2011–2012: origins, dynamics, results]. Available at: <http://emsu.ru/extra/pdf5s/lobbyist/2012/6/44.pdf> (accessed: 20.05.2021).
5. Zelenko B. I., Shimanskaya E. I. [On political sense in social networks (intentional context)]. In: *Vlast'* [The Authority], 2018, vol. 6, no. 8, pp. 74–78.
6. Kosov G. V., Potapov V. A., Shiryayev V. A. [Political Networks: Specific Characters of the Modern Architectonics]. In: *Vlast'* [The Authority], 2013, no. 10, pp. 64–69.
7. Kunshchikov S. V., Stroganov V. B. [Transformation of the specifics of political manipulation in the "new media"]. In: *Voprosy upravleniya* [Management issues], 2018, no. 6, pp. 7–12.
8. Kurochkin A. V. [Political networks theory: formation preconditions and place in modern political science]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: voprosy` teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2011, no. 8-3, pp. 117–120.
9. Lazarsfeld P., Merton R. [Mass Communication, popular taste and organized social action]. In: Nazarov M., transl. *Massovaya kommunikatsiya v sovremenom mire: metodologiya analiza i praktika issledovaniya* [Mass communication in the modern world: analysis methodology and research practice]. Moscow, AVANTI PLYUS Publ., 2004. 233 p.
10. Miroshnichenko I. V., Morozova E. V. [Investors of political capital: social nets in the political space of a region]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2009, no. 2, pp. 60–76.
11. Nosovets S. G. [New media: defining the notion]. In: *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Research], 2016, no. 4, pp. 39–47.
12. Radina N. K. [Digital political mobilization of online commenters on publications about politics and international relations]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2018, no. 2, pp. 115–129.
13. Smorgunov L. V. [The network approach to policy making and governance]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2001, no. 3, pp. 103–112.

14. Tikhonova S. V. [Social networks: problems of internet socialization]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2016, no. 3, pp. 138–152.
15. Foucault M. [The discourse on language]. In: Tabachnikova S., transl. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [Will to the truth: on the other side of knowledge, power and sexuality]. Moscow, Kastal' Publ., pp. 47–97.
16. Bisbee J., Larson J. M. Testing Social Science Network Theories with Online Network Data: An Evaluation of External Validity. In: *American Political Science Review*, 2017, vol. 111, no. 3, pp. 502–521. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055417000120>
17. Börzel T. Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance (Book Review). In: *Journal of European Public Policy*, 1998, vol. 5, no. 2, pp. 354–359.
18. Pooley J., James W. Carey and Communication Research: Reputation at the University's Margins. New York, Peter Lang Publishing Inc., 2016. 234 p. DOI: [10.33767/osf.io/npkb5](https://doi.org/10.33767/osf.io/npkb5)
19. Rheingold H. Smart Mobs: The Next Social Revolution. Cambridge, MA, Perseus Publishing, 2002. 288 p.
20. Rhodes R. A. W., Marsh D. Policy Networks in British Government. Oxford, Clarendon Press, 1992. 312 p.
21. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. In: *Social Media + Society*, 2015, vol. 1, no. 2, pp. 1–14. DOI: [10.1177/2056305115610140](https://doi.org/10.1177/2056305115610140)
22. Tufekci Z., Wilson C. Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations from Tahrir Square. In: *Journal of Communication*, 2012, vol. 62, no. 2, pp. 363–379. DOI: [10.1111/j.1460-2466.2012.01629.x](https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01629.x)
23. Van Dijk T. Discourse and manipulation. In: *Discourse & Society*, 2006, no. 17 (2), pp. 359–383. DOI: [10.1177/0957926506060250](https://doi.org/10.1177/0957926506060250)

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.05.2021

Статья размещена на сайте: 31.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мартынов Михаил Юрьевич – доктор политических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин Сургутского государственного университета; e-mail: martynov.mu@gmail.com

Габеркорн Алёна Игоревна – ассистент кафедры политико-правовых дисциплин Сургутского государственного университета; e-mail: gab_alena@mail.ru

Mikhail Yu. Martynov – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of Political and Legal Disciplines, Surgut State University; e-mail: martinov.mu@gmail.com

Alena I. Gaberkorn – Assistant Lecturer, Department of Political and Legal Disciplines, Surgut State University; e-mail: gab_alena@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И. Патриотический дискурс в идеологических трендах «новых медиа» в современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Martynov M. Yu., Gabernkorn A. I. Patriotic discourse in “new media” ideological trends in modern Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32.019.51

Прокудин Б. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

«МАНИФЕСТ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ КРИТИКИ»: ПОЛЕМИКА Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА И А. А. ГРИГОРЬЕВА ВОКРУГ «СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ» С. Т. АКСАКОВА

АННОТАЦИЯ

Цель. Реконструировать социально-политическое содержание полемики Н. П. Гилярова-Платонова и А. А. Григорьева по поводу «Семейной хроники» С. Т. Аксакова.

Процедура и методы. Реконструкция полемики произведена при помощи метода политической текстологии.

Результаты. По мнению современников, обширная рецензия Н. П. Гилярова-Платонова на «Семейную хронику» С. Т. Аксакова, вышедшую в 1856 г., содержала манифест славянофильской критики. Гиляров-Платонов показал выдающееся значение книги Аксакова как первого в «новой истории» России произведения «положительной» литературы, преодолевшего «порочное наследие» петровского «переворота» в литературе. Наиболее содержательной критике этот подход подвергся со стороны А. А. Григорьева – человека, близкого к славянофильству.

Теоретическая значимость. Анализ основных различий «положительной» и «отрицательной» литературы, как их понимали Гиляров-Платонов и Григорьев, даёт возможность лучше понять разницу политических взглядов, казалось бы, мировоззренчески очень близких консервативных мыслителей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

славянофильство, Н. П. Гиляров-Платонов, «Семейная хроника», С. Т. Аксаков, А. А. Григорьев, почвенничество

СТРУКТУРА

Введение

Н. П. Гиляров-Платонов о предназначении искусства и «Семейной хронике»

Манифест славянофильской критики

Вся русская литература «у подножья» «Семейной хроники»

Заключение

B. Prokudin*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

“THE MANIFESTO OF SLAVOPHILE CRITICISM”: CONTROVERSY BETWEEN NIKITA GILYAROV-PLATONOV AND APOLLON GRIGORIEV ABOUT SERGEI AKSAKOV’S NOVEL “FAMILY CHRONICLE”

ABSTRACT

Aim. To reconstruct the socio-political content of N. P. Gilyarov-Platonov and A. A. Grigoriev debate about S. T. Aksakov's "Family Chronicle".

Methodology. Reconstruction of the polemic was carried out through the method of political textology.

Results. According to contemporaries, N. P. Gilyarov-Platonov's extensive review of S. T. Aksakov's "Family Chronicle", published in 1856, contained a manifesto of Slavophile criticism. Gilyarov-Platonov showed the outstanding value of Aksakov's book as the first work of "positive" literature in the "modern history" of Russia, overcoming the "vicious legacy" of Peter the Great's "revolution" in literature. The most substantive criticism of this approach was from A.A. Grigoriev, who was close to Slavophilism.

Research implications. An analysis of the main differences between "positive" and "negative" literature, as Gilyarov-Platonov and Grigoriev understood them, makes it possible to better understand the difference in political views of these conservative thinkers who seem very close in their world outlook.

KEYWORDS

slavophilism, Nikita Gilyarov-Platonov, "Family Chronicle", Sergey Aksakov, Apollon Grigoriev, pochvennichestvo

ВВЕДЕНИЕ

В 1856 г. была напечатана отдельным изданием «Семейная хроника» (вместе с «Воспоминаниями») С. Т. Аксакова, и появление её стало большим событием в русской литературе. Успех книги Аксакова был необычайным. «Как бы ни были велики мои надежды на успех моей книги – действительность превзошла всякие самолюбивые ожидания, – писал 2 февраля 1856 г. Аксаков своему сыну Ивану. – Я начинаю бояться, что сам увлекусь этим потоком искренних восторгов»¹. Обстоятельство, что такое необычайное произведение представил литературный «патриарх», талант которого раскрылся, когда ему перевалило за шестьдесят, придавало особый «шарм» «Семейной хронике» в литературных салонах [7, с. 358; 9, с. 316–318].

Признание книги Аксакова оказалось таким несомненным фактом, что современники стали сравнивать его с успехами Пушкина и Гоголя. В письме к Вацлаву Ганке историк А. Ф. Гильфердинг писал: «Со времен Пушкина ни одна книга не имела у нас такого успеха, никто не писал таким русским языком, как этот 65-летний старик, недавно выступивший у нас в литературе. Его "Хроника", кроме красоты изложения и красоты характеров, имеет ещё великое значение – совершенной истины»². «Издание "Хроники" встречено было с таким восторгом, – вспоминал два года спустя уже с некоторой иронией Н. А. Добролюбов, – какого, говорят, не бывало со

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Том третий и последний. Письма 1851–1860 годов. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1892. С. 237.

² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / изд. В. А. Францев. Варшава: Тип. Варшавского Учебного Округа, 1905. С. 214.

времени появления “Мёртвых душ”. Все журналы наполнились статьями о С. Т. Аксакове»³.

Все заметные отзывы на «Семейную хронику», появившиеся в год её публикации, были «положительными», спокойными и похожими друг на друга. Критики были представителями совершенно разных социально-политических и эстетических направлений, но все признавали, что Аксаков написал книгу о XVIII в. с явным сочувствием старине и действительность не «лакировал» – получилось правдиво и поучительно.

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ИСКУССТВА И «СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКЕ»

Наиболее развёрнутым откликом на «Семейную хронику» можно назвать рецензию публициста, историка философии и богослова Н. П. Гилярова-Платонова в первой «книге» только что созданного журнала славянофильской ориентации – «Русская беседа». Как отмечал Б. Ф. Егоров, познакомивший широкую читательскую аудиторию с наследием Гилярова-Платонова в наши дни [6, с. 128–130, 137, 196–198]⁴ и сделавший попытку охарактеризовать его эстетические взгляды, «чистой» литературной критикой публицист занимался только в начале своей журналистской деятельности, в 1850-х гг.; и в обширном наследии Гилярова-Платонова литературная критика занимает весьма скромное место, но именно в статье-рецензии, посвящённой «Семейной хронике», ему удалось сформулировать свою эстетическую концепцию [11, с. 36–37].

Однако необходимо сказать, что фигура Гилярова-Платонова несколько выделяется в кругу славянофилов. С одной стороны, он пользовался большим уважением А. С. Хомякова, И. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, дружил с ними, печатался в славянофильских изданиях, с другой – всё же оставался чуждым московскому кружку и сам это с грустью признавал. П. А. Флоренский в очерке «Около Хомякова» высказывал предположение, что причину этой «чуждости» нужно искать не в «расхождении взглядов», но «в чём-то органическом», члены кружка славянофилов состояли между собой в родстве – близком и отдалённом, – и семейная «замкнутость» кружка не давала Н. П. Гилярову-Платонову естественно вписаться в него [14, с. 278–337].

Но была и другая причина «органической» чуждости – славянофилы были дворянами и помещиками, а Гиляров-Платонов происходил из семьи священника. Он окончил духовную семинарию, потом – Московскую духовную академию, где, защитив магистерскую диссертацию, остался преподавать. Однако в 1855 г. Гилярова-Платонова отправили в отставку, так как ми-

³ Добролюбов Н. А. Разные сочинения С. Аксакова // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. Статьи и рецензии январь-июнь 1859. М., Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 168.

⁴ Сейчас биография и наследие Гилярова-Платонова активно изучаются. См., напр.: [3; 5; 11].

трополит Московский Филарет (Дроздов) увидел в лекциях молодого преподавателя вольномыслие и симпатию к старообрядчеству. Гиляров-Платонов покинул Академию и вышел из духовного звания. В дальнейшем он работал цензором Московского цензурного комитета, был управляющим Московской Синодальной типографии, издавал газету «Современные известия», публиковал статьи по общественно-политическим, педагогическим, философским и богословским вопросам.

Политические взгляды Гилярова-Платонова на протяжении жизни значительно не менялись. Как и другие славянофилы, он был убеждённым сторонником самодержавия, критиковал нигилизм и радикализм, при этом приветствовал реформы Александра II и сочувствовал либеральному духу преобразований. Но, как пишет Б. Ф. Межуев, «по мере усиления нигилистических настроений в русском обществе и ослабления охранительных начал, мировоззрение Гилярова начинает приобретать ярко выраженную консервативную направленность» [10, с. 38]. Своё политическое мировоззрение он определял следующим образом: «Не личные выгоды, не материальная корысть связуют единицы в органическое целое, а духовное единство, воспитываемое историей, хранимое преданиями, верой, обычаями, языком, тысячекратными основаниями политического, экономического устройства. Но дух есть свобода. Отсюда всевозможный личный простор в духовной области, со сдерживающей уздой против материального своекорыстия в экономической; сохранение и поощрение коллективных исторических единиц и воздержание от созидания новых по отвлечённой теории каких бы то ни было доктрин; и всегдашняя поддержка общественным желаниям против личных возмущений внутри, против личного нажима снаружи»⁵.

Статью о «Семейной хронике» Н. П. Гиляров-Платонов начал с теоретической части, где высказал свой взгляд на предназначение искусства, подчёркивая первичность «духовного начала», которое лишь «обнаруживается» во внешнем мире. «В основе искусства лежит художественное понимание истины, – писал он, – но она скорее должна быть понимаема как нормальность жизни, как правда, как чистота, как просвещение, словом, ... как свободное подчинение жизни высшим, общим для всего человечества духовным началам»⁶. Здесь Гиляров-Платонов, несомненно, выступал против постулатов эстетической программы материалиста Чернышевского. Годом раньше, в 1855 г., была издана диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности», где Чернышевский, отрицая «духовное начало», утверждал, что «истинное» искусство должно воспроизводить материальную дей-

⁵ Цит. по: Шаховской Н. В. Никита Петрович Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений: в 2 т. Т. 1. Издание К. П. Победоносцева. М.: Синодальная типография, 1899. С. XLII–XLIII.

⁶ Гиляров-Платонов Н. П. Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа. 1856. Ч. I. Кн. 1. Критика. С. 8–9.

ствительность, объяснять её и выносить действительности «приговор», т. е. обличать «общественные язвы».

С точки зрения Гилярова-Платонова, именно Аксакову в «Семейной хронике» удалось «художественно примирить высшие духовные начала с осмеянными, оплётанными, презренными формами жизни»⁷. Основной заслугой Аксакова Гиляров-Платонов видел беспристрастность в изображении героев и событий. Аксаков показывает не только положительные черты своих персонажей, но и отрицательные, не сглаживает жестокости времени, но тактично изображает события такими, какими они могли быть в жизни, не «оскорбляя прошлого». Т. е., по мнению Гилярова-Платонова, прямому обличению «общественных язв» Аксаков в «Семейной хронике» противопоставляет «нравственный суд». Не «бичует пороки», а воспитывает своего читателя на положительных примерах «и пробуждает только чистые помыслы, вызывает давно погасшие возвышенные чувства»⁸. Кроме того, критик раскрывал «народность сочинения» на основе «особого художественного воззрения автора и богатых источников его языка» [1, с. 101–106].

Идею Гилярова-Платонова поддержал позже А. С. Хомяков: «Об С. Т. Аксакове сказано в Р. Беседе (в “Русской беседе”. – Б. П.), что он первый из наших литераторов взглянул на нашу жизнь с положительной, а не с отрицательной точки зрения, – писал он. – Это правда, да иначе оно и быть не могло. Жизнь развитого человека сопровождается беспрестанным отрицанием; но жизнь коренится и растёт не в отрицании, начале относительном и бесплодном, а в началах положительных – благоволения и любви. Творения Сергея Тимофеевича – это сама жизнь, рассказывающая про себя»⁹.

Интересно, что изначально статья Гилярова-Платонова о «Семейной хронике» должна была быть напечатана в журнале «Русский вестник», редактировать который в 1856 г. начал М. Н. Катков, приглашавший Аксакова и двух его сыновей, славянофилов Константина и Ивана, «участвовать в журнале». Однако их сотрудничество прекратилось, так и не начавшись. 1 марта 1856 г. С. Т. Аксаков извещал сына Ивана, что не будет иметь дела с «Русским вестником», поскольку Катков отказался принять к публикации статью Гилярова-Платонова о «Семейной хронике»: «Статья Гилярова о моей книге не принята в “Русский вестник”: ибо содержит в себе резкие славянофильские убеждения... – писал Аксаков. – Итак, Катков выведен на свежую воду, и наши имена должны быть исключены из числа участников»¹⁰.

⁷ Гиляров-Платонов Н. П. Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа. 1856. Ч. I. Кн. 1. Критика. С. 20.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Хомяков А. С. Сергей Тимофеевич Аксаков // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в VIII т. Т. III. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. С. 375.

¹⁰ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой / сост., подгот. текста, прим. Т. Ф. Прокопова. Т. II. М.: Рус. книга, 2004. С. 448.

Нужно сказать, что обширная статья Гилярова-Платонова не просто содержит «резкие славянофильские убеждения», она походит на программный документ нового литературного направления, содержащий, кроме разбора «Семейной хроники», обзор отечественной словесности с точки зрения её национальных особенностей. Эту статью можно назвать «манифестом славянофильской критики».

МАНИФЕСТ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ КРИТИКИ

Прежде всего к истории русской литературы Н. П. Гиляров-Платонов применил базовую славянофильскую установку – отрицание «общечеловеческой цивилизации» и утверждение собственного пути развития для России. Он пишет, что «наша изящная литература явилась у нас вместе с западной цивилизацией, после великого петровского переворота ... Это происхождение её должно было решить характер её будущего художественного воззрения»¹¹. Идеалом молодой русской литературы, таким образом, стала «цивилизация» в значении «человечности, просвещения, общечеловеческого интереса». Однако сама русская действительность того времени давала очень мало материала для выражения этого идеала. «Оглядевшись окрест», русские авторы нашли в действительности нечто противоположное цивилизации. Перед ними в основном были «нравственные уроды, грубые чурбаны, лишённые общечеловеческих чувств, без необходимого человеческого просвещения». «Может быть, – пишет Гиляров-Платонов, – если бы литература посмотрела на действительность через другую оптику, она бы нашла в этих диких зверях, и в этих бессмысленных чурбанах развитие высших духовных интересов». Но установка на «отвлечённый» поиск цивилизации не давала возможности более широкого взгляда на русскую повседневность.

Н. П. Гиляров-Платонов называет поиск цивилизации «отвлечённым», потому что «западное образование для жизни и для искусства было ещё только предметом стремлений; оно не проникло в жизнь, существовало ещё только, как отвлечённая сентенция». В результате поиск западного просвещения в русской жизни тогда оказался ошибкой, потому что «западная цивилизация, – по мнению Гилярова-Платонова, – хотя и заключала в себе, в глубине своей, истину, интерес высший, общечеловеческий, но сама по себе она не была ни истиною, ни чем-либо общечеловеческим»¹². Это были черты «иноземного быта», выработанные на другой почве, в другое время, которые совершенно не могли быть применены у нас в силу объективных причин. Вставая на позиции славянофильства, Гиляров-Платонов признавал «вну-

¹¹ Гиляров-Платонов Н. П. Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа. 1856. Ч. I. Кн. 1. Критика. С. 10.

¹² Там же. С. 11.

треннюю истину» западного просвещения, но в то же время был убеждён в его несомненной «лжи» для России.

Столь специфический генезис русской литературы, по мысли публициста, стал причиной того, что искусство в России развивалось с самого начала в «безобразном раздвоении». Всё, что создавала фантазия художника «под влиянием отрицательного воззрения на жизнь» (т. е. вся критика «проклятой» российской действительности), получалось «живо, художественно, пластично». Всё прочее оставалось не живо, не художественно, искусственно. «Отрицательным», по мнению Гилярова-Платонова, был характер русской литературы всего XVIII столетия, в которой «правила сатира и комедия». На смену им пришёл «отвлечённо-мрачный романтизм». Потом явился первый «народный» поэт, А. С. Пушкин, но и ему лучше всего удавалось изобразить «пошлость» русской жизни, за которой не чувствовалось «нравственного суда» и не было видно положительного героя. Лучше всего Пушкин рисовал «апатию, безучастие к жизни». В этом отношении верным его учеником оказался М. Ю. Лермонтов. Следующий национальный гений, Н. В. Гоголь, тоже более всего преуспел в изображении отрицательных типов. Гиляров-Платонов признаёт, что некоторые проблески «положительного воззрения» у Пушкина и Гоголя, несомненно, были: «Капитанская дочка», некоторые места «Мёртвых душ», «Старосветские помещики» [12]... «Но Боже мой, что же это за ничтожная капля в море? Что значит эта малочисленная группа перед Онегиным, Нулиным, Загорецким, Фамусовым с братию, Печориным, Чичиковым, Маниловым и всею многочисленную ватагою пошлости? Не должны ли мы сознаться, – заключает Гиляров-Платонов, – что искусство наше ограничивалось доселе одним отрицанием»¹³.

Переломным моментом во всей истории русской литературы, по Гилярову-Платонову, стало появление «Семейной хроники» Аксакова, в которой он увидел «отрешение искусства от прежней отрицательности, отвлечённости, условности воззрения». По его мнению, это первое произведение в русской литературе с конца XVIII в., в котором автор предпринял попытку «в каждом явлении отыскать светлую сторону». «Его юмор добродушен, – пишет об Аксакове Гиляров-Платонов, – его негодование никогда не переходит в эгоистическое презрение или в мёртвое безучастие; в нём нет невольного у других желания покрепче выставить и тщательнее выделывать попадающую под руки пошлость»¹⁴. Вместо пошлости «в этой книге слышите вы столько художественно воспроизведённой правды, столько нравственной чистоты, столько ... сочувствия к доброму, что не обинуясь мы поставили бы её в число первых книг к нравственному воспитанию юношества»¹⁵.

¹³ Гиляров-Платонов Н. П. Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа. 1856. Ч. I. Кн. 1. Критика. С. 16–17.

¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁵ Там же. С. 29.

Таким образом, пользуясь славянофильской методологией, Гиляров-Платонов показал выдающееся значение книги Аксакова как первого произведения, которое преодолело порочное наследие петровского «переворота» в литературе, заставлявшего видеть в российской действительности исключительно отсталость и варварство. Чернышевский, откликнувшись на статью Гилярова-Платонова, выразил сомнение, что произведение Аксакова открывает новую «эпоху» «положительной» литературы: «Это слишком очевидное преувеличение объясняется, пожалуй, даже извиняется, духом *партии*», – написал он¹⁶.

Как отмечает ведущий исследователь Гилярова-Платонова А. П. Дмитриев, похожая претензия была высказана по отношению к рецензии на «Семейную хронику» и со стороны надзирающих за печатью чиновников: «В отчёте о первой книге “Русской беседы”, составленном чиновником особых поручений Н. В. Родзенко, Гиляров-Платонов выдвигался главным представителем славянофильского направления, суждения которого высказываются с “резким, неосторожным убеждением, хоть, м<ожет> б<ыть>, и справедливым, но выраженным укорительно и поносительно”» [4, с. 166].

Но, пожалуй, наиболее «резкие славянофильские убеждения» Гилярова-Платонова можно увидеть в конце статьи, где, увлечённый положительной интонацией «Семейной хроники», он задаётся вопросом о цене прогресса: «Как посмотришь вперед и посмотришь назад, на быт отходящий и быт возникающий, не знаешь право, о чём жалеть и чему радоваться, что мы приобрели и от чего освободились... Вы говорите с радостью, что взамен простоты и безыскусности жизни вступает к нам образование, точнейшие понятия о внешнем праве, правильнейшее устройство общественных отношений; теперь уже не бьёт какой-нибудь Степан Михайлович свою Арину Васильевну (речь о героях «Семейной хроники». – Б. П.). Так; но кто ж и строит против просвещения? Кто станет теперь защищать, например, грубое самоуправство Степана Михайловича? Мы хотим сказать только, что образование, вступая к нам часто одною своею внешнею стороною, не внося через это в жизнь еще ничего серьёзного, стирает в то же время то доброе, что лежало у нас под старыми грубыми формами; что вместе с распространением усовершенствованных форм общежития, с шарканьем ног и лайковыми перчатками в высшем обществе, и относительно светскостью у крестьянина, входит часто целиком презрение ко всему нашему быту, заглушается в нас внутренняя правда, которою мы были так богаты, изглаживается эта целомудренная чистота, которая служила основанием тогдашних отношений, стирается патриархальная невзыскательность и внутренняя человечность отношения»¹⁷.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Заметки о журналах. Декабрь 1855 и январь 1856 года // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1947. С. 699.

¹⁷ Гиляров-Платонов Н. П. Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа. 1856. Ч. I. Кн. 1. Критика. С. 49–50.

Но Гиляров-Платонов не ограничился исключительно ностальгией по правде и целомудрию «старой Руси». Он увидел в «Семейной хронике» Аксакова вполне актуальный для современности идеал синтеза былой патриархальности и новейшей образованности. По его мнению, одинаково нелепы в своих крайних формах патриархальный порядок воспитания и семейных отношений условного Домостроя, где «унижается человеческая свобода и нравственное достоинство человека», и идеал западной эмансипации, в котором нет места традиционной семье, а люди «живут как животные, не разбившиеся на пары». Золотую середину предложил именно Аксаков. В его «Семейной хронике» и «Воспоминаниях» описание семейных отношений самовластного дедушки Багрова сменяется описанием семьи самого автора, его отца и матери. Представители нового поколения Багровых добавляют, по словам Гилярова-Платонова, к старым порядкам «современных форм общежития». И это сочетание, по его мнению, даёт возможность понять, «к какому совершенству могло бы прийти наше воспитание при правильном и полном слиянии внесённой отвне образованности с коренными нашими началами семейной жизни»¹⁸. Ведь произведения Аксакова автобиографичны, и наглядными примерами успеха этой компромиссной воспитательной модели можно считать и личность самого Сергея Тимофеевича Аксакова, и его знаменитых сыновей-славянофилов, европейски образованных, но относящихся в то же время с бережной любовью к национальным традициям.

ВСЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА «У ПОДНОЖЬЯ» «СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ»

Интересно, что главный вывод Гилярова-Платонова, что «Семейная хроника» Аксакова открыла новую эпоху «положительной литературы» и «преодолела порочное наследие» петровского «переворота» в литературе, подвергся наиболее содержательной критике со стороны А. А. Григорьева – человека, близко знавшего и уважавшего представителей московского славянофильства. В статье 1859 г. «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» он дважды обращался к статье Гилярова-Платонова и иронически писал, что два года назад «один критик» разобрал «Семейную хронику», «повергая к её подножию всю русскую литературу»¹⁹.

Упомянув Гилярова-Платонова, Григорьев, по сути, вступал в полемику с главным «направлением» «Русской беседы» и, в конечном счёте, с литературно-критическими и эстетическими взглядами славянофильства в целом [8, с. 241–242]. Важно сказать, что Григорьев непродолжительное время сам сотрудничал с «Русской беседой», и, получив приглашение «участво-

¹⁸ Гиляров-Платонов Н. П. Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа. 1856. Ч. I. Кн. 1. Критика. С. 55.

¹⁹ Григорьев А. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Григорьев А. А. Искусство и нравственность / вступ. ст., комм. Б. Ф. Егорова. М.: Современник, 1986. С. 92.

вать в журнале» от её редактора А. И. Кошелёва, предупреждал его в письме об отличиях своих взглядов от славянофильских: «Главным образом мы (вероятно, «молодая редакция» «Москвитянина», которая была непосредственной предшественницей почвенничества. – Б.П.) расходимся с вами во взгляде на искусство, которое для вас имеет значение только служебное, для нас совершенно самостоятельное, если хотите – даже высшее, чем наука. Когда я говорю, что главным образом мы в этом расходимся, то говорю не совсем точно, – надо бы сказать: единственно в этом...»²⁰. Следствием такого инакомыслия, по мысли Григорьева, было «*большее*», в отличие от славянофилов, «поклонение Пушкину и *меньшее*... поклонение Гоголю»²¹.

Отношение к Пушкину можно рассматривать в качестве ключа к пониманию литературно-критических взглядов Гилярова-Платонова. В письме М. П. Погодину от сентября 1860 г. Григорьев, автор фразы «Пушкин – наше всё», писал: «Для Гилярова, равно как для тушинцев и равно как для попов, и равно как для славянофилов, – вообще для всех теоретиков, Пушкин – скорее предмет ненависти, чем любви и почтения»²².

«Теоретики» тут – ключевое слово. Григорьев, разработавший метод «органической» критики, отрицавший «теоретическое познание реальности»²³, «тушинцами» называл радикальных критиков журнала «Современник», Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, которые осуждали поэзию Пушкина за отсутствие прагматичности, за то, что красота пушкинской поэзии понятна только образованному сословию и не может принести существенной пользы народу. По Григорьеву, у них отсутствовало чувство прекрасного, как и у представителей «казённого» православия. По словам Б. Ф. Егорова, «“попов”, особенно официальных церковных деятелей, Григорьев очень не любил; он понимал, конечно, что Гиляров – не казённый “поп”, но, враждебно оценивая семинарское образование и воспитание, он и к Гилярову относился более чем прохладно» [11, с. 36–37]. В более раннем письме Погодину, от апреля 1857 г., он характеризовал его следующими словами: «Н. П. Гиляров: огромная учёность по его части, ум смелый, прямой и честный, но воспитанный в семинарских словопрениях, ради *ergo*²⁴ готовый на вся-

²⁰ Григорьев А. А. Материалы для биографии / под ред. Влад. Княжнина. Пг.: Издательство Пушкинского дома при Академии наук, 1917. С. 150.

²¹ Там же. С. 151.

²² Григорьев А. А. 242. М. П. Погодину. Между 17 и 28 сентября 1860. Москва // Аполлон Григорьев. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 234. (Серия: Литературные памятники).

²³ Об основных принципах «органической» критики см.: Григорьев А. А. Парадоксы органической критики (Письма к Ф. М. Достоевскому) // Григорьев А. А. Апология почвенничества / сост., комм. А. В. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 149–184.

²⁴ Ergo – следовательно (лат.).

кий парадокс – и главное, с отсутствием всякого носа, т. е. всякого чувства изящного»²⁵.

Критикуя «манифест славянофильской критики» Гилярова-Платонова, Григорьев приходит к необычному, на первый взгляд, сравнению его с радикалами из «Современника». Для него семинарист Добролюбов и семинарист Гиляров-Платонов – одинаковые гонители прекрасного «по теории». Только если радикалы приносят эстетику, символом которой становится Пушкин, в жертву народной пользе, то консерватор Гиляров-Платонов – в жертву «религиозным началам». Для Гилярова-Платонова Пушкин хоть и был «первым народным поэтом», всё-таки «не покорял в своём поэтическом представлении жизнь её высшей нравственной, тем менее – религиозной истине, не возводил личных проявлений к высшим духовным началам»²⁶.

Однако возникает вопрос: если Пушкина Гиляров-Платонов относил к «отрицательной» литературе, а Аксакова – к «положительной», в которой «истина жизни» находится в согласии «со своим высшим, общим для всего человечества духовным началом», то, помимо «примирительной» авторской интонации, какие черты героев Аксакова, в отличие от пушкинских героев, дают возможность назвать их героями «положительной литературы»? Или иначе: если в литературе до Аксакова «господствовала отрицательная точка зрения на жизнь», что у Аксакова меняет её на «положительную»?

Прежде всего главный герой «Семейной хроники» – «старик» Степан Михайлович Багров – личность сильная, но крайне противоречивая. Его никак нельзя назвать праведником или человеком смиренным и милосердным. Он бывает жесток к слугам, крестьянам, жене и детям, чувствуя свой долг помещика и главы семейства. Он подвержен вспышкам неудержимого гнева, и, зная об этом, домочадцы предпочитают его обманывать, нежели быть с ним откровенными. Религиозным человеком Багрова тоже назвать нельзя. «Ведь надобно было насильственно закрыть себе глаза, – пишет Григорьев, – чтобы не видеть, какую тину каверз, рабства, лжи, сплетен развёл около себя величавый, по душе возвышенный, действительно, и сам по себе поэтический старик Степан Михайлович Багров»²⁷. С этим сложно поспорить. Однако Н. П. Гиляров-Платонов в своём подробном разборе «Семейной хроники» практически не делает критических замечаний по поводу старика Багрова, лишь деликатно ограничивается фиксацией «маленьких пятнышек».

²⁵ Григорьев А. А. 167. М. П. Погодину. Около апреля 1857. Москва // Аполлон Григорьев. Письма / изд. подгот. Р. Витткер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 129. (Серия: Литературные памятники).

²⁶ Гиляров-Платонов Н. П. Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа. 1856. Ч. I. Кн. 1. Критика. С. 14.

²⁷ Григорьев А. А. Искусство и нравственность. Новые Grubeleien по поводу старого вопроса // Григорьев А. А. Искусство и нравственность / вступ. ст., комм. Б. Ф. Егорова. М.: Современник, 1986. С. 274.

Так в чём же, по Н. П. Гилярову-Платонову, его отличие от столь же несовершенных в нравственном плане героев А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова? На проверку оказывается, что оно в большей степени касается их хозяйственной и социальной жизни, чем «духовной». В отличие от «праздных» Онегина и Печорина, «бесхарактерного» Ленского, «жертвы» Акакия Акакиевича, от «бесплодного фразера» Чацкого²⁸ старик Багров – деятель. Возможно, «нравственного чувства» у него больше, чем у Онегина и Печорина, но главное, что Багров – не паразитирующий на своих крестьянах «лишний человек», он занят созидательной деятельностью, направленной на общее благо. Багров перевозит крестьян на плодородные почвы, создаёт патриархальное помещичье хозяйство, которое показывает свою эффективность с точки зрения социально-экономического развития страны [13, с. 225–226]. Благодаря подобным поместьям Россия XVIII – начала XIX вв. развивалась и богатела. Во многом «положительная точка зрения на жизнь» в произведении Аксакова формируется благодаря конструктивной деятельности героя.

Н. П. Гиляров-Платонов был консерватором, а приверженность этой идеологии предполагает признание приоритета интересов целого (государства, общества) над интересами отдельного человека. И этот консервативный принцип он применил к литературе. Интересно, что в этом пункте Гиляров-Платонов вновь сошёлся с радикалами из «Современника». Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов «полезными» признавали те произведения искусства, которые давали повод говорить о социальных проблемах, а задачей «реального критика» видели – «распознать признаки грядущего и рассказать о них прогрессивной публике», чтобы в результате изменить общество к лучшему [2, с. 153]. Гиляров-Платонов и Чернышевский с Добролюбовым считали, что литература должна служить интересам большинства, только эти интересы они понимали по-разному. Гиляров-Платонов, как и ранние славянофилы, считал, что духовные традиции народа, а также религиозные основы социальной и культурной жизни являются гарантом социальной стабильности [10, с. 38–40]. Чернышевский и Добролюбов же считали, что в интересах большинства эти традиции надо разрушать и строить общество на новых основаниях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, анализ основных различий «положительной» и «отрицательной» литературы, как их понимали Н. П. Гиляров-Платонов и А. А. Григорьев, даёт возможность лучше понять разницу их социально-политических взглядов. Оба мыслителя ощущали себя идеологически близкими к славянофильству,

²⁸ См.: Гиляров-Платонов Н. П. Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа. 1856. Ч. I. Кн. 1. Критика. С. 16.

но в силу воспитания и сословного происхождения по-разному понимали общественный идеал и пути его достижения. И почувствовать эту разницу помогают нам их критические статьи, посвящённые литературе, в частности, оценка поведения героев «Семейной хроники» С. Т. Аксакова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобровских Е. В. Значение «народности» в концепции славянофилов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 4. С. 101–106.
2. Вдовин А. В. Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М.: Молодая гвардия, 2017. 298 с.
3. Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова: сборник статей и материалов ко Дню славянской письменности и культуры / под ред. А. А. Алексеева, В. А. Викторовича, Г. С. Прохорова. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2007. 440 с.
4. Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов – автор и цензор «Русской беседы» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского, О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011. С. 158–184.
5. Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов. СПб.: Родник, 2018. 910 с.
6. Егоров Б. Ф. Из истории русской культуры. Т. V (XIX в.). М.: Языки русской культуры, 1996. 848 с.
7. Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. СПб.: Полиграф, 2019. 512 с.
8. Кунильский Д. А. Ап. Григорьев и «Русская беседа»: по поводу «хищных» и «смиранных» типов // Христианское чтение. 2016. № 3. С. 235–256.
9. Лобанов М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков. М.: Молодая гвардия, 1987. 366 с.
10. Межуев Б. Ф. Вл. Соловьев, Н. П. Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» // История философии. 2000. № 6. С. 33–61.
11. Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / под общ. ред. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2013. 941 с.
12. Перевезенцев С. В., Ширинянц А. А. Страницы истории русского «хранительства»: литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 20.04.2021).
13. Прокудин Б. А., Прокудина Д. А. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова как патриархальный идеал крепостного строя и приговор ему: историко-политологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 213–230.
14. Флоренский П. А., свящ. Около Хомякова // Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 278–337.

REFERENCES

1. Bobrovskikh E. V. [The meaning of "nationality" in the concept of the Slavophiles]. In: Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie [Problem analysis and public administration design], 2015, vol. 8, no. 4, pp. 101–106.
2. Vdovin A. V. Dobrolyubov: raznochinets mezhdru dukhom i plot'yu [Dobrolyubov: a commoner between spirit and flesh]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2017. 298 p.
3. Alekseev A. A., Viktorovich V. A., Prokhorov G. S., eds. Vozvrashchenie N. P. Gilyarova-Platonova: sbornik statei i materialov ko Dnyu slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury [Return of N. P. Gilyarov-Platonov: collection of articles and materials for the Day of Slavic Writing and Culture]. Kolomna, Kolomna State Pedagogical Institute Publ., 2007. 440 p.
4. Dmitriev A. P. [N. P. Gilyarov-Platonov – author and censor of "Russkaya beseda"]. In: Egorov B. F., Pentkovskiy A. M., Fetisenko O. L., eds. «Russkaya beseda»: Istoriya slavyanofil'skogo zhurnala: Issledovaniya. Materialy. Postateynaya rospis' ["Russkaya beseda" (Russian conversation): History of the Slavophile magazine: Research. Materials. Articles index]. St. Petersburg, Pushkinskiy dom Publ., 2011, pp. 158–184.
5. Dmitriev A. P. N. P. Gilyarov-Platonov i russkaya literatura 1850–1880-kh godov [N. P. Gilyarov-Platonov and Russian literature of the 1850s–1880s]. St. Petersburg, Rodnik Publ., 2018. 910 p.
6. Egorov B. F. Iz istorii russkoi kul'tury. T. V (XIX v.) [From the history of Russian culture. Vol. V (XIX cent.)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 848 p.
7. Koshelev V. A. Sto let sem'i Aksakovykh [One hundred years of the Aksakov family]. St. Petersburg, Poligraf Publ., 2019. 512 p.
8. Kunil'skiy D. A. [Ap. Grigoriev and "Russian conversation": about the idea of «predatory» and «humble» types]. In: Khristianskoe chtenie [Christian reading], 2016, no. 3, pp. 235–256.
9. Lobanov M. P. Sergei Timofeevich Aksakov [Sergey Timofeevich Aksakov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1987. 366 p.
10. Mezhuiev B. F. [Vl. Soloviev, N. P. Gilyarov-Platonov and the "decomposition of Slavophilism"]. In: Istoriya filosofii [History of philosophy], 2000, no. 6, pp. 33–61.
11. Dmitriev A. P., ed. Nikita Petrovich Gilyarov-Platonov. Issledovaniya. Materialy. Bibliografiya. Retsenzii [Nikita Petrovich Gilyarov-Platonov. Research. Materials. Bibliography. Reviews]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2013. 941 p.
12. Perevezentsev S. V., Shirinyants A. A. [Pages of history of Russian "keeping idea" ("khranitel'stvo"): literature and politics]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal) [Bulletin of Moscow State Regional University (e-journal)], 2016, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 20.04.2021).
13. Prokudin B. A., Prokudina D. A. [The "Family Chronicle" by S. T. Aksakov as the patriarchal ideal of serfdom and its death verdict: historical and political analysis]. In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya.

- Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political science], 2019, no. 52, pp. 213–230.
14. Florenskiy P. A. priest. [Around Khomyakov]. In: Florenskiy P. A. Sochineniya. T. 2 [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, pp. 278–337.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 22.04.2021

Статья размещена на сайте: 12.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прокудин Борис Александрович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: probo@bk.ru

Boris A. Prokudin – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of History of Socio-Political Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: probo@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Прокудин Б. А. «Манифест славянофильской критики»: полемика Н. П. Гилярова-Платонова и А. А. Григорьева вокруг «Семейной хроники» С. Т. Аксакова // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Prokudin B. A. "The manifesto of slavophile criticism": controversy between Nikita Gilyarov-Platonov and Apollon Grigoriev about Sergei Aksakov's novel "Family chronicle". In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 94(470+575) : 323.2

Тальская О. Д.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

ИСТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследование политики Российской империи по стабилизации социально-политической обстановки в Средней Азии.

Процедура и методы. Проведён политико-текстологический анализ трёхтомного труда М. А. Терентьева «История завоевания Средней Азии», позволивший выявить стратегии России по стабилизации обстановки на присоединённых территориях. При проведении исследования использовались общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, – а также описательный, историко-хронологический, сравнительный методы.

Результаты. Выявлены три стратегии, обеспечивающие стабилизацию социально-политической обстановки в Средней Азии: стратегия прямого взаимодействия, создание стратегических сооружений, служащих форпостом для сил Российской империи и стратегия объединения укрепленных пограничных линий.

Теоретическая и/или практическая значимость. В научный оборот вводятся ранее почти не исследованные труды М. А. Терентьева. Кроме того, результаты анализа могут содействовать оптимизации внутренней и внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политико-текстологический анализ, Средняя Азия, стабилизация социально-политической обстановки, исторические стратегии России

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31155

СТРУКТУРА

Введение

Исторический контекст присоединения Россией Средней Азии и особенности региона

Сравнительный анализ трёх основных стратегий российской империи по стабилизации социально-политической ситуации в Средней Азии

ЗаклЮчение

O. Talskaya

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

HISTORICAL STRATEGIES OF STABILIZING THE SOCIO-POLITICAL SITUATION IN CENTRAL ASIA

ABSTRACT

Aim. Analysis of the Russian Empire strategies to stabilize the socio-political situation in Central Asia.

Methodology. A political and textological analysis of M.A. Terentyev's work "History of the Conquest of Central Asia" is conducted with emphasis on Russian strategies of stabilizing the sociopolitical situation in annexed territories. General scientific methods such as analysis, synthesis, induction, deduction, generalization are used as well as descriptive, historical-chronological, comparative methods.

Results. Three strategies were identified: direct interaction; constructing strategic points as strongholds for Russian forces and the strategy of uniting fortified borderlines.

Research implications. Works of M. A. Terentyev which had not been previously studied were analysed and introduced to scientific society. Moreover, the results of the analysis may contribute to the optimization of Russian domestic and foreign policy in Asia.

KEYWORDS

political and textological analysis, Central Asia, socio-political situation stabilization, historical Russian strategies

ACKNOWLEDGMENT

The research was supported by RFBR and EISR within the framework of the scientific project № 21-011-31155

ВВЕДЕНИЕ

В современной российской историко-политической науке важным инструментом является инновационный метод политико-текстологического анализа. Под политико-текстологическим анализом понимается комплексный, междисциплинарный вид аналитической деятельности, направленный на поиск, добывание, получение и использование политической информации в существующих текстах. Информация систематизируется, представляется в виде тезисов или комментариев, полученные результаты дифференцируются и сортируются, а на основе проделанной работы составляется новый текст, обладающий такими характеристиками, как полнота, логичность, связность и целостность изложения, тематическая строгость, композиционная структура, высокая степень информативности, фактической точности, достоверности используемой информации, конкретность использования источников.

В ходе проведённого исследования данный метод был использован для изучения труда М. А. Терентьева «История завоевания Средней Азии» (опу-

бликован в 1906 г.). В этом историческом источнике содержатся подробные сведения обо всём процессе присоединения Россией среднеазиатских территорий с акцентом на конец XIX – начало XX вв. Достоверность представленных в этом произведении данных подтверждается личной вовлечённостью М. А. Терентьева в процессы реализации политики Российской империи в Средней Азии и большим количеством статистических данных в его трудах.

М. А. Терентьев (1837–1909) является одним из полузабытых сегодня, но важных исторических лиц. Он был военным востоковедом и историком, лингвистом, юристом, вышедшим в отставку в чине генерал-лейтенанта, большую часть своей карьеры служившим в Средней Азии на руководящих судебных и военных должностях¹.

М. А. Терентьев не являлся теоретиком или философом, обосновывающим интересы России в регионе. Прежде всего он был непосредственным практическим участником и проводником российской политики в Средней Азии, впоследствии обобщившим в своих трудах свои представления и впечатления о процессах интеграции среднеазиатских территорий в состав России. Анализ его работ позволяет получить историко-политический взгляд «изнутри». Используя труды М. А. Терентьева, можно получить возможность исследовать среднеазиатскую политику России и выявить основные стратегии стабилизации социально-политической обстановки в присоединённых регионах.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РОССИЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Политика России в регионе Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. неразрывно связана с историческими закономерностями и пройденным Россией путём. Важнейшим аспектом имперской внешней политики было присоединение новых территорий. Эти земли в большом количестве случаев были заселены народами, в позитивном ключе воспринимавшими российское расширение на их исконных территориях. Более того, культуры этих народов были разнообразны и часто непонятны российской стороне. Разница в культурах и вероисповеданиях создавала фундамент для многочисленных конфликтов и непонимания того, почему конкретная политика не приносит ожидаемых результатов. В конце XIX в. Россия столкнулась с подобной ситуацией в Средней Азии, и началась сложная работа по поиску необходимого подхода к интеграции региона в империю. Необходимо пояснить, что в настоящее время принято говорить о «Центральной Азии» и термин «Средняя Азия» используется в исследовании в целях соответствия терминологии трудам М. А. Терентьева.

¹ Послужной список Военного Судьи Виленского Военно-Окружного Суда Генерал-майора Терентьева. Составлен 6 февраля 1901 г. // РГИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 4/9/15.

В регионах Восточной и Средней Азии Россия столкнулась с колониальными амбициями Британской империи [3]. Геополитическая битва в результате столкновения интересов двух мировых империй привела к тому, что в регионе возникла сложная и противоречивая система как противоборства, так и сотрудничества. Сложившаяся ситуация была ближе к соперничеству, чем к войне, обе страны стремились получить господство над регионом [1; 4].

С геополитической точки зрения, экспансия Российской империи в Туркестане обосновывалась необходимостью защиты географических границ России. Полагалось, что важной целью было расширение территорий до естественных непреодолимых рубежей, таких как водоёмы, пустыни и горы. Кроме того, кочующие народы Средней Азии осуществляли набеги на русские земли. Считалось, что эффективным методом борьбы с этой проблемой было бы приведение этих народов к российскому подданству и принуждение их к российским законам. Одним из представителей данного направления мысли был М. А. Терентьев.

Имперская политика России интересна следующим: географическое положение на границе Европы и Азии давало стране уникальный статус. Необходимо понимать, что Запад видел себя в качестве двигателя цивилизации, что делало Азию «придатком», территорией колониального владения. Россия в этом контексте обладала уникальным положением на стыке Европы и Азии, в связи с чем могла увидеть особую сторону межцивилизационного взаимодействия, а именно обратное воздействие Азии на Европу.

В Туркестанском крае характерной особенностью управления было то, что власть на момент включения региона в состав империи принадлежала военным, тогда как в других российских губерниях она сосредотачивалась в руках Министерства внутренних дел. Это было обусловлено непосредственной близостью с Ираном, Афганистаном и ещё не завоёванными территориями. С образованием же Туркестанского генерал-губернаторства главой края становился генерал-губернатор, которого назначал сам император. В его руках была сосредоточена вся административная и военная власть. Основными органами управления были военные губернаторы, которых назначали и снимали с должности военный министр и генерал-губернатор. Туркестанское генерал-губернаторство делилось на области, а они, в свою очередь, – на уезды и волости. Такое деление было свойственно всем губерниям Российской империи. После ряда мер и введения новых положений об управлении краем административная система стала больше походить на общероссийскую, однако для местного населения были сохранены традиционные учреждения, что позволяет говорить о широкой культурной автономии в крае. Кроме того, существовала военно-гражданская система управления в генерал-губернаторстве, которую по некоторым пунктам можно было считать либеральнее и прогрессивнее остальных существовавших на территории Российской империи. Следует отметить тот факт, что местное

население этой национальной окраины не призывалось в армию вплоть до 1917 г.

Процесс присоединения Средней Азии был объективно сложным и многоаспектным, поскольку на него влияло множество факторов. Их можно разделить на две основные группы: особенности региона и политики России, а также внешнеполитическая специфика международного геополитического взаимодействия [5]. К внутренним факторам относились сложная история взаимодействия с народами Средней Азии, их культурные особенности, существующие властные иерархии в этих народах, религиозные аспекты, национальный вопрос, а также юридическая специфика российского управления в Средней Азии. Вторая группа факторов была сопряжена с необходимостью взаимодействия с Великобританией и её агентами в регионе, осуществлявшими обширные интересы метрополии в Средней Азии. Эти процессы и особенности подробно описаны в труде М. А. Терентьева «История завоевания Средней Азии».

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРЁХ ОСНОВНЫХ СТРАТЕГИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО СТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1906 г. была опубликована наиболее известная и значимая работа М. А. Терентьева «История завоевания Средней Азии». В этом монументальном трёхтомном издании М. А. Терентьев описывает весь процесс присоединения среднеазиатских территорий к Российской империи. В данном труде М. А. Терентьев уделил большое внимание национально-территориальной специфике Средней Азии как объекту политики Российской империи. В этом контексте его труд становится важным источником для проведения политико-текстологического анализа.

В рамках проведённого исследования наибольший интерес в контексте изучения механизмов стабилизации социально-политической ситуации и их эффективности представляют сравнение и анализ трёх описанных в упомянутом труде стратегий Российской империи в Средней Азии.

Необходимо упомянуть, с какими сложностями Россия столкнулась в процессе интеграции среднеазиатских территорий. В первую очередь нужно отметить, что в Средней Азии существовало множество местных социополитических, квазигосударственных, государственных и иных иерархических структур. В этом контексте Россия была вынуждена искать методы воздействия на местное население через существующие местные элиты и структуры. Необходимость в этом была вызвана двумя факторами: во-первых, множество народов Средней Азии вели степной, кочевой образ жизни, в связи с чем набеги и баранта (увод скота) были повсеместным явлением². Часто ба-

² Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии: в 3 т. М.: АИРО-XXI, 2018. Т. 1. С. 23–24.

ранта проводилась в качестве ответного действия на чужую баранту. Кочевой образ жизни местных народов значительно способствовал простоте осуществления таких набегов. Важно также отметить, что часто целью ответной баранты оказывались третьи лица, не вовлечённые в изначальный конфликт сторон. С приходом России жители империи и даже российские войска также стали подвергаться таким недружелюбным методам взаимодействия с местным населением [4].

Другим серьёзным вызовом были дипломатические и деловые традиции местного населения. Наиболее существенными проблемами было частное нарушение договорённостей (в т. ч. присяг), заключённых Россией с местными элитами, а также неэффективная система взаимодействия, в рамках которой большое количество средств имперской казны тратилось на дары с целью приобретения лояльности местных элит [2]. Кроме того, местное население Средней Азии не стремилось к тому, чтобы менять свой образ жизни на осёдлый, что в совокупности с отсутствием логистической инфраструктуры создавало значительные трудности по предотвращению барант и набегов.

На ранних этапах присоединения Средней Азии часто вставал вопрос взаимодействия с лидерами различных орд (малой, средней и большой), народов и кочевых образований. Часто использовавшимся средством было приглашение местных лидеров в Оренбург или Санкт-Петербург, вручение им богатых даров взамен на присягу Российской империи. Такой подход был весьма популярен среди местных лидеров, однако не был эффективным. Видя возможность получить щедрые дары, многие стремились воспользоваться этим предложением.

В совокупности с тем, что данное слово не считалось в Средней Азии того периода обязательством, местные лидеры не прекращали осуществлять набеги после присяги. Представляет интерес и то, что эти же лица возвращались, просили прощения и вновь давали присягу, чтобы повторно получить дары. Имперские механизмы создания лояльности стали своеобразной «кормушкой» для местных лидеров, простым методом получения материальных благ без изменения своего стиля жизни. Некоторые представители местных элит одновременно приносили присягу России и Китаю, получая каждые несколько лет подарки от обеих держав.

Любовь жителей Средней Азии к дарам описывается М. А. Терентьевым очень подробно. Дары были необходимы в любой ситуации, особенно в сношениях с кочевыми лидерами и лидерами государств региона. Иногда возникали случаи, что дары воспринимались как недостаточные, это считалось проявлением неуважения. Однако одновременно с этим слишком щедрые дары свидетельствовали о слабости.

Эта ситуация дополнительно усугублялась двумя факторами. Первый из них – выбор лидеров имперскими властями. Часто титулы раздавались произвольно, без учёта желаний кочевников и местных жителей. М. А. Терентьев

часто отмечает в своём труде, что народы Средней Азии в подавляющем количестве случаев предпочитали механизмы местного самоуправления и хотели избирать своих лидеров из «чёрной кости», а не аристократической прослойки народа. Вместо этого Санкт-Петербург и Оренбург одобряли выдвинутых из «белой кости», которые не имели публичной поддержки, не считали нужным исполнять свои обязанности и часто были известными разбойниками и иными преступниками, испортившими свою репутацию среди мирного населения.

Второй фактор – запутанность номенклатуры родов и образований кочевников. Так, в Российской империи не было систематизированного представления о том, какие группы действуют в регионе, кому они подчиняются, каковы их кочевые территории и территории стоянок. Это приводило к тому, что часто от имени определённых родов и образований в сношения с Россией вступали третьи лица, которые хотели получить звания и подарки. Это также приводило к тому, что разграничение территорий Средней Азии между местными родами не совпадало с исторически сложившимся, что вызывало недовольство против России.

В этих условиях стратегия России по стабилизации социально-политической ситуации в регионе эволюционировала. Первой была стратегия прямого взаимодействия с местными элитами в совокупности с военными экспедициями и походами для борьбы с набегами и освобождения пленных.

Коренные жители региона хорошо ориентировались в степи, были умелыми наездниками и осуществляли свои вылазки в малых отрядах. Именно с целью борьбы с такими набегами Россией снабжались войска для преследования этих отрядов, что редко приводило к искомому результату. Многие русские военные не осознавали особенностей Средней Азии и пытались выступить в погоню большими отрядами, которые не могли ни догнать, ни найти степняков. Иногда это также приводило к тому, что русские войска мстили не той стороне, которая совершила набег, а мирным кочевникам, которые не пытались убежать, т. к. не были повинны в совершённом набеге.

Военные походы против государств Средней Азии также не были успешными. Борьба России с Хивой описывается М. А. Терентьевым как череда проявлений некомпетентности, неосмотрительности и растраты казённых ресурсов. *Casus belli* многих военных экспедиций и «поисков» против Хивы заключалась в хивинской работоторговле. Истинная причина включала работоторговлю, но также была вызвана хивинскими торговыми тарифами и стремлением создать прочные торговые пути в Китай. Многие россияне попадали в плен и обращались в рабство, дипломатические каналы не были налажены, а сам М. А. Терентьев отмечал, что государства Средней Азии считали заключённые договоры необязательными к исполнению.

Второй стратегией России было создание крепостей и иных укреплений в регионе. Логика данной стратегии заключалась в том, что крепость служила

форпостом, стабилизирующим ситуацию вокруг неё. Военные получали значительную мобильность вокруг крепости и возможность пресекать противоправные и враждебные действия, а поданные империи и мирные кочевники могли укрыться от посягательств на себя и своё имущество. Эта политика не проводилась последовательно, а отменялась и вводилась вновь в процессе присоединения региона.

Практика реализации этого метода была связана с той проблемой, что, по оценкам Терентьева, достаточно часто места для возведения крепостей выбирались неправильно. Чаще всего встречались три типовые проблемы: отсутствие доступа к чистой питьевой воде, слишком большая концентрация крепостей, а также неудачное стратегическое расположение крепостей. В случае отсутствия доступа к достаточному количеству питьевой воды или при низком качестве воды в крепости начинались болезни и эпидемии. При слишком большой концентрации крепостей эффект на стабильность оказывался только одной, а остальные в большинстве случаев лишь способствовали растрате государственного бюджета, а в третьем случае они просто не выполняли никакой практической функции.

Наконец, метод создания единых линий, по большей части основанный на проекте объединения Сибирской и Оренбургской линий, подразумевал создание единого рубежа, за которым местные народы могли бы заниматься кочевничеством без угрозы внешнего нападения. Для нападения недоброжелателям пришлось бы прорвать укрепленную линию. Учитывая подавляющее технологическое превосходство русских войск над среднеазиатскими вооруженными формированиями, такой прорыв был бы невозможен. Терентьев несколько раз в своём труде описывает военные действия, в которых русские несли минимальные потери (в единицах или десятках), нанося врагу урон в сотни и тысячи убитых и раненых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политико-текстологический анализ трудов М. А. Терентьева позволил выделить и проанализировать три исторические стратегии, использованные Российской империей в конце XIX – начале XX вв. с целью стабилизации социально-политической обстановки в Средней Азии.

Стратегии эволюционировали от ответных военных действий, которые отличались низкой эффективностью, к построению крепостей, которые создавали отдельные очаги спокойствия и безопасности в степи, до создания единой линии, которая фактически разделила степь на две территории, одна из которых была под полным контролем российских войск. Ключевым фактором являлся контроль над территорией: постоянное присутствие войск в стратегических местах позволяло стабилизировать обстановку в регионе. При этом важным можно считать наблюдение, что народы Средней Азии (по

крайней мере, в конце XIX – начале XX вв.) отличались стремлением к получению даров и нежеланием соблюдать заключённые двусторонние договорённости. Важно также такое наблюдение, что местное население среднеазиатского региона стремилось к местному самоуправлению.

Интересным представляется в дальнейших исследованиях провести верификацию этих наблюдений на базе анализа межкультурного взаимодействия в XX и XXI вв. Такой анализ может стать важным инструментом в процессе выработки политико-правовых механизмов обеспечения устойчивости социально-политических систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон К. М., Тальская О. Д. Обоснование среднеазиатской политики Российской империи в контексте «Большой игры» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 26.08.2021).
2. Дубовиков А. М. Участники хивинских походов о контактах с хивинцами и казахами // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2017. № 1 (21). URL: <http://www.vestospu.ru> (дата обращения: 26.08.2021).
3. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
4. Тальская О. Д. Национальный вопрос в отечественной общественно-политической мысли XIX века (среднеазиатский контекст) // Вестник Российской нации. 2017. № 6 (58). С. 63–75.
5. Цыганков П. В. М. А. Терентьев и его труд «Россия и Англия в Средней Азии»: у истоков азиатской геополитики России (вторая половина XIX в.) // Омский научный вестник. 2010. № 4 (89). С. 28–31.

REFERENCES

1. Anderson K. M., Talskaya O. D. The justification for the Central Asian policy of the Russian Empire in the context of the “Great Game”. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2019, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 26.08.2021).
2. Dubovikov A. M. [Participants of Khiva campaigns about contacts with Khivans and Kazakhs]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University: Electronic Scientific Journal], 2017, no. 1 (21). Available at: <http://www.vestospu.ru> (accessed: 26.08.2021).
3. Sergeev E. Yu. *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [Great game, 1856–1907: myths and realities of Russo-British relations in Central and Eastern Asia]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2012. 454 p.

4. Tal'skaya O. D. [The national question in the national socio-political thought of the 19th century (Central Asian context)]. In: *Vestnik Rossiiskoi natsii* [Bulletin of Russian nation], 2017, no. 6 (58), pp. 63–75.
5. Tsygankov P. V. [M. A. Terentyev and his work "Russia and England in Central Asia": at the origins of the Asian geopolitics of Russia (second half of the 19th century)]. In: *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2010, no. 4 (89), pp. 28–31.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 28.08.2021

Статья размещена на сайте: 26.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тальская Ольга Дмитриевна – ассистент кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: ollytalsky@gmail.ru

Olga D. Talskaya – Assistant Lecturer, Department of History of Social and Political Doctrines, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ollytalsky@gmail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Тальская О. Д. Исторические стратегии стабилизации социально-политической обстановки в Средней Азии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Talskaya O. D. Historical strategies of stabilizing the socio-political situation in Central Asia. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32.019.5

Щенина О. Г.

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Российская Федерация

«НОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотрение процессов трансформации образования в сетевом обществе в ракурсе идеи «Нового Просвещения» на основе политологического анализа.

Процедура и методы. Основное содержание статьи составляет анализ социально-политических аспектов модернизации образования в инфо-цифро-сетевом обществе с помощью методов контент-анализа, дискурс-анализа, политологического анализа в контексте проектного подхода.

Результаты. Показано, что реализация идеи «Нового Просвещения» позволит человечеству выйти на новый уровень развития в социально-гуманитарном контексте. Именно развитие человека, повышение уровня его компетенций и знаний в инфо-цифро-сетевом обществе становится решающим условием общественного прогресса.

Теоретическая значимость. Обновлена проблематика развития образования на современном этапе в связи с востребованностью идеи перехода к «Новому Просвещению» как к одному из политических проектов сетевого общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сетевое общество, образование, «Новое просвещение», мировоззрение, гуманизм

СТРУКТУРА

Введение

Образование в контексте политики социального развития

Идея «Нового Просвещения» в сетевом обществе

Закключение

O. Shchenina

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
24/35 korp. 5 Krzhizhanovskogo ul., Moscow 117218, Russian Federation*

"NEW EDUCATION" AS A POLITICAL PROJECT IN THE NETWORK SOCIETY

ABSTRACT

Aim. An attempt is made to consider the processes of transformation of education in the network society from the perspective of the idea of the "New Education" on the basis of political science analysis.

Methodology. The paper principally deals with the analysis of socio-political aspects of modernization of education in the info-digital-network society on the basis of the methods of content analysis, discourse analysis, political analysis in the context of project approach.

Results. It is demonstrated that the implementation of the "New Education" idea will allow to reach a new level of development in the socio-humanitarian context. It is exactly the development of human beings, increasing their level of competence and knowledge in the info-digital-network society that becomes a decisive condition for social progress.

Research implications. The author succeeds in updating the issues of educational development at the present stage on the basis of the idea of transition to the "New Education" as one of the political projects demanded by the network society.

KEYWORDS

network society, education, New Education, worldview, humanism

ВВЕДЕНИЕ

Сетевое общество не только привносит в жизнь современного человека новые технологии, затрагивающие все стороны жизни, но и преобразует связи, отношения между людьми, группами, социальными институтами. Приоритетное влияние на общественное развитие и становление сетевого общества оказывает технологический аспект – стремительное развитие технологий, которые, в свою очередь, требуют от человека освоения новых навыков и компетенций.

В научном дискурсе о трансформациях современного мира всё чаще звучат идеи о необходимости изменения мышления современного человека, о «переходе к эпохе *"Нового Просвещения"* с целью формирования у людей интегративного типа мышления гуманитарной направленности» [5, с. 188]. Представляется, что особую роль в этих процессах будут играть мировоззрение, мироощущение, мировосприятие человека. Поэтому востребована новая повестка дня – «нужно определить *стратегию формирования нового мировоззрения*, его структуру и содержание отдельных компонентов, а также методологию решения этой сложнейшей и стратегически важной проблемы» [5, с. 188].

Очевидно, что постановка вопроса в таком ракурсе потребует изменения образовательной, культурной, социальной политики национальных государств. В контексте образовательной составляющей этой поистине глобальной проблемы следует отметить, что для её решения потребуются перемены в образовании в целом: в содержании образовательных программ, методиках преподавания дисциплин; возможно, даже в структурах национальных образовательных систем. Система образования в современном мире становится гораздо более значимым социальным институтом, чем, например, в XX в., поскольку приобретает новые черты и функции в сложных процессах информатизации, цифровизации, сетевизации социума.

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Остановимся на политических аспектах образования в сетевом обществе. Прежде всего хотелось бы отметить, что на поступательное движение общества оказывает влияние множество факторов, но основным, по мнению многих исследователей, в XXI в. становится человеческий капитал.

И если на современном этапе человеческий капитал становится важнейшим ресурсом модернизации, то инвестициями в будущее человечества будут интеллект человека, его образованность, рассматриваемая, прежде всего, с точки зрения развития его мышления и интеллектуального потенциала. «Интеллект предполагает взаимодействие различных форм знания. Он включает в себя способности обучения, суждения, анализа, логического мышления, предвосхищения, запоминания, расчёта, толкования, понимания, воображения, адекватного реагирования на непредвиденное и т. д. Интеллект развивается только через упорное преследование цели, требующее развитие этих способностей» [1, с. 109].

Понимание значимости формирования этих качеств у современного человека нашло отражение в концепции «Навыки XXI века», организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), международных сравнительных исследованиях качества образования, оценке образовательных достижений российских школьников в Федеральных государственных образовательных стандартах. Неслучайно именно вопросы качества образования в начале XXI в. вышли на первый план в образовательной политике многих государств мира. Таким образом, сегодня возрастает внимание общества и государства к образовательной политике и образованию в целом.

В образовании также применяются политические технологии [2], позволяющие обеспечить преимущество в образовательной гонке стран современного мира. Т. е. от технологии, с помощью которой привносятся новые смыслы и ценности в сознание людей, и от реализации политических решений, принятых на её основе, во многом зависят место и роль страны в мире, её конкурентоспособность. «Образование в нынешнее переломное время

играет ещё более важную (чем раньше – О.Щ.), программирующую и преобразующую роль в обществе, становится политической технологией. С ним будут связаны и большие возможности, и очень серьёзные риски в контексте стремительного развития компьютерной реальности» [7, с. 229].

Образование в современном мире является важнейшим социальным институтом, в сетевом обществе его значимость возрастает, поэтому, как отмечают исследователи, «во всём мире споры об образовательной политике становятся всё напряжённее» [3, с. 303].

Любая технология, в том числе политическая, предполагает некую последовательность приёмов, действий, алгоритмов. Их применение позволяет достигать поставленных целей на основе различных процедур и методов.

В настоящее время многими специалистами в разных областях высказываются мнения о необходимости формирования амбициозных целей для развития страны. Например, в сфере развития российского образования до 2024 г. такая задача была сформулирована Президентом Российской Федерации В. В. Путиным: «обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования»¹. И она достаточно успешно реализуется, о чём свидетельствуют результаты российских четвероклассников в Международном проекте «Изучение качества чтения и понимания текста» PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study), который проводится под эгидой Международной ассоциации по оценке учебных достижений IEA (International Association for the Evaluation of Educational Achievement). Данные можно увидеть в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Результаты Российской Федерации в исследовании PIRLS / Results of the Russian Federation in the PIRLS study

Циклы исследования	Место РФ	Количество стран-участников
PIRLS-2001	16	35
PIRLS-2006	1	40
PIRLS-2011	2	45
PIRLS-2016	1	61

Источник: по материалам сайта ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования» (ФИОКО)².

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 25.04.2021).

² PIRLS (Международное исследование качества чтения и понимания текста) // Федеральный институт оценки качества образования : [сайт]. [2021]. URL: <https://fio.ru/pirls> (дата обращения: 25.04.2021).

Это международное сравнительное мониторинговое исследование качества образования в разных странах всемирно признано наиболее авторитетным в области качества чтения и понимания текста. Оно выявляет уровень читательской грамотности школьников, заканчивающих 4 класс, позволяет диагностировать умение работать с текстами как источниками информации. 7 апреля 2021 г. в ходе пресс-конференции «Как изменилось качество образования в России» министр просвещения РФ С. С. Кравцов заявил о результатах PIRLS: «Это первый интегрированный показатель, который характеризует вхождение РФ в десятку стран по качеству образования. Мы уже по начальной школе первые в мире»³.

Достижение прорыва в образовании возможно с применением политических технологий, например, «рассматривается возможность использования реформы образования как политической технологии для решения задач развития России» [10, с. 260]. Это потребует принятия политических решений, направленных на модернизацию образовательной политики государства.

ИДЕЯ «НОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ» В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

В 2017 г. Римский клуб опубликовал доклад «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», в котором была сформулирована идея необходимости перехода к «*Новому Просвещению*» как приоритетная для развития всего человечества. В докладе обосновывается потребность фундаментальной трансформации мышления человека на основе ценностей гуманизма⁴.

Проблема гуманизма сегодня приобретает особую актуальность в связи с попытками пересмотра содержания самого понятия в ходе «гуманистических кризисов XX в.» [8, с. 7], появлением антигуманизма, а также «новых проектов отхода от человеческого: негуманизм, трансгуманизм, постгуманизм. Все они заостряют внимание на становлении новых форм социальности, в которых прежним, человеческим, проблемам и конфликтам не останется более места. Основная сложность, однако, заключается в том, что каждый шаг в сторону воплощения этих проектов, будь то построение цифрового общества или борьба за утверждение прав животных, порождает очередные человекоориентированные вопросы» [8, с. 9]. Следовательно, антропологические аспекты развития современного мира приобретают особое значение.

³ Кравцов рассказал о высоком качестве школьного образования в России // Известия : [сайт]. URL: https://iz.ru/1147804/2021-04-07/kravtsov-rasskazal-o-vysokom-kachestve-shkolnogo-obrazovaniia-v-rossii?utm_campaign=news_april_2021_vypusk_2&utm_medium=email&utm_source=Sendsay (дата обращения: 25.04.2021).

⁴ Матвейчев О. Римский клуб, юбилейный доклад. Вердикт: «Старый Мир обречен. Новый Мир неизбежен» // Политком : [сайт]. URL: <https://politcom.org.ua/rimskij-klub-jubilejnyj-doklad-verdik> (дата обращения: 25.04.2021).

Сетевое общество во многом изменяет существовавшие смыслы и ценности, при этом на первый план выходят этические и философские проблемы развития человека и социума. Однако на повестке дня оказываются и этические проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта (ИИ), а также с гуманитарной экспертизой различного рода социальных инноваций.

Высказываются оригинальные идеи о том, что, «скорее всего, искусственный интеллект (ИИ) может безвозвратно изменить структуру общества и наше в нём место. Если ИИ способен развиваться естественно, самообучаться и даже воспроизводить себя, то почему бы одному ИИ не коммуницировать самостоятельно с другими и не сформировать коллектив из таких же, как он, ИИ. Именно этические вопросы предстоит решать обществу, когда ИИ достигнет расцвета» [9, с. 91].

Интерес к этим проблемам в обществе возрастает, об этом свидетельствуют научные дискуссии на конференциях и форумах. Например, в 2019 г. во Владивостоке состоялся I Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах. Доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов»⁵.

Ещё одной гранью становления сетевого общества является востребованность гуманитарных изобретений, которые М. Н. Эпштейн характеризует как «новую гуманитарную идею, включающую средства её воплощения в виде культурных практик, интеллектуальных движений, творческих организаций и форм сотрудничества» [11, с. 24–25].

Не менее важна и упомянутая выше гуманитарная экспертиза социальных инноваций, которая позволяет определить эффективность различных социально-экономических, политических проектов и инноваций с точки зрения их антропологической составляющей. Вместе с тем гуманитарная экспертиза инноваций в целом и социальных в частности предлагает иной, в отличие от технологических аспектов, ракурс оценки влияния общественных трансформаций на человека.

В этом контексте представляет особый исследовательский интерес гуманитарная политологическая экспертиза, поскольку мнение экспертного сообщества в большей мере востребовано при принятии политических решений и в политическом прогнозировании.

Тем самым уже сегодня становится очевидной востребованность идеи перехода к «Новому Просвещению» как к одному из политических проектов сетевого общества: «Нужны как раз новые смелые заходы, свежие взгляды, “дикие” представления, которые позволяют иначе взглянуть на вещи и ос-

⁵ I Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах». Программа // Владивостокский государственный университет экономики и сервиса : [сайт]. URL: <https://www.vvsu.ru/event/article/2146297638> (дата обращения: 25.04.2021).

мыслить их, предлагая нам более точные методы распознавания новаций нашего времени, их демократических потенций и противоположных трендов, которые способны задушить нашу демократическую политику» [4, с. 32].

В предложенных, по мнению авторов доклада Римского клуба, характеристиках этой инновационной во всех смыслах идеи прослеживается прежде всего ориентированность на будущее. Подчёркивается, что философия «Нового Просвещения» основывается на философии баланса мыслителей не только Востока, но и Запада (упоминаются Г. Гегель, К. Уилбер). Отличительными чертами нового типа мировоззрения должны стать синергийность (предмет исследования синергийной антропологии), целостность, устойчивость, открытость, экологическое сознание.

Новые концепты, характеризующие нынешнюю сетевую эпоху, всё чаще относятся к сфере социально-гуманитарного знания. Например, появление в начале 2000-х гг. нового направления – цифровых гуманитарных наук (digital humanities), использующих методы информатики и математики в исследовательских подходах гуманитарных наук. «Но каждая гуманитарная дисциплина, как целое, нуждается в практическом развитии, чтобы преобразовать знание в конструктивное мышление и творческий процесс» [11, с. 23]. На наш взгляд, концепт «Новое Просвещение», предложенный авторами упомянутого выше юбилейного доклада Римского клуба 2017 г. «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», наиболее ёмко характеризует вектор развития человечества в контексте приоритета его антропологической составляющей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взрывной рост технологий в XXI в. поражает воображение – реализуются самые смелые и даже фантастические прогнозы прошлого столетия. Однако в этих условиях происходят существенные изменения общества и самого человека, которые заметны в меньшей степени и сравнительно мало изучены. Мы находимся пока в первом приближении к пониманию социо-гуманитарных смыслов перемен, а также их многообразных последствий.

На наш взгляд, некоторые параметры сетевого общества, такие, как нелинейность развития, неопределённость, всеобщая связанность «всех со всеми», сложность трансформационных процессов и ряд других, с одной стороны, затрудняют его изучение. С другой стороны, позволяют на основе сетевого, коммуникативного подходов, политического анализа и прогнозирования исследовать глубинные смыслы происходящих преобразований. Кроме того, особый интерес у учёных вызывают их политические и социальные эффекты. Например, с точки зрения взаимодействия власти и общества, «сейчас сложнее, чем когда-либо, претендовать на то, чтобы представлять людей, игнорируя их интересы и предпочтения, и легче, чем когда-либо ра-

нее, для тех, чьи голоса не услышаны, координировать свои действия с целью выдвижения своих собственных требований» [6, с. 35] – прежде всего на основе использования новых технологий.

Проектный подход в политической сфере чаще всего применяется в области политического менеджмента и государственного управления. Идея «Нового Просвещения» масштабна и глобальна, она предполагает изменения социума, человека, институтов. Возможно, это один из актуальных мегатрендов, определяющий особенности эволюции современного мира. Однако на национальном уровне её реализация будет связана, на наш взгляд, с использованием проектного метода на основе инновационных технологий.

Представляется на основе приведённого описания, что реализация идеи «Нового Просвещения» позволит человечеству выйти на новый уровень развития в социально-гуманитарном контексте.

В то же время дискуссии о кризисе гуманитарных наук в интеллектуальном сообществе актуализировали дискурс о роли и месте социо-гуманитарного знания в процессах социально-политических трансформаций современного мира.

Прикладной аспект в развитии гуманитарных наук становится всё более востребованным, в современном обществе необходима «практическая настройка гуманитарных наук» [11, с. 17]. Гуманитарное знание – знание о человеке, о культуре во всех её проявлениях – позволяет приблизиться к пониманию места и роли человека в трансформационных процессах современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем., фр. М. М. Сокольской. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
2. Громыко Ю. В. Российская система образования сегодня: решающий фактор развития или путь в бездну? Образование как политическая технология. М.: ЛЕНАНД, 2019. 368 с.
3. Исследование по сравнительному образованию. Подходы и методы / под ред. М. Брея, Б. Адамсона, М. Мэйсона; пер. с англ. М. Л. Ваховского, И. В. Разнатовского; под ред. Л. Ц. Ваховского. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 468 с.
4. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
5. Колин К. К. Наука для будущего: цифровая реальность, философия информации и новое мировоззрение // Проектирование цифрового будущего. Научные подходы / под ред. Г. Г. Малинецкого, В. В. Иванова, П. А. Верника. М.: Техносфера, 2020. С 185–198.
6. Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? / пер. Ю. А. Кабанова, Ю. Г. Мисникова, А. Н. Рябушко. СПб.: Алетейя, 2018. 132 с.

7. Малинецкий Г. Г. Риски цифрового мира // Проектирование цифрового будущего. Научные подходы / под ред. Г. Г. Малинецкого, В. В. Иванова, П. А. Верника. М.: Техносфера, 2020. С. 214–338.
8. Новый гуманизм – горизонты «пост» / С. А. Азаренко, А. С. Железнов, М. А. Иванченко, Т. Х. Керимов, Д. А. Томильцева; науч. ред. Д. А. Томильцева. СПб.: Академический проект, 2020. 140 с.
9. Фен Ш. Заменит ли нас искусственный интеллект? Введение в XXI век / пер. Н. Рыбалко, А. Суслопарова. М.: Ад Маргинем Пресс: ABCdesign, 2019. 144 с.
10. Шупер В. А. Образование как политическая технология. Рецензия на книгу Ю. В. Громыко «Российская система образования сегодня: решающий фактор развития или путь в бездну? Образование как политическая технология» // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 3. С. 260–268.
11. Эпштейн М. Н. Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. М.: Рипол-классик: Панглосс, 2019. 239 с.

REFERENCES

1. Gorz A. L'immatériel Connaissance, valeur et capital (Russ. ed.: Sokolovskaya M. M., transl. *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital*. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2010. 208 p.).
2. Gromyko Yu. V. *Rossiiskaya sistema obrazovaniya segodnya: reshayushchii faktor razvitiya ili put' v bezdnu? Obrazovanie kak politicheskaya tekhnologiya* [The Russian education system today: a decisive factor in development or a path to the abyss? Education as a political technology]. Moscow, LENAND Publ., 2019. 368 p.
3. Bray M., Adamson B., Mason M., eds. Research on Comparative Education. Approaches and methods (Russ. ed.: M. L. Vakhovsky, I. V. Raznatovsky, transl. *Issledovanie po sravnitel'nomu obrazovaniyu. Podkhody i metody*. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2019. 468 p.).
4. Keane J. Democracy and media decadence (Russ. ed.: Kralechkina D., transl. *Demokratiya i dekadans media*. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2015. 312 p.).
5. Kolin K. K. [Science for the future: digital reality, information philosophy and a new worldview]. In: Malinetskiy G. G., Ivanov V. V., Vernik P. A., eds. *Proektirovanie tsifrovogo budushchego. Nauchnye podkhody* [Designing the digital future. Scientific approaches]. Moscow, Tekhnosfera Publ., 2020, pp. 185–198.
6. Coleman S. Can the Internet Strengthen Democracy? (Russ. ed.: Kabanov Yu. A., Misnikov Yu. G., Ryabuchko A. N., transl. *Mozhet li Internet ukrepit' demokratiyu?* St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2018. 132 p.).
7. Malinetskiy G. G. [Risks of the digital world]. In: Malinetskiy G. G., Ivanov V. V., Vernik P. A., eds. *Proektirovanie tsifrovogo budushchego. Nauchnye podkhody* [Designing the digital future. Scientific approaches]. Moscow, Tekhnosfera Publ., 2020, pp. 214–338.

8. Tomiltseva D. A., ed. *Novyi gumanizm – gorizonty «post»* [New humanism – horizons “post”]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2020. 140 p.
9. Fan Sh. Will AI Replace Us: A Primer for the 21st Century (Russ. ed.: Rybalko N., Susloparova A., transl. *Zamenit li nas iskusstvennyi intellekt? Vvedenie v XXI vek*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., ABCdesign Publ., 2019. 144 p.).
10. Shuper V. A. [Education as a political technology. Review of the book by Yu. V. Gromyko “The Russian education system today: a decisive factor in development or a path to the abyss? Education as a political technology”]. In: *Upravlenie nauko: teoriya i praktika* [Science Management: Theory and Paractice], 2020, vol. 2, no. 3, pp. 260–268.
11. Epshtein M. N. *Budushchee gumanitarnykh nauk: Tekhnogumanizm, kreatorika, erotologiya, elektronnyaya filologiya i drugie nauki XXI veka* [The future of the humanities: Technogumanism, creatorics, eroticology, electronic philology, and other sciences of the 21st century]. Moscow, Ripol-klassik Publ., Pangloss Publ., 2019. 239 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 02.05.2020

Статья размещена на сайте: 11.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Щенина Ольга Геннадьевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; e-mail: oschenina@mail.ru

Olga G. Shchenina – Cand. Sci. (Political sciences), Leading Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: oschenina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Щенина О. Г. «Новое Просвещение» как политический проект в сетевом обществе // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Shchenina O. G. “New education” as a political project in the network society. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 371.13:007; 37.015.3

Крамаренко Н. С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Крюков Е. В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Институт цифровых компетенций

125993, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 23, Российская Федерация

МИКРООБУЧЕНИЕ В НЕПРЕРЫВНОМ ОБРАЗОВАНИИ ПЕДАГОГА В МИРЕ VUCA

АННОТАЦИЯ

Цель. Обсуждение проблемы микрообучения как наиболее современного и актуального формата реализации образовательных программ в системе непрерывного образования в условиях мира VUCA.

Процедура и методы. Основным методом исследования является теоретический анализ современных отечественных и зарубежных исследований по проблеме микрообучения, его структурных компонентов, возможных вариантов практического применения, эффективности с точки зрения получения необходимого образовательного результата.

Результаты. Различные подходы к пониманию и структуре микрообучения, вариантам его практического применения объединяются в осмыслении микрообучения как формата, направленного на решение конкретной дидактической задачи малыми частями в течение небольшого количества времени. В условиях мира VUCA это становится одним из важнейших условий, обеспечивающих обновление образовательных программ системы непрерывного образования в соответствии с новыми запросами практики, а также формирование гибких образовательных траекторий.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные данные вносят вклад в методическое обеспечение программ непрерывного образования педагогов, программ, реализуемых с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

микрообучение, современные методы обучения, непрерывное образование, повышение квалификации педагога, цифровизация образования, обучение взрослых в мире VUCA

СТРУКТУРА

Введение

Что понимается под микрообучением и каковы его отличительные признаки?

Возникновение термина

Психологические основания применения микрообучения в обучении взрослых

Каковы основные принципы организации микрообучения и в чём отличие его от других форматов обучения?

Микрообучение в непрерывном образовании педагога

Заключение

N. Kramarenko

*Moscow Region State University
Very Voloshinoy ul. 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

E. Kryukov

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Oleko Dundicha ul. 23, Moscow 125993, Russian Federation*

MICROLEARNING IN TEACHER LIFELONG EDUCATION IN THE VUCA WORLD

ABSTRACT

Aim. To discuss the problem of microlearning as the most modern and relevant format for the implementation of educational programs in the system of lifelong education in the context of the VUCA world.

Methodology. The main research method is a theoretical analysis of modern domestic and foreign research on the problem of microlearning, its structural components, possible options for practical application, efficiency in terms of obtaining the required educational result.

Results. Various approaches to the concept, structure of microlearning and options for its practical application are combined in understanding of microlearning as a format aimed at solving a specific didactic problem by small parts within a short time. In the world of VUCA, this is becoming one of the most important conditions that ensure the renewal of educational programs of the lifelong education system in accordance with the new demands of practice, as well as the formation of flexible educational trajectories.

Research implications. The data obtained contribute to the methodological support of continuing education programs for teachers, programs implemented using e-learning and distance learning technologies.

KEYWORDS

microlearning, modern teaching methods, lifelong education, teacher training, digitalization of education, adult education in the VUCA world

ВВЕДЕНИЕ

Стремительные темпы изменений, появление и активное внедрение цифровых технологий в профессиональную сферу преподавателя ставят перед системой непрерывного образования проблему максимально точного, конкретного и быстрого решения актуальных задач реализации концепции обучения через всю жизнь. Реагирование на возникающие потребности в восполнении профессиональных дефицитов, совершенствование имеющихся и развитие новых компетенций преподавателя в ситуации изменений приводят к смещению акцента от масштабных и объёмных курсов повышения квалификации к более минималистичным форматам обучения, предполагающим ответы на конкретные практические образовательные запросы.

Без такого подхода к непрерывному обучению преподавателя представляется довольно сложным процесс передачи нового актуального знания студентам, а значит, и процесс подготовки конкурентоспособных на рынке труда выпускников вузов. Как отметил министр науки и высшего образования В. Фальков, «хороший университет сегодня должен выполнять три функции: эффективно передать накопленные знания студенту, производить принципиально новое знание и – в идеале – превращать знание в технологию, продукт или бизнес. Невозможно передавать знания другому поколению, не занимаясь при этом поиском нового. Иначе ты неизбежно отстанешь, появится разрыв»¹.

Таким образом, сегодня как никогда актуальным становится постоянное совершенствование профессиональных компетенций преподавателя. Важно, что формат такого обучения должен максимально соответствовать требованиям времени. С нашей точки зрения, одним из наиболее эффективных из них является микрообучение, поскольку оно отвечает требованиям конкретности восполнения имеющихся профессиональных дефицитов, минимизации временных затрат без потери качества образовательного результата и в целом согласуется с решением глобальных задач обучения в новой парадигме развития образовательных систем в мире VUCA – в парадигме непостоянства, неопределённости, сложности и двусмысленности (volatility, uncertainty, complexity & ambiguity)².

ЧТО ПОНИМАЕТСЯ ПОД МИКРООБУЧЕНИЕМ И КАКОВЫ ЕГО ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ?

Поиск исследований по проблематике микрообучения и их анализ показали, что в научных кругах существует определённый дефицит обсуждения этого формата. Как справедливо указывают исследователи, дискуссии в поддержку использования микрообучения для профессионального развития сотрудников чаще происходят в блогах, социальных сетях и других менее академических источниках, нежели в полноценных исследованиях, опубликованных в рецензируемых журналах [10]. Примером могут служить работы российских исследователей 2020 г. [6; 7].

В целом в имеющихся научных и других публикациях микрообучение понимается как инновационный формат предоставления качественного профессионального обучения, разработанный для удовлетворения потребностей профессионалов XXI в. и призванный поддерживать постоянное развитие карьеры и организации, а также как форма электронного обучения,

¹ Высшее образование не должно охватывать 100% выпускников школ // Коммерсантъ. 2021. 25 августа.

² Микрообучение – система образования будущего // Лайфхакер : [сайт]. URL: <https://lifehacker.ru/microlearning> (дата обращения: 05.10.2021).

проводимого небольшими частями и направленного на предоставление актуальных, основанных на навыках знаний³ [10].

Иными словами, формат микрообучения предполагает особый педагогический дизайн материала, когда необходимая учебная информация разбивается на небольшие фрагменты (блоки), в течение которых необходимо решить конкретную дидактическую задачу.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТЕРМИНА

По поводу появления термина «микрообучение» также существуют различные взгляды.

Есть мнение, что микрообучение не является в полной мере инновационным форматом, поскольку сама идея «порционного» донесения информации ранее (в 50-х гг. XX в.) уже была предложена американским психологом Б. Скиннером, а позже развита Н. Краудером. В этой связи новизна обусловлена лишь реализацией микрообучения с помощью новых технологий и соответствующего программного обеспечения [7].

В то же время понимание микрообучения, осуществляющегося с применением электронного обучения и дистанционных технологий, т.е. «microlearning» в его современном понимании, связывают с работой Г. Гасслера «Интегрированное микрообучение: обзор основного метода и первые результаты»⁴ [2].

Главной идеей предложенного Гасслером метода IML (method for Integrated Micro Learning) являлась опора на геймификацию. Авторы указывают, что формат электронного обучения с опорой на мотивацию по аналогии с компьютерными играми может являться дополнительной мотивацией к обучению. Исследователями описана попытка интегрировать обучение с использованием различных электронных устройств в повседневную жизнь человека. «В основном наш подход поддерживает повторяющееся обучение путём встраивания процесса обучения в повседневную жизнь с использованием устройств связи. Благодаря этому методу появляется новое пространство для обучения, которое становится доступным для обучения на протяжении всей жизни» [9]. Иными словами, в качестве центральной идеи выдвигают

³ Микрообучение: мода или необходимость? [Электронный ресурс] // EduTech. 2016. № 1. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/015/01512aa086df79a8655d3cf8206f7c97.pdf> (дата обращения: 10.10.2021); Принципы образования будущего: карнавализация, расшколавание и все учат всех // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/501877491.html> (дата обращения: 18.10.2021); Семь преимуществ микрообучения // iSpring : [сайт]. URL: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/microlearning/benefits-of-microlearning> (дата обращения: 15.10.2021).

⁴ См.: Gassler G., Hug T, Glahn C. Integrated Micro Learning – An outline of the basic method and first results // International Conference on Interactive Computer Aided Learning / ed. M. E. Auer, U. Auer. Villach: Kassel University Press, 2004. P. 1–7. DOI:10.3991/ijim.v3i3.983

ется возможность интегрировать обучение в повседневную жизнь человека и одновременно с этим решить одну из проблем корпоративного обучения – отсутствие сотрудника на рабочем месте в процессе обучения. С помощью метода IML (method for Integrated Micro Learning) электронное обучение интегрируется в повседневную жизнь (работу) и тем самым представляет собой технологическую поддержку непрерывного обучения [9].

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МИКРООБУЧЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ ВЗРОСЛЫХ

Представляется небезосновательным мнение С. Филоновича, указывающего на психологическую подоплёку интереса к обучению взрослых в микроформате, которая связывается с существующими реалиями цифрового века. Автор отмечает, что сегодня изменились две вещи: аудитория и технологии. «Аудитория стала более инфантильной, а развитие технологий поощряет её инфантилизм ... взрослые разучились длительное время концентрировать внимание, и нам необходимо на это реагировать и давать им знания по кусочкам. В то же время развитие технологий позволяет нам гораздо эффективнее создавать эти маленькие кусочки знания. Теперь мы это делаем с помощью компьютеров, мы легко записываем клипы, используем инфографику и игровые форматы – бесконечное разнообразие методик»⁵.

Действительно, изменения в психологии восприятия человеком информации и усвоения нового знания в условиях развивающегося цифрового информационного общества, информационного изобилия и информационной перегруженности отмечают многие исследователи. Эти изменения обнаруживаются и у подрастающего поколения, и у взрослых людей.

Одним из примеров может служить явление, названное «Google-эффектом памяти». Суть его – в изменениях процесса запоминания человеком информации. В случае, когда человек знает, что определённые данные будут сохранены компьютером, он запоминает их хуже, чем если ему говорят, что данные затем будут стёрты. Эксперимент показал, что человек, допускающий, что он может в любой момент получить доступ к определённой информации, перекладывает ответственность за её хранение на внешний источник и быстро её забывает⁶.

⁵ Семь преимуществ микрообучения // iSpring : [сайт]. URL: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/microlearning/benefits-of-microlearning> (дата обращения: 15.10.2021).

⁶ Эффект Гугл Эффект GOOGLE. Как технологии меняют нашу память [Электронный ресурс]. URL: <https://igate.com.ua/news/17573-ehffekt-google-kak-tehnologii-menyayut-nashu-pamyat> (дата обращения: 15.09.2021).

Сегодня существует значительное количество исследований, подтверждающих факт влияния информационных технологий на когнитивные и эмоциональные составляющие нашей психики⁷ [3; 4; 5].

Сами цифровые инструменты, обуславливающие наше взаимодействие с миром, постепенно становятся новыми инструментами нашей психики. По словам известного современного когнитивного психолога М. Фаликман, сегодня цифровые технологии «становятся новыми инструментами нашей психики, новыми инструментами познания, без которых оно уже не развивается. Эти инструменты вырастают в нашу психику»⁸.

В этой связи можно сказать, что сама идея микрообучения, реализуемого с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, в основе которых лежат принципы обучения «здесь и сейчас», внедрённого в повседневную жизнь, небольшими частями с обязательным использованием мотивирующих факторов (например, элементов геймификации), максимально ориентирована на реализацию концепции *lifelong learning* – обучения через всю жизнь и условий, соответствующих требованиям времени в вопросах обучения взрослых.

КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ МИКРООБУЧЕНИЯ И В ЧЁМ ОТЛИЧИЕ ЕГО ОТ ДРУГИХ ФОРМАТОВ ОБУЧЕНИЯ?

В существующих работах по микрообучению довольно подробно рассматриваются структура микрообучения, а также его аналоги, изучаются преимущества и недостатки этого формата. По этой причине в рамках данной статьи мы не будем подробно останавливаться на этих вопросах. Отметим лишь, что в существующих исследованиях микрообучение соотносится, например, с модульной организацией занятий, поскольку составляющие компоненты учебного модуля как автономной части учебного материала соотносятся с компонентами микрообучения и содержат в себе традиционные для модуля дидактические компоненты [1]. Рассматривается также аналогия микрообучения с такими форматами, как *Bite-sized learning* («порционное» обучение), *Nano-learning* (нанообучение), *Subscription learning* (обучение по подписке, абонементное обучение), *Capsule learning* (капсульное, ампульное

⁷ Мир цифры: новые инструменты разума: доклад Марии Фаликман [Электронный ресурс]. URL: https://psy.su/feed/8332/?utm_source=fb&utm_medium=social&utm_campaign=1&fbclid=IwAR1yq3tU6byWmBraljWc5LdJ1hlrIM5A-7OL9YmJWw2FCWpPsBnflqi-0Hs (дата обращения: 05.09.2021).

⁸ Мир цифры: новые инструменты разума: доклад Марии Фаликман [Электронный ресурс]. URL: https://psy.su/feed/8332/?utm_source=fb&utm_medium=social&utm_campaign=1&fbclid=IwAR1yq3tU6byWmBraljWc5LdJ1hlrIM5A-7OL9YmJWw2FCWpPsBnflqi-0Hs (дата обращения: 05.09.2021).

обучение), *Learning nugget* (обучающая крупца), *Learning-on-the-go* (обучение «на ходу») ⁹.

Что касается преимуществ и недостатков этого формата, к преимуществам, как правило, относят учёт психологических аспектов работы с информацией в условиях информационно насыщенной цифровой среды. Подчёркивается, что подача информации малыми порциями в течение небольшого количества времени создаёт **оптимальные условия для концентрации и удержания внимания на материалах курса**. Так, рекомендованное время для формата видеолекции в традиционном электронном учебном курсе обычно составляет 7–10 минут. В формате микрообучения это могут быть 2–3-минутные видеоролики. После чего значимая часть времени затрачивается на отработку практических навыков.

В качестве не менее важного аспекта выделяется **решение задачи интеграции обучения в повседневную жизнь человека** через обеспечение доступности материалов курса из любой точки, где есть интернет (обучение «здесь и сейчас»). Наличие возможностей большинства образовательных платформ устанавливать мобильные версии даёт дополнительные возможности доступа к изучению материалов в удобное время, удобном месте, обеспечивая открытость и мобильность обучения.

Модульность и гибкость обучения также рассматриваются как важное преимущество микрообучения. Микрообучение подразумевает получение знаний в виде небольших блоков, каждый из которых можно изменить, переставить. Таким образом, курс, выстроенный в формате микрообучения, становится более гибким ¹⁰. Исследователи отмечают, что при создании микромодулей уровень сложности контента снижается, но при этом контента должно быть достаточно для правильного и полноценного применения. Единицы контента должны быть самодостаточны, автономны, но также – быть частью чего-то большего: полного курса, обучающего блока или *blended learning* ¹¹. Возможность взаимодействия субъектов образовательного процесса в онлайн- и офлайн-формате, а также структурированность и наглядность учебных материалов и их интерактивность выделяются как значимые факторы микрообучения [2]. В качестве ограничений применения микрообучения чаще всего отмечается оптимальность его применения лишь для несложных в освоении тем, не требующих глубокого и масштабного погружения в теорию вопроса [6; 9].

⁹ Семь преимуществ микрообучения // iSpring : [сайт]. URL: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/microlearning/benefits-of-microlearning> (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁰ Микрообучение: мода или необходимость? [Электронный ресурс] // EduTech. 2016. № 1. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/015/01512aa086df79a8655d3cf8206f7c97.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

¹¹ Семь преимуществ микрообучения // iSpring : [сайт]. URL: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/microlearning/benefits-of-microlearning> (дата обращения: 15.10.2021).

Есть мнение, что формат микрообучения в большей степени привлекателен для студентов цифрового поколения, практически не расстающихся в своей повседневной жизни и учёбе с гаджетами [7]. «Все это согласуется с образовательной моделью *Bring Your Own Device* (“принеси своё собственное устройство”). Обучающиеся могут быстро изучить порцию информации по интересующей их теме в свободное время и сразу применять знания в своей профессиональной деятельности» [цит. по: 7, с. 302].

В то же время, как показывают исследования, взрослые работающие люди также предпочитают искать ответы на возникающие вопросы в интернет-среде и готовы к изучению микрокурсов, размещённых, в том числе, в социальных сетях. Исследования в этой области констатируют, что особенностью развития идеи мирообучения в последние годы стали микрокурсы от специалистов разных областей знаний, размещённые в социальных сетях и ориентированные прежде всего на обучение взрослых [2]. Специалисты открывают свои онлайн-школы или просто предлагают микрокурсы, направленные на решение конкретной проблемы (например, курсы для родителей детей, имеющих логопедические нарушения, решающие конкретную проблему; курсы от преподавателей вузов, предлагающих обучить тому, как написать статьи в высокорейтинговые журналы). В этой связи можно сказать, что микрообучение, реализуемое в онлайн-формате, делает обучение взрослых максимально клиентоориентированным. «Индивидуальные небольшие уроки содержат один измеримый результат обучения, основанный на навыках, некоторую форму цифрового обучения и, по крайней мере, одну быструю оценку» [10].

МИКРООБУЧЕНИЕ В НЕПРЕРЫВНОМ ОБРАЗОВАНИИ ПЕДАГОГА

Как показывает наша практика, микрообучение с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий может успешно решать задачи повышения квалификации педагога. И этот формат максимально соответствует существующим условиям VUCA мира: мира неопределённости, сложности, «изменения изменений», – позволяя быстро реагировать на соответствующие запросы практики, разрабатывать и реализовывать программы, нацеленные на требуемый образовательный результат.

Так, период пандемии 2020 г. показал недостаточную готовность профессорско-преподавательского состава вузов к использованию информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе. Трудности реализации образовательных программ с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий были одним из основных препятствий, с которыми столкнулась образовательная система в этот сложный период. Поэтому обучение педагогов использованию современных образовательных технологий в новых условиях цифрового образо-

вания стало одной из ключевых задач системы непрерывного образования. Необходимо было в кратчайшие сроки обучить педагогов практическим навыкам работы в цифровой среде, находящихся в полном дистанте.

Быстро решить эту задачу и обучить большое количество педагогов позволила реализация программ повышения квалификации в формате микрообучения [8].

Следует отметить, что и рынок мгновенно откликнулся на востребованность формирования цифровых компетенций педагога массовыми предложениями микрокурсов, направленных на обучение недостающим навыкам и практическим умениям. Различные интернет-платформы стали предлагать множество вариантов онлайн-курсов в формате микрообучения. Нужно сказать, что такие курсы имели разный уровень качества как с точки зрения содержания материалов, так и с позиции кадрового обеспечения реализации программ. Однако, как известно, спрос рождает предложение, а выбор всегда остаётся за потребителем образовательной услуги. На наш взгляд, система непрерывного образования вузов значительно выиграла бы в конкурентной борьбе, расширив репертуар предлагаемых образовательных программ, построенных в формате микрообучения.

Практика показала, что наиболее востребованными с точки зрения получения необходимых практических навыков в условиях перехода на дистанционные рельсы стали модули электронных учебных курсов, реализованных в формате микрообучения, когда каждый модуль представляет собой ответ на конкретно поставленный вопрос, решает конкретную дидактическую задачу, даёт практические навыки и проверяет степень достижения образовательного результата. Выбор нескольких модулей в этом случае даёт возможность педагогу выстроить свой собственный индивидуальный образовательный маршрут и оптимально соответствующую его индивидуальным образовательным запросам и восполнению имеющихся профессиональных дефицитов образовательную программу повышения квалификации. В этом случае программа будет отвечать современным требованиям времени и даст именно тот результат, за которым приходят на обучение педагоги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ современных исследований, а также имеющаяся практика обучения педагогов в системе непрерывного образования позволяют сделать вывод, что микрообучение может быть одним из наиболее эффективных форматов обучения в системе непрерывного образования в современных условиях цифрового мира, условиях мира VUCA.

Применение идеи микрообучения для решения задач восполнения профессиональных дефицитов преподавателя может внести вклад в решение

проблемы получения максимально практикоориентированного результата в короткие сроки. Именно эта задача является одной из наиболее приоритетных в быстро меняющихся условиях мира «изменения изменений».

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотухин С. А. Микрообучение как центральная концепция электронного обучения // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). URL: <http://scientific-notes.ru> (дата обращения: 01.10.2021).
2. Ивкина М. И. Микрокурсы в социальных сетях // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 38–39.
3. Крамаренко Н. С. Проблемы «цифровой потребности» и информационной перегруженности обучающихся поколения Z // Педагогика. 2020. № 4. С. 37–42.
4. Крамаренко Н. С. Социокультурная среда цифровой эпохи: от психологических рисков к возможностям развития личности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.10.2021).
5. Крамаренко Н. С. Человеческий фактор в новой экосистеме цифрового образования // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.10.2021). Doi:10.18384/2224-0209-2020-3-1026
6. Монахова Г. А., Монахов Д. Н., Прончев Г. Б. Микрообучение как феномен цифровой трансформации образования // Образование и право. 2020. № 6. С. 299–304.
7. Монахова Г. А., Монахов Д. Н., Прончев Г. Б. Социальные аспекты трансформации российского образования в условиях цифровизации // Образование и право. 2020. № 6. С. 208–214.
8. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? / А. В. Абрамов, В. Э. Багдасарян, С. О. Бышок, С. В. Володенков, Д. Г. Евстафьев, В. Г. Егоров, Н. А. Комлева, Н. С. Крамаренко, А. В. Манойло, О. М. Михайленок, А. И. Петренко, В. Ф. Прокофьев // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 03.10.2021).
9. Gassler G., Hug T., Glahn C. Integrated Micro Learning – An outline of the basic method and first results // Interactive Computer Aided Learning. 2004. URL: https://www.academia.edu/1340127/Integrated_Micro_Learning_An_outline_of_the_basic_method_and_first_results (дата обращения: 03.10.2021).
10. Zhang J., West R. E. Designing Microlearning Instruction for Professional Development Through a Competency Based Approach // TechTrends. 2019. № 64 (2). P. 310–318. DOI: 10.1007/s11528-019-00449-4

REFERENCES

1. Zolotukhin S. A. [Microlearning as a central concept in e-learning]. In: *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic scientific journal of the Kursk State University], 2020, no. 4 (56). Available at: <http://scientific-notes.ru> (accessed: 01.10.2021).
2. Ivkina M. I. [Microcourses on social networks]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2019, no. 3 (76), pp. 38–39.
3. Kramarenko N. S. [Problems of “digital needs” and information overload of generation Z students]. In: *Pedagogika* [Pedagogy], 2020, no. 4, pp. 37–42.
4. Kramarenko N. S. [Sociocultural Environment of the Digital Age: From Psychological Risks to Opportunities for Personality Development]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)], 2016, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 01.10.2021).
5. Kramarenko N. S. [The human factor in the new digital education ecosystem]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 01.10.2021). DOI: 10.18384 / 2224-0209-2020-3-1026)
6. Monakhova G. A., Monakhov D. N., Pronchev G. B. [Microlearning as a phenomenon of digital transformation of education]. In: *Obrazovanie i pravo* [Education & law], 2020, no. 6, pp. 299–304.
7. Monakhova G. A., Monakhov D. N., Pronchev G. B. [Social aspects of the transformation of Russian education in the context of digitalization]. In: *Obrazovanie i pravo* [Education & law], 2020, no. 6, pp. 208–214.
8. Abramov A. V., Bagdasaryan V. E., Byshok S. O., Volodenkov S. V., Evstafiev D. G., Egorov V. G., Komleva N. A., Kramarenko N. S., Manoilo A. V., Mikhailenok O. M., Petrenko A. I., Prokofiev V. F. [Pandemic COVID-19: the end of the familiar world?]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 03.10.2021).
9. Gassler G., Hug T., Glahn C. Integrated Micro Learning – An outline of the basic method and first results. In: *Interactive Computer Aided Learning*, 2004. Available at: https://www.academia.edu/1340127/Integrated_Micro_Learning_An_outline_of_the_basic_method_and_first_results (accessed: 03.10.2021).
10. Zhang J., West R. E. Designing Microlearning Instruction for Professional Development Through a Competency Based Approach. In: *TechTrends*, 2019, no 64 (2), pp. 310–318. DOI: 10.1007/s11528-019-00449-4

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 25.10.2021

Статья размещена на сайте: 22.12.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Крамаренко Наталья Станиславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета; e-mail: contactsnsk@gmail.com

Крюков Евгений Валентинович – кандидат военных наук, доцент, заместитель директора Института цифровых компетенций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; e-mail: EVKryukov@fa.ru

Natalia S. Kramarenko – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof., Department of General and Educational Psychology, Moscow Region State University; e-mail: contactsnsk@gmail.com

Evgeny V. Kryukov – Cand. Sci. (Military sciences), Assoc. Prof., Deputy Director of the Institute of Digital Competence, Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: EVKryukov@fa.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Крамаренко Н. С., Крюков Е. В. Микрообучение в непрерывном образовании педагога в мире VUCA // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Kramarenko N. S., Kryukov E. V. Microlearning in teacher lifelong education in the VUCA world. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81-26

Борисенко Т. В.

Челябинский государственный университет
454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, Российская Федерация

АКТУАЛИЗАЦИЯ СУБКТЕГОРИАЛЬНОГО КОНЦЕПТА МНОГОДЕТНОСТЬ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ особенностей актуализации субкатегориального концепта *многодетность* как элемента категориальной структуры, образованной концептом *семья*.

Процедура и методы. Для выявления признаков концепта *многодетность* и особенностей его актуализации в русскоязычной социальной сети Instagram были использованы лексикографический, описательный методы, методы концептуального анализа и анализа дискурса.

Результаты. Концепт *многодетность* в целом амбивалентен. В Instagram раскрываются его положительные признаки: «любовь», «традиционность», «дети как счастье» и др. Рассматриваемый концепт актуализируется с помощью различных лексических средств (уменьшительно-ласкательные суффиксы, лексические единицы с положительным значением и т. п.) и невербальных элементов (изображение, эмодзи и т. п.).

Теоретическая значимость. В статье приведён пример функционирования субкатегориального концепта, указана его связь с некоторыми другими концептами категории. Внесён вклад также в определение некоторых признаков концепта *многодетность* в сознании носителей русского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

концепт, категориальный концепт, субкатегориальный концепт, многодетность, семья, Instagram

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Субкатегориальный концепт](#)

[Многодетность как субкатегориальный концепт в сознании представителей русской лингвокультуры](#)

[Многодетность в социальной сети Instagram](#)

[Заключение](#)

T. Borisenko

Chelyabinsk State University

129 Brat'ev Kashirinykh ul., Chelyabinsk 454001, Russian Federation

SUBCATEGORIAL CONCEPT *MULTI-CHILD PARENTING* ACTUALIZATION IN RUSSIAN SOCIAL NET INSTAGRAM

ABSTRACT

Aim. To analyze peculiarities of actualization of subcategorical concept *multi-child parenting* which as an element of a conceptual category formed by the concept *family*.

Methodology. Author finds out features of the concept *multi-child parenting* and the ways of its actualization in Russian social net Instagram. Lexicographical, descriptive, conceptual methods and method of discourse analysis are used.

Results. The concept *multi-child parenting* is in general ambivalent. Social net Instagram reveals its positive features such as «love», «traditionalism», «children are happiness», etc. The concept is actualized through lexical (suffixes, words with positive meaning, etc.) and non-verbal (photos, emoji, etc.) elements.

Research implications. The author gives an example of a subcategorical concept functioning. Connection between some concepts of a category is shown. Also the author contributes to the study of concept *multi-child parenting* actualization in Russian native speakers' consciousness.

KEYWORDS

concept, categorial concept, subcategorical concept, family, multi-child parenting, Instagram

ВВЕДЕНИЕ

Многодетность является многомерным явлением, и отношение современного общества к нему неоднозначно. Исследователи отмечают необходимость увеличения количества детей в российской семье для улучшения демографической ситуации в стране [2; 5]. Таким образом, формирование положительного образа многодетной семьи представляется актуальным. Анализ профилей многодетных семей в социальной сети Instagram позволяет получить данные об особенностях актуализации концепта *многодетность*, который является элементом категориальной структуры, образованной концептом *семья*.

СУБКТЕГОРИАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ

Под концептом в статье понимается «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в челове-

ческой психике»¹. Согласно Н. Н. Болдыреву, концепты представляют собой «единицы концептуального содержания, выделяемые человеком с целью последующей передачи их в языковой форме или дальнейшего накопления знаний о мире» [3, с. 18].

В сознании человека концепты организуются вокруг категориального концепта в категориальные структуры.

Категория, по Е. С. Кубряковой, – это «одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию»². Мы определяем категориальный концепт как концепт, лежащий в основе группировки концептов и организующий структуру ментальной категории. На его основе образуется концептуальная категория, состоящая из субкатегориальных концептов – элементов этой категории. Некоторые из них могут образовывать отдельную категорию, становясь при этом категориальными.

Е. С. Кубрякова отмечала наличие нечётких границ между классами (элементами) категорий. Она указывала, что, с одной стороны, единицы категории группируются благодаря наличию какого-то общего свойства, а с другой – каждая единица обладает своим, нетождественным другим свойством [6, с. 99]. Основываясь на рассуждениях Е. С. Кубряковой, мы заключили, что между субкатегориальными концептами также нет тождества, они представляют собой разнородные элементы концептуальной категории, объединённые на основе схожих признаков. Это выражается, в частности, в том, что типы концептов одной категории могут быть различными (фреймы, сценарии, вербальные, невербальные и др.). Кроме того, между субкатегориальными концептами выстраиваются различные типы связей, основанные на близости признаков каждого концепта. Элементы концептуальной категории будут тем ближе друг к другу в структуре категории, чем больше схожих признаков они имеют в содержании.

МНОГОДЕТНОСТЬ КАК СУБКАТЕГОРИАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ В СОЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Согласно ассоциативно-вербальным словарям, реакция *большая* является одной из наиболее частотных на стимул *семья*. В «Русском ассоциативном словаре» (РАС) под редакцией Ю. Н. Караулова указано, что этот ассоциат занимает первое место по частотности и был предложен 82 испытуемыми³. В «Славянском ассоциативном словаре» (САС) под редакцией Н. В. Уфим-

¹ Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Издательство Московского государственного университета, 1997. 245 с. С. 90.

² Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Издательство Московского государственного университета, 1997. С. 45.

³ Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 31.08.2021).

цевой – реакция *большая* (50) находится на втором месте по частотности⁴. Таким образом, можно заключить, что одним из признаков концепта *семья* является «большой размер». Среди реакций на стимул *семья* есть такие лексемы, как *многодетная* (6), *маленькая* (3), *неполная* (2), *полная* (2), *много* (2), *б человек* (1), *из 3-х человек* (1), *из трёх человек* (1), *куча народу* (1), *муж да я* (1)⁵. Такое разнообразие ассоциатов также подчёркивает значимость признака «размер» для концепта *семья* в сознании носителей русского языка. Наличие этих признаков позволяет выделить субкатегориальный концепт *размер* как элемент исследуемой концептуальной категории.

Другой частотный ассоциат – *дети*. В качестве реакции его называли 37 респондентов РАС⁶ и 48 – САС⁷, что позволяет выделить такой признак концепта *семья*, как «ребёнок», а также, соответственно, установить наличие в рассматриваемой концептуальной категории субкатегориального концепта *ребёнок*.

Особенностью субкатегориального концепта *многодетность* является то, что он обладает и признаками концепта *размер*, и признаками концепта *ребёнок*, что можно заключить из внутренней формы лексемы, вербализующей концепт *многодетность*. Данный факт не позволяет считать исследуемый в статье концепт элементом только одной из подкатегорий – *ребёнок* или *размер*, – вследствие чего считаем *многодетность* субкатегориальным концептом обоих вышеупомянутых концептов.

В демографическом понятийном словаре отмечено, что по количеству детей выделяют малодетность (1–2 ребёнка), среднететность (3–4 ребёнка) и многодетность (5 и более детей)⁸. Такой подход отражает научную точку зрения [6]. С юридической точки зрения в России требования к признанию семьи многодетной устанавливаются на региональном уровне⁹. Во многих областях страны семьи с тремя и более несовершеннолетними детьми приравниваются к многодетным¹⁰.

⁴ Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский [Электронный ресурс] / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html> (дата обращения: 28.08.2021).

⁵ Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 31.08.2021).

⁶ Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 31.08.2021).

⁷ Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский [Электронный ресурс] / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html> (дата обращения: 28.08.2021).

⁸ Рыбаковский Л. Л. Демографический понятийный словарь. М.: Центр социального прогнозирования, 2003. 352 с. С. 87.

⁹ Указ Президента РФ от 05.05.1992 № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1254> (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁰ Закон Челябинской области от 09.04.2010 № 548-ЗО «О статусе и дополнительных мерах социальной поддержки многодетной семьи в Челябинской области» // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/>

Вопросам многодетности посвящено немало трудов в области социологии. Н. Н. Ананьева отмечает, что многодетная семья формирует специфическую субкультуру, которая отличается определённой системой ценностей, жизненными установками. Здесь важны родительская мотивация, психологический климат, «стратегии семейного взаимодействия и коммуникации» [1, с. 99]. Исследователь указывает на амбивалентность в отношении общества к многодетной семье. С одной стороны, многодетность представляется средством сохранения традиционных культурных ценностей, с другой – «проявлением маргинальных подходов к организации семейной деятельности» [1, с. 100]. Выводы, сделанные Н. Н. Ананьевой, позволяют предположить наличие амбивалентных признаков концепта *многодетность* – в частности, положительного признака «традиционность» и отрицательного «бедность».

Социологи подчёркивают также многоаспектность многодетности, наличие различных вариантов ценностных ориентаций. Так, например, к причинам многодетности можно отнести:

- запланированное рождение детей;
- рождение детей в связи с изменением жизненных обстоятельств (например, повторный брак);
- рождение детей людьми, ведущими асоциальный образ жизни (родители в таком случае не планируют детей, безответственно относятся к воспитанию);
- рождение детей как следствие возникновения мер экономической поддержки многодетных семей [7, с. 27].

Различные мотивации многодетности ведут к разным подходам в организации внутрисемейных отношений и быта, что, в свою очередь, приводит к амбивалентному, неоднозначному отношению общества к многодетным семьям. В таком случае формирование положительных признаков концепта *многодетность* в сознании людей способствует развитию мотивации к рождению большего количества детей, что основано на культурных и нравственных ценностях.

МНОГОДЕТНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM

Рассмотрим реализацию концепта *многодетность* в сети Instagram. В качестве анализируемого материала использованы профили российских многодетных семей. В поисковой системе сайта вводились такие запросы, как *многодетность, многомама, многопапа, раз мама, раз папа*. Кроме того, во внимание

document/895247773 (дата обращения: 28.08.2021); Закон Московской области от 12.01.2006 № 1/2006-ОЗ «О мерах социальной поддержки семьи и детей в Московской области» // Консорциум Кодекс : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/5812473> (дата обращения: 28.08.2021).

принимались популярные аккаунты многодетных блогеров: Многодетный Папа Лёша, Ирина Kleverina, Анна Мама Пятерых, Ekaterina Pikulina, Мария Анисимова, Оксана Самойлова и Джиган, Irina Gavrilova, Ангелина Соболев.

Концепты актуализируются в национальной системе языка. Так, например, Р. У. Лангакер отмечал, что семантические структуры представляют собой концептуальные структуры, пробуждённые в языковых выражениях [8, р. IX]. В профилях Instagram рассматриваемый концепт вербализуется в авторских комментариях к изображениям, вставках текста внутри изображения, хэштегах, именах аккаунтов, оформлении шапки профиля.

Невербальными средствами актуализации концепта являются stories, фото- и видеоиллюстрации, аватар пользователя.

Имена пользователей чаще всего содержат настоящее имя владельца или его псевдоним. Были отмечены: профили, в названиях которых отражено количество детей – @mamadasha_5, @Oksana_10_raz_mama и др.; имена, подчёркивающие большое количество детей – @mnogopapa_rnd, @mno.go.mama и т. п. Таким образом, в именах профилей реализуются такие признаки концепта *многодетность*, как «большое количество» и «гордость за количество детей». Пользователи, которые выносят в название профиля информацию о том, сколько у них детей, очевидно, хотят подчеркнуть особенность данного факта, привлечь к нему внимание. Выявлено, что женские профили встречаются чаще мужских. В названиях отмечается больше женских имён или присутствие лексемы *мама* (@a.chugunova, @miss_vita_lina, @anna_8_raz_mama), что указывает на наличие признаков «традиционность» и «материнский уход за детьми».

Невербальная актуализация признаков «большое количество» и «гордость за количество детей» проявляется в аватарах. Часть аватаров рассматриваемых профилей содержит фотографии детей или семьи пользователя. В основном они изображают улыбающихся и счастливых людей либо отражают тёплые взаимоотношения между членами семьи. Такие фотографии актуализируют признаки «счастье в семье», «любовь», «тёплые взаимоотношения».

В шапках профилей многодетных родителей подчёркивается наличие большого количества детей, часто ярко выражен признак «гордость». По данному признаку обнаружено несколько вариантов репрезентации:

- во-первых, это гордость за то, что мама или папа воспитывают нескольких детей (*пять раз мама!; 9 EP и 1 ЭКС в 29,6¹¹; я отец пятерых детей из Ростова-на-Дону*);

- во-вторых, гордость за то, что у родителей хорошие дети (*мама трёх замечательных деток*);

- в-третьих, гордость за то, что родитель способен справиться с воспитанием детей (*няни нет, бьюсь сама; ОДНА воспитываю 5-х ДЕТЕЙ; супермама 8 детей*);

¹¹ EP – естественные роды; ЭКС – экстренное кесарево сечение

– в-четвёртых, гордость за то, что у детей небольшая разница в возрасте (за 7 лет 5; 5+ погодки).

На невербальном уровне признак актуализируется путём использования заглавных букв, которые выделяют необходимую информацию, употребления восклицательных знаков и эмодзи с изображениями взрыва, огня, удивления, семьи с несколькими детьми.

Интересно, что в мужских профилях пользователи отмечают себя многодетными, занимаясь воспитанием двух-трёх детей. В женских профилях чаще встречаются семьи с большим количеством детей.

В шапке профиля у некоторых пользователей есть призыв последовать их примеру (*многодетностью заражу*), подчёркивается любовь к своим малышам (*быть многодетной – счастье, а не приговор*). Признак «любовь к детям» актуализируется в эмодзи в виде сердечек, лиц детей, использовании уменьшительно-ласкательных суффиксов (2 *сыночка* и 2 *дочки*; *папа 4 деток*), ласковых форм имён детей (*Любаша*).

Хэштеги многодетных пользователей отличаются положительным настроем, юмористическим отношением к жизни, любовью к детям и семье в целом. Среди наиболее часто встречающихся хэштегов присутствуют такие: *#многодетнейэтовесело*, *#многодетнейэтокруто*, *#многодетнейэтоздорово*, *#многодетностьнепорок*, *#многодетностьэтонормально*. Таким образом, в хэштегах реализуются следующие признаки концепта *многодетность*: «дети как счастье», «положительное отношение к большому количеству детей», «с детьми весело».

Посты Instagram содержат изображения и комментарии пользователя к нему. Соответственно заявленной тематике профилей большая часть исследуемых постов – про детей и многодетную семью. Блогеры нередко акцентируют внимание на размере своих семей в целом, подчёркивая, что у них не только много детей, но и много родственников. В этом проявляется признак «традиционность», отмеченный в исследованиях социологов. В постах представлена жизнь семей: путешествия, занятия детей и их достижения, семейные мероприятия, домашний досуг и быт. Все изображения характеризуются подчёркнуто положительным отношением к детям и семье. Многодетные пользователи нередко обращаются к профессиональным фотографам, используют качественную аппаратуру для подготовки материалов к публикации. Профессиональные фотографии особенно подчёркивают атмосферу любви и заботы, изображают счастливую, иногда идеальную семью.

В постах всех анализируемых многодетных профилей разными способами актуализируется признак «любовь». Он реализуется в изображениях, где люди обнимаются и целуются, в лексических оценках («*самый мой любимый*», «*в тебе все мечты*», «*люблю свою семью безумно*», «*квинтэссенция любви*» и др.), в эмодзи с сердечками и т. п. Отмечается также признак «счастливая жизнь». Он проявляется в изображениях довольных и весёлых людей, в лек-

семах счастливые, весёлые, жизнерадостный, рада и т. п., в эмодзи с изображением праздника.

Ещё одним признаком, реализуемым в рассматриваемом материале, является «временность ситуации». Он проявляется: в постах о быстротечности времени, о том, что дети быстро выросли, в постах о днях рождений, в постах, призывающих наслаждаться временем, проведённым с детьми. Подобные нижеследующим фразы вербализуют этот признак: *«ты больше не мечтаешь о единорогах и драконах»; «а ведь уже полгода он с нами»; «как же время летит»* и др.

Концепт *многодетность* содержит признаки «многофункциональность» и «занятость», которые также есть у концепта *мать* [4]. В постах подчёркивается, что, несмотря на то, работают родители (чаще мамы) или находятся на отдыхе, они постоянно заботятся о семье, занимаются приготовлением пищи, уборкой, стиркой, отводят детей на занятия, делают с ними уроки, проводят различные игры. Многодетный родитель представлен в блогах как менеджер, контролирующий процессы, происходящие в семье. Он *«возит на тренировки / к бабушке», «шьёт брошки», «вяжет платье», «балует заготовочками», «выбирает цвет для дома»* и т. п. Но в контексте многодетных профилей признаки «занятость» и «многофункциональность» представлены в положительном ключе. Авторы подчёркивают тот факт, что им нравится заниматься семейными делами, воспитывать детей и ухаживать за ними, а к возникшим трудностям они относятся легко.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, концепт *многодетность* является элементом концептуальной категории *семья*. Он тесно связан с субкатегориальными концептами *размер* и *ребёнок*, также входящими в данную категорию. *Многодетность* представляет собой амбивалентный концепт и сочетает в себе диаметрально противоположные признаки.

Анализ средств актуализации концепта в социальной сети Instagram показал наличие большого количества положительных признаков, транслируемых авторами аккаунтов. На рассматриваемой платформе выявлено разнообразие средств актуализации концепта, включая невербальные. В них проявляются такие признаки *многодетности*, как «любовь», «традиционность», «счастье в семье», «гордость». А такие признаки, как «занятость» и «многофункциональность», представлены в подчёркнуто положительном ключе.

Из вышесказанного можно заключить, что аккаунты многодетных пользователей Instagram «рекламируют» многодетность и формируют её положительный образ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьева Н. Н. Субкультура многодетной семьи в современном обществе // Вестник славянских культур. 2015. № 3 (37). С. 99–104.
2. Антонов А. И. Перспективы реализации репродуктивных установок российских семей в 2021–2025 гг. (по данным социолого-демографических исследований) // Социология медицины. 2020. Т. 19. № 1. С. 11–17.
3. Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко. Москва, Екатеринбург, 28–30 сентября 2016 г. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 16–25.
4. Борисенко Т. В. Актуализация концепта «материнство» в русском медийном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 4 (450). С. 15–22.
5. Бухтиярова И. Н., Грудина Т. Н. Образ многодетной семьи глазами общественного мнения // Социодинамика. 2017. № 5. С. 108–119.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
7. Феномен многодетности в России: социологический анализ изменений / Г. А. Банных, Е. В. Зайцева, С. Н. Костина, А. И. Кузьмин // Вопросы управления. 2019. № 1 (37). С. 22–36.
8. Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1990. 395 p.

REFERENCES

1. Anan'eva N. N. [Subculture of large family in modern society]. In: *Vestnik slavjanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures], 2015, no. 3 (37), pp. 99–104.
2. Antonov A. I. [Prospects for the implementation of reproductive attitudes in Russian families in 2021–2025 (according to sociological and demographic research)]. In: *Sotsiologiya meditsiny* [Sociology of Medicine], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 11–17.
3. Boldyrev N. N. [Typology of concepts and language interpretation]. In: *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke: materialy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi yubileyu Zasluzhennogo deyatelya nauki RF, doktora filologicheskikh nauk, professora L. G. Babenko, Moskva, Ekaterinburg, 28–30 sentyabrya 2016 g.* [New Russia: traditions and innovations in language and the science of language: materials of reports and messages of the International Scientific Conference dedicated to the anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Prof. L. G. Babenko. Moscow, Yekaterinburg, 28–30 September 2016]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2016, pp. 16–25.

4. Borisenko T. V. [Actualization of the concept of “motherhood” in Russian media discourse]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state university], 2021, no. 4 (450), pp. 15–22.
5. Bukhtiyarova I. N., Grudina T. N. [The image of a large family in public opinion]. In: *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2017, no. 5, pp. 108–119.
6. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to getting knowledge about language: Parts of speech from cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 555 p.
7. Bannykh G. A., Zaitseva E. V., Kostina S. N., Kuz'min A. I. [The phenomenon of having many children in Russia: a sociological analysis of changes]. In: *Voprosy upravleniya* [Management issues], 2019, no. 1 (37), pp. 22–36.
8. Langacker R. W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1990. 395 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 03.09.2021

Статья размещена на сайте: 11.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борисенко Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета; e-mail: tatiana-tv11@yandex.ru

Tatiana V. Borisenko – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of theoretical and applied linguistics, Chelyabinsk State University; e-mail: tatiana-tv11@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Борисенко Т. В. Актуализация субкатегориального концепта *многодетность* в русскоязычной социальной сети Instagram // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Borisenko T. V. Subcategorical concept *multi-child parenting* actualization in Russian social net Instagram. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81.26

Борисова И. В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

Московский городской педагогический университет
129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный пр., д. 4, Российская Федерация

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЯ «АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление лексических и синтаксических средств формирования понятия «американская мечта» и раскрытие их стилистического потенциала.

Процедура и методы. Автором проанализирован контент социальной сети Twitter и сервиса мини-блогов Tumblr за период с 2015 по 2021 гг. При проведении исследования были применены следующие методы: метод сплошной выборки, метод статистического анализа и интерпретации данных, контекстный и дискурсивный анализ.

Результаты. Описаны языковые средства, помогающие раскрыть новые значения и смыслы понятия «американская мечта» по сравнению с теми, которые были заложены в нём на более ранних этапах развития и функционирования американского общества.

Теоретическая и/или практическая значимость. Анализ языковых составляющих понятия «американская мечта» поможет проследить механизмы, с помощью которых современной молодёжи навязывается привлекательность американского образа жизни, и сформировать правильные ориентиры в восприятии американских ценностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дискурс, социальная сеть, блог, ценность, лексическое средство, синтаксическое средство, стилистический приём

СТРУКТУРА

Введение

Понятие «дискурс»: традиции и современность

«Американская мечта» как социокультурный феномен

«Американская мечта» через призму интернет-дискурса

Заключение

I. Borisova

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky Prospect 49, Moscow 125993, Russian Federation*

*Moscow City University
Vtoroy Selskhozajstvenny Proezd 4, 129226 Moscow, Russian Federation*

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTING THE “AMERICAN DREAM” CONCEPT IN THE MODERN ENGLISH-LANGUAGE INTERNET DISCOURSE

ABSTRACT

Aim. To identify lexical and syntactic means of forming the “American dream” concept and to reveal their stylistic potential.

Methodology. The author has analyzed the content of the social network Twitter and the mini-blog service Tumblr from 2015 to 2021. The following methods were used: the continuous sampling method, the method of statistical analysis and data interpretation, contextual and discourse analyses.

Results. The author has described the linguistic means contributing to revealing new meanings of the “American dream” concept, in comparison with those that were embedded in it at earlier stages of American society development.

Research implications. The analysis of linguistic components of the “American dream” concept will help to trace the mechanisms by which the attractiveness of the American way of life is imposed on modern youth and to form the right guidelines in American values perception.

KEYWORDS

discourse, social network, blog, value, lexical means, syntactic means, stylistic device

ВВЕДЕНИЕ

Американская культура неразрывно связана с понятием «американская мечта». Идеи об «американской мечте» рождались и закреплялись в сознании человека ещё до того, как был сформулирован сам термин. Если раньше феномен «американской мечты» находил своё отражение в первую очередь в произведениях искусства, то сегодня всё чаще рассуждения о нём можно встретить в блогах, комментариях, интернет-опросах.

Целью представленного исследования выступают выявление лексических и синтаксических средств формирования понятия «американская мечта» и раскрытие их стилистического потенциала. Для достижения поставленной цели в ходе исследования решались следующие задачи: изучить понятие «дискурс» в историческом аспекте и проанализировать специфику интернет-дискурса; рассмотреть эволюцию феномена «американской мечты» и определить особенности его языковой репрезентации на современном этапе.

Материалом исследования послужил контент социальной сети Twitter и сервиса мини-блогов Tumblr за период с 2015 по 2021 гг. Объективность проведённого исследования обусловлена строгой научностью и адекватностью отбора использованных методов: метода сплошной выборки, метода статистического анализа и интерпретации данных, контекстного и дискурсивного анализа.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения феномена «американской мечты», поскольку его правильное понимание будет способствовать осознанию того влияния, которое оказывает сегодня Америка на политический, идеологический и культурологический мировые ландшафты. Анализ составляющих данного понятия поможет выявить механизмы, с помощью которых современной молодёжи навязывается привлекательность американского образа жизни, сформировать правильные ориентиры в восприятии американских ценностей, а также, в более отдалённой перспективе, разработать стратегии и тактики сохранения в этих условиях своей собственной идентичности. Необходимость подробного анализа языковой репрезентации «американской мечты» именно в интернет-пространстве обусловлена тем, что интернет сегодня является некоей экспериментальной площадкой, которая предоставляет неограниченные возможности для самовыражения, различного рода словотворчества, независимых дискуссий. Интернет-контент становится для молодого человека той платформой, на которой формируются его мнения, обогащается его языковая личность и в конечном итоге выкристаллизовывается его мировоззрение.

ПОНЯТИЕ «ДИСКУРС»: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Термин «дискурс» сегодня принято связывать с различными областями знаний, он широко используется в научных сообществах и является одним из важнейших «инструментов» лингвистов, политологов, социологов, языковедов, психологов и литературоведов. До сих пор научное сообщество не выработало единого общепринятого определения данного явления. Из всего многообразия его трактовок приведём лишь некоторые, наиболее созвучные нашему пониманию этого аспекта действительности.

Нидерландский лингвист, теоретик дискурса и дискурсивного анализа Т. Ван Дейк пишет: «Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [19, с. 11]. Французский лингвист Эмиль Бенвенист, занимавшийся общей теорией языка, в работе «Общая лингвистика» отмечает, что дискурс – это прежде всего «речь,

присваиваемая говорящим, в противоположность “повествованию”, которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания» [2, с. 201]. Согласно утверждению советского лингвиста Н. Д. Арутюновой, «дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)»¹.

Таким образом, основываясь на утверждениях выше процитированных авторов, а также принимая во внимание положения, отражённые в работах современных российских [1; 5; 6; 7; 13] и зарубежных [18; 20; 25; 26; 27] учёных, можно выделить несколько наиболее значимых характеристик дискурса:

1. дискурс отражает коммуникативный процесс;
2. дискурс – связный текст в совокупности с различными экстралингвистическими факторами;
3. дискурс – речь;
4. дискурс нельзя отделять от конкретного коммуниканта;
5. дискурс имеет как вербальные, так и невербальные характеристики;
6. в дискурс необходимо включать контекст.

За годы существования интернета сформировался особый тип дискурса – интернет-дискурс. В 2003 г. вышла монография Дэвида Кристалла «Language and the Internet», в которой учёный подробно анализирует интернет-пространство с точки зрения не только лингвистики, но и семиотики, семантики и даже психологии. Он выявляет лингвистические характеристики, присущие данному типу дискурса:

1. обилие аббревиатур. Они могут зашифровывать не только фразы, как, например, *tnx, sc, bbl (thanks, stay cool, be back later)*, но и целые предложения: *AYSOS (Are you stupid or something?)*;
2. появление особых неологизмов за счёт совмещения нескольких отдельных слов: *webcam, click-and-buy*;
3. отличительную графологию. Например, произвольное использование заглавных букв: *WOW!*;
4. особое правописание. Можно выделить увеличение количества гласных, если сообщение несёт эмоциональный характер: *уаааау*;
5. пунктуацию, отражающую эмоциональный фон сообщения. Так, например, если после сообщения стоит знак «...», это может иметь негативную коннотацию, отказ от продолжения разговора [17, с. 85–92].

Важным аспектом деятельности пользователей в интернете является их активное участие в социальных сетях и виртуальных сообществах. Суще-

¹ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

ет множество классификаций форм социального взаимодействия в интернет-пространстве. Так, например, Армстронг и Хэгел различают четыре типа сообществ:

1. сообщества транзакций;
2. сообщества интересов;
3. сообщества фантазий;
4. сообщества взаимоотношений [16, с. 132].

Комито делит сообщества по типу взаимоотношений внутри них:

1. моральные сообщества;
2. нормативные сообщества;
3. ближайшие сообщества [22, с. 116].

К сожалению, в рамках одной статьи не представляется возможным упомянуть и проанализировать другие оригинальные классификации, представленные в многочисленных публикациях, посвящённых этому вопросу [4; 11; 12; 21; 23; 24]. Однако богатство и разнообразие типологизации форм интернет-взаимодействия дают основание сделать вывод, что интернет-дискурс обладает целой палитрой характеристик, не свойственных какому-либо другому типу дискурса. Глобальный характер этого феномена, отсутствие географических и временных ограничений, возможная анонимность и практически неограниченная свобода самовыражения дают шанс человеку из любой точки земного шара стать частью виртуального пространства, высказать своё представление о действительности, вступить в интерактивную дискуссию и тем самым внести свою лепту в формирование контента, используемого учёными различных направлений для проведения исследований в синхроническом и диахроническом аспектах.

«АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Зарождение понятия «американская мечта» принято связывать с англо-протестантской культурой XVII в., а точнее, с высадкой в 1620 г. в Новом Свете пассажиров корабля «Мэйфлауер», которые покинули Англию в поисках религиозной свободы. Именно тогда были заложены базовые для «американской мечты» принципы: принцип самореализации (создание своей колонии) и принцип свободы (в данном случае – религиозной).

Следующим шагом к внедрению «американской мечты» в национальное самосознание стала Декларация независимости Соединённых Штатов Америки, принятая в июле 1776 г. единогласным решением тринадцати штатов. Несмотря на то, что Декларация независимости являла собой политический документ, необходимый для легитимного обоснования свободы от английского правления, в ней чётко прослеживались национальные идеи о равенстве в обществе. Кроме того, в самом начале Декларации говорится о том, что абсолютно каждый человек имеет право на счастье: «We hold these Truths

to be self-evident, that all Men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty and the Pursuit of Happiness...» [15]. В таком утопическом представлении о счастье каждый гражданин мог найти что-то конкретно для себя: для одного – это свой дом, счастливая семья и хлеб на столе, для другого – создание своего собственного дела. Таким образом, благодаря Декларации независимости в американском менталитете зародилась идея о собственной уникальности, связанной со становлением свободного общества.

Основные принципы Декларации независимости нашли своё продолжение в Конституции США 1778 г. и Билле о правах 1791 г. О закреплении идеи свободного общества и дальнейшей эволюции понятия «американская мечта» свидетельствует то, что во всех государственных документах был сделан акцент на незыблемость закона, приоритетом которого является народовластие. Все действия правительства в США должны были совершаться с учётом желаний граждан и не ограничивать их свободы ни в одной жизненной сфере.

1930-е гг. в США – годы Великой депрессии, связанные с тяжёлой экономической ситуацией в стране. Безработица, нищета и отсутствие видимых перспектив в обозримом будущем вызвали разочарование и упаднические настроения в обществе. Последствия экономического кризиса деформировали восприятие «американской мечты» в национальном самосознании. На первый план вышла идея не быстрого успеха и славы, а экономической и финансовой стабильности на родине. Джеймс Адамс отмечает, что Америка проходит этап кризиса и деградации: «Когда мы сравниваем Америку тридцатых годов с Америкой 1912 года, создается впечатление, что мы сделали большой шаг назад» [14, p. 416].

Адамс убеждён, что проблема «американской мечты» на данном этапе заключается в преобладании индивидуалистической направленности её интерпретации. По его мнению, стране необходимо отказаться от слепого поклонения капитализму, вернуть первоначальное коллективное восприятие этого понятия. Однако он не отрицает, что в свете актуальных событий достичь данной цели может быть непросто: «Если мы хотим, чтобы мечта сбылась, мы должны работать вместе, не строить больше, а строить лучше. Существует время для количества и время для качества». [14, p. 411].

Тем не менее, анализируя историю Америки и современную ему действительность, учёный делает вывод, что надежда на «американскую мечту», которая должна стать опорой для людей в эти трудные времена и принести облегчение всему обществу, всё ещё жива. «Дело в том, что, если мы хотим иметь богатую и полноценную жизнь, в которой все должны делиться и играть свою роль, если американской мечте суждено стать реальностью, наша общая духовная и интеллектуальная жизнь должна быть значительно выше, чем в других странах, где классы и груп-

пы имеют свои отдельные интересы, привычки, биржи, искусство и жизнь» [14, р. 470].

К сожалению, оптимистические настроения Адамса так и не сумели до конца закрепиться в общественном сознании. Вторая мировая война на несколько лет «захватила» сознание американца: все события рассматривались исключительно в милитаристическом контексте. Вместе с тем важно отметить, что именно военное время произвело радикальные изменения в восприятии «американской мечты» женщинами. Поскольку практически все мужчины подлежали мобилизации, женщинам пришлось занять их места на заводах и фабриках. Право женщины на труд всколыхнуло первую значимую волну феминизма в Соединённых Штатах. Для большинства женщин это стало «новой версией американской мечты»: если раньше пределом мечтаний было удачно выйти замуж и создать счастливую семью, теперь акцент сместился на поиски работы, которая давала возможность обрести финансовую свободу.

В послевоенное время «американская мечта» снова претерпела изменения. Появилось стремление вести «идеальный» американский образ жизни: иметь и постоянную работу, и большой дом в пригороде, и счастливую семью. В данном контексте уместно было бы отметить, что Голливуд также вносил свою лепту в закрепление такого идеала в сознании американцев.

Война во Вьетнаме стала одним из наиболее резонансных событий конца 1960-х – начала 1970-х гг. Страну охватила волна протестов. Ужасы Второй мировой войны ещё не были забыты, и американский народ не был готов снова пережить подобное. Сложившаяся ситуация «подкорректировала» «американскую мечту»: большинство людей видели свободу прежде всего в возможности жить в мире без войны, которую может предоставить некий гуманный политик.

«Американская мечта» 1990-х гг. представляла собой феномен, неразрывно связанный с технологическим прогрессом. Персональные компьютеры, первые сотовые телефоны, телевизоры, видеоигры и другие технические достижения выступали наглядным мерилем успеха. Т. е. «американская мечта» постепенно утрачивала свой эфемерный образ и становилась гораздо более приземлённой.

После трагедии 11 сентября 2001 г. лейтмотивом «американской мечты» на какое-то время стал патриотизм, сплотивший народ вне зависимости от религиозных убеждений, расы, возраста, политических взглядов в борьбе против общего врага – международного терроризма.

Современную «американскую мечту» определить в нескольких словах достаточно сложно. Безусловно, пандемия COVID-19, обрушившаяся на мир в начале 2020 г., следствием которой стали карантины, закрытие границ, сворачивание малого бизнеса и безработица, наложила свой отпечаток на восприятие «американской мечты». Оказалось, что для достижения идеала

недостаточно упорно трудиться, иногда внешние обстоятельства оказываются сильнее, что делает невозможным абстрагирование от некоей непреодолимой силы.

Таким образом, проанализировав понятие «американской мечты» в историческом контексте, мы проследили, как эволюционировало данное понятие с течением времени, какие знаковые события влияли на формирование национального самосознания американцев и какие новые смыслы понятие «американской мечты» обретало на каждом этапе формирования американской нации.

«АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Последнее десятилетие отмечено особой активностью интернет-пользователей в социальных сетях. Помимо простой загрузки блогов, комментариев и видео сайты социальных сетей предлагают уникальную возможность обмениваться идеями и мнениями по самым разнообразным вопросам. Сегодня социальная сеть – виртуальное пространство для самовыражения, общения, отдыха и даже работы. Поскольку невозможно контролировать и подвергать фильтрации всё содержимое в виртуальном пространстве, социальные сети и блоги становятся основной платформой для выражения актуальных идей и неформального обмена мнениями. Именно в этой связи их можно рассматривать как наиболее репрезентативный контент для различного рода исследований в современном обществе. Языковые исследования не являются исключением. Многие лингвисты сходятся во мнении, что интернет-пользователи общаются посредством нового типа речи – устно-письменного [8; 9; 10]. Этот «гибридный» тип отличается своей непредсказуемостью и экспериментальностью, тенденциями к окказиональному словообразованию, не связан жёсткими языковыми нормами [3].

Всё вышеизложенное стало для нас стимулом обратиться именно к интернет-дискурсу в поисках новых смыслов понятия «американская мечта». Открытость, анонимность, креативность этого дискурса дают возможность выявить истинную картину, которая предстаёт в сознании современного человека при упоминании данного понятия.

Одной из самых популярных англоязычных социальных сетей является Twitter. Её используют для транслирования собственных идей многие публичные личности, например, Барак Обама, Ким Кардашьян, Бритни Спирс. Важной особенностью данной социальной сети является ограничение количества используемых символов при написании. Необходимость «сжимать» свою мысль до 140 символов делает сообщения точными и лаконичными. Tumblr – это сетевой сервис, который позволяет выкладывать текстовые сообщения, фотографии, видеозаписи и анимированные картинки .gif, а также даёт возможность легко «перепостить» чужой контент. В ходе исследования

было проанализировано 187 публикаций из данных интернет-источников под «тегом» «American Dream» за период 2015–2021 гг., отнесённых модераторами к разделу «популярное».

Прежде всего обратимся к лексическим средствам репрезентации феномена «американской мечты». Нашей задачей было выявить наиболее частотные лексические единицы, которые ассоциируются у интернет-пользователей с данным понятием. В ходе анализа было установлено, что чаще всего в обозначенном контексте употребляется слово «*promise*» в значениях «обещание», «обещать» (26 примеров). Рассмотрим некоторые из них:

«The American Dream also offers the *promise* that the circumstances of someone's birth – including whether they were born American citizens or immigrants – do not completely determine their future»². В приведённом примере глагол «обещать» формирует положительный настрой относительно «американской мечты», которая, вне зависимости от места рождения человека, в Америке сделает его счастливым в будущем. Таким образом, подчёркивается идея равных возможностей для всех, кто является «частью американской действительности».

Возьмём ещё один пример:

«It's not the end of the world but when the *promise* of the American Dream is shattered, it hurts»³.

В данной публикации автор подчёркивает, что крушение «американской мечты» само по себе не является концом света, однако ощущение этого, безусловно, причиняет боль. Из данного высказывания следует, что, во-первых, «американская мечта» постепенно разрушается и что, во-вторых, процесс этот является достаточно болезненным для американцев, поскольку данное понятие всегда казалось незыблемым и представляло собой одну из духовных скреп нации.

Достаточно большое количество публикаций (21) включают в себя лексическую единицу «*to be over*» (*заканчивать, заканчиваться*).

Пожалуй, одним из наиболее ярких примеров использования данного выражения является следующее высказывание:

«...I think the American dream *is over*. America *is over*»⁴.

Для автора крушение «американской мечты» равносильно крушению самой державы, из чего можно сделать вывод, что феномен «американской мечты» до сих пор является основополагающим для Соединённых Штатов.

«The American dream *is over* and now it is a nightmare, according to official data, more than 50 million people, including 17 million children, live in extreme

² Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twitter.com> (дата обращения: 15.07.2021).

³ Там же.

⁴ Там же.

poverty and suffer from malnutrition due to lack of food, the genocidal empire is in decline»⁵.

Здесь автор, обыгрывая два значения слова «*dream*» (*мечта; сон*), утверждает, что «американская мечта» превратилась в «ночной кошмар»: бедность, недоедание, геноцид – всё демонстрирует не сбывшиеся радужные мечты, а, напротив, упадок империи.

Обратимся к глаголу «*restore*», который в интересующем нас контексте используется в значениях «*восстанавливать*», «*возвращать*» (18 раз):

«We face great challenges as a country right now. To recover, we must *restore* the American dream – a society where each person can rise to their potential and dream even bigger for their children»⁶.

В данной публикации автор рассуждает о том, что «американская мечта» нуждается в восстановлении, существует необходимость обновления «американской мечты». Т. е. сложности, которые испытывает общество, обусловлены именно отказом от идеалов «американской мечты»: раскрыть потенциал каждого человека и дать ещё большие возможности его детям.

В следующем примере разрушение американской мечты ассоциируется с антиамериканской политикой. Разрушитель американской мечты (в данном контексте вина возлагается на Байдена) представляется врагом нации:

«*Restore the American Dream... Biden has made himself an enemy of the State with his Anti-American policies that have destroyed, disrupted over 130,000 families*»⁷.

Относительно часто встречается также выражение «*pyramid scheme*» в значении «финансовая пирамида» (6 примеров). Проанализируем один из них:

«The American dream is just a *pyramid scheme*, only the few at the top benefit from it. The vast majority are kept in line by the promise that one day it might be them»⁸.

Выражение «пирамида» указывает на то, что феномен «американской мечты» – экономически выгодная государству политика, призывающая человека упорно трудиться с надеждой на то, что когда-нибудь он сможет достичь успеха. Однако для автора очевидно, что вероятность этого крайне мала. И само сравнение «американской мечты» с пирамидой подчёркивает скептическое отношение автора к возможности её достижения.

Интересно отметить, что в контексте обсуждения «американской мечты» было выявлено неоднократное цитирование фразы известного американского комика Джорджа Карлина (5 раз):

⁵ Tumblr [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tumblr.com> (дата обращения: 15.07.2021).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

«The reason they call it the American *Dream* is because you have to be asleep to believe it».

Здесь опять прослеживается явная игра слов «сон» и «мечта». Ирония заключается именно в том, что авторы, как и сам Карлин, используют слово «*dream*» в значении «сон», подчёркивая несбыточность мечтаний американца.

При описании «американской мечты» были выделены также следующие лексические единицы, которые контекстуально наиболее ярко демонстрировали отношение интернет-коммуникантов к образу «американской мечты»: *minimum wage* (минимальная зарплата) – 5 раз, *class inequality* (классовое неравенство) – 4 раза, *unsafe* (небезопасный) – 3 раза, *meet ends* (сводить концы с концами) – 2 раза, *grift* (мошенничество) – 2 раза, *troubled history* (беспокойная история) – 1 раз, *willful ignorance* (умышленное невежество) – 1 раз, *unalienable rights* (неотчуждаемые права) – 1 раз. В графическом изображении наиболее частотные лексические единицы могут быть представлены следующим образом (рис. 1):

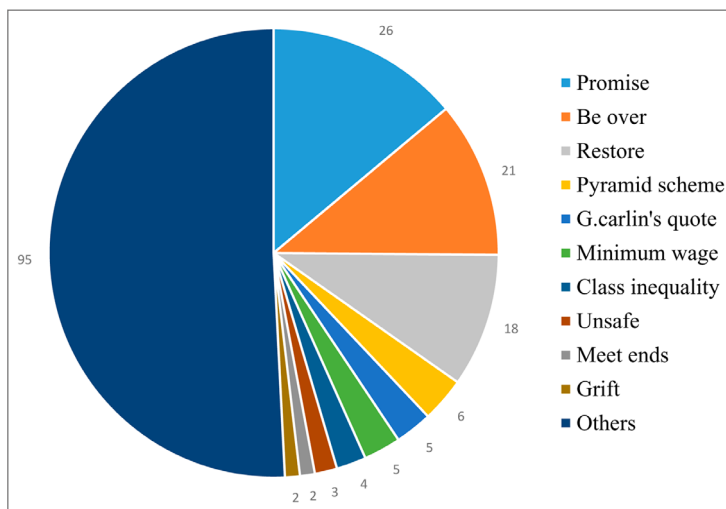

Рис. 1 / Fig. 1. Частотность лексических единиц / Frequency of lexical units

Источник: Составлено автором по источникам Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twitter.com>; Tumblr [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tumblr.com>

В результате аналитического разбора англоязычных публикаций мы пришли к выводу, что сегодня феномен «американской мечты» освещается пользователями чаще в негативном контексте. Очевидно, это обусловлено политическими и экономическими проблемами, которые приводят к крушениям идеалов и обостряют чувство неудовлетворённости своей жизнью. В рассуждениях пользователей социальных сетей чувствуется ностальгия по

тому времени, когда «американская мечта» являлась национальной идеей, сплачивала нацию, вселяла веру в равные возможности и светлое будущее для каждого американца. Однако сегодняшние «вызовы», стоящие перед американским обществом, внушают сомнения в возможности восстановления этой концептуальной составляющей американской идеологии.

Далее обратимся к синтаксическим конструкциям, которые были выявлены при анализе найденных примеров.

«Do you know what the real opiate of the masses is? The American Dream. It keeps us docile, heads down, convinced that maybe, just maybe, if we work hard enough, we'll come into our fortune. But do you know who makes up the great bulk of multi-millionaires and billionaires in America? Children of multi-millionaires and billionaires whose parents and grandparents were multi-millionaires and billionaires»⁹.

Автор данной публикации сравнивает «американскую мечту» с наркотиком, заставляющим жителей США продолжать усердно работать. Но едва ли это даст им возможность заработать миллионы и миллиарды. Только дети мультимиллионеров и миллиардеров будут наслаждаться такими богатствами. В анализируемом отрывке мы видим два вопросительных предложения. Причём сам автор даёт на них ответы, которые по большому счёту известны всем. Употребление вопросительных предложений придаёт отрывку большую экспрессивность, привлекает внимание читателя к обсуждаемой проблеме. В то же время автор апеллирует к «американской мечте» как к чему-то общеизвестному, являющемуся одним из ключевых понятий в национальном менталитете.

Следующий пример также начинается с вопроса:

«Fooled by Hollywood movies promise of American Dream? ... Whatever they are, these kinds of people will always exist regardless of what country in topic...»¹⁰.

Этот отрывок взят из рассуждений о многочисленных иммигрантах, приезжающих в Америку в поисках лучшей доли. В вопросе содержится ироничный оттенок: можно ли верить сказочным историям, представляющим Америку как страну, где сбываются мечты, которые безостановочно «штампует» Голливуд? Едва ли, тем не менее, в любой стране находятся люди, которые заморожены магией «американской мечты» и не хотят расставаться со своими иллюзиями.

Восклицательные предложения также дают возможность интернет-коммуникантам нагляднее выразить своё отношение к исследуемому нами феномену. Например:

⁹ Tumblr [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tumblr.com> (дата обращения: 15.07.2021).

¹⁰ Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twitter.com> (дата обращения: 15.07.2021).

«Freedom surrendered is rarely reclaimed. It's time to restore our way of life, rebuild our economy, and renew the American dream. Keep calm and defend freedom!»¹¹.

В этом довольно пафосном высказывании автор связывает возрождение «американской мечты» с понятием свободы, привычным для американского образа жизни. Призывая сохранять спокойствие, он демонстрирует веру в незыблемость исконных устоев американского общества, которые являют собой те основы, на которых зиждется традиционное понимание успешного развития нации.

В следующем примере мы видим употребление повелительного наклонения:

«...people and unity will build the destiny and future of the country, will strengthen the internal cohesion and hope for a better future of the country, let's build the American dream together, let's build a people's government together, let's build history together»¹².

Побудительный мотив прослеживается рефреном по отношению к созданию «американской мечты», народного правительства и самой истории страны. Таким образом, автор проводит параллели между «американской мечтой» и властью народа, который сам творит свою историю.

Далее обратимся к тем примерам, в которых лексические и синтаксические выразительные средства наиболее наглядно раскрывали свой стилистический потенциал. Частыми являются в высказываниях об «американской мечте» метафорические мотивы:

«The American Dream is a lie... a trap»¹³.

«Американская мечта» представляется автору ловушкой. Из чего следует, что образ счастливой и успешной жизни в «самой свободной стране мира», навязанный американскими средствами массовой информации, давно уже является частью государственной пропаганды и не имеет ничего общего с действительностью, с которой ежедневно сталкиваются простые американцы.

Ещё одним примером употребления метафоры служит следующее высказывание:

«...the "American Dream" is a myth from the beginning itself»¹⁴.

Здесь автор сравнивает «американскую мечту» с мифом. Как известно, миф – это определённое повествование, передающее представление людей о мире, его происхождении и об их месте в нём. Таким образом, в этом примере имплицитно заложена такая мысль, что «американская мечта» – это идея, с самого начала сконструированная самими людьми, воплощение их

¹¹ Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twitter.com> (дата обращения: 15.07.2021).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Tumblr [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tumblr.com> (дата обращения: 15.07.2021).

ожиданий, надежд и чаяний, нечто, созданное искусственно. И действительно, история многих поколений американцев продемонстрировала, что «американская мечта», как правило, воплощается в жизни лишь тех, кто стоит на самой вершине социальной лестницы. Остальные же всю жизнь вынуждены довольствоваться лишь эфемерной возможностью прикоснуться к чужому успеху.

Кроме того, в ходе анализа публикаций в интернет-дискурсе нами было выявлено использование антитезы – резкого противопоставления каких-либо понятий, идей, образов, состояний:

«I have spent my life judging the distance between American reality and the American dream»¹⁵.

В данной публикации автор апеллирует к оппозиции «американская мечта» – американская реальность. Он уверен, что эти два понятия разделяет целая пропасть. Идеалы, первоначально заложенные в понятие «американская мечта» (свобода, равенство, счастливая жизнь для каждого), кажутся практически недостижимыми в контексте тех социальных проблем, которые ощущают на себе простые американцы.

В следующем примере использовано олицетворение:

«The American dream died in the last fixed election. The American dream is now fantasy and dead, more like an American nightmare you're living now»¹⁶.

Автор констатирует не что иное как смерть «американской мечты». Если до определённого момента она виделась ему живым, цветущим организмом, то теперь это – что-то отмершее, рудиментарное, ненужное, неестественное в мире ужаса и кошмара.

Таким образом, используя различные стилистические приёмы, авторы публикаций не только выражают своё отношение к самому феномену «американской мечты», но и констатируют трансформации, происходящие с этим понятием в свете актуальных событий в стране и в мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

1. современный интернет-дискурс представляет широкое поле для исследований. Специфика дискурса виртуального пространства позволяет отследить языковую репрезентацию того или иного феномена в самых разнообразных вариантах;
2. «американская мечта» – явление, которое занимает особое место в социокультурной и исторической парадигме США. Трансформация этого понятия была неразрывно связана со знаковыми событиями в истории страны;

¹⁵ Tumblr [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tumblr.com> (дата обращения: 15.07.2021).

¹⁶ Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twitter.com> (дата обращения: 15.07.2021).

3. на сегодняшний день в условиях процессов глобализации и интеграции чётко сформулировать все аспекты данного понятия достаточно проблематично из-за динамичности тех процессов, которые происходят не только в США, но и во всём мире;

4. понятие «американская мечта» используется правящими кругами в целях консолидации общества и сохранения существующих устоев;

5. интернет-коммуниканты в англоязычном дискурсе достаточно часто обращаются к данному понятию в различных контекстах. Оно не только рассматривается в историческом ракурсе, но и проецируется на сегодняшние актуальные проблемы. Это – предмет непрекращающихся обсуждений и споров в интернет-пространстве;

6. в языковом плане понятие «американская мечта» представлено различными средствами: употреблением специфической лексики, особой синтаксической выразительностью, стилистически экспрессивной организацией мысли;

7. языковые средства репрезентации данного понятия помогают отследить флуктуации первоначально заложенных в нём смыслов. Являясь одним из наиболее важных составляющих менталитета американской нации, «американская мечта» постепенно утрачивает свой сакральный смысл, подвергается критике, употребляется в ироническом контексте.

В качестве дальнейших направлений исследований можно предложить расширение базы изучаемых материалов за счёт включения в неё контента других социальных сетей и прочих сегментов медиадискурса; можно также проанализировать отношение русскоязычных пользователей к феномену «американской мечты», проследить различия в отношении интернет-аудитории к данному понятию в зависимости от возраста, пола, геолокации и прочих факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабас Н. Н. Влияние процесса глобализации на расширении словарного состава французского языка // Общество – язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке : тезисы докладов Девятой Международной научно-практической конференции, Москва, 26 ноября 2014 г. М.: Московский финансово-экономический институт, 2014. С. 29–30.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под. ред. Ю. С. Степанова; пер. с фр. Ю. Н. Караулова, В. П. Мурат, И. В. Барышевой, И. Н. Мельниковой. М.: УРСС, 2002. 448 с.
3. Борисова И. В. Современные тенденции процесса окказионального словообразования в Интернет-общении // Litera (электронный журнал). 2018. № 3. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_27160.html (дата обращения: 12.08.2021). DOI: 10.25136/2409-8698.2018.3.27160

4. Бубнов А. Ю. Идеологическая карта российского сегмента интернета (на примере классификации националистических сообществ в социальных сетях) // Система ценностей современного общества. 2015. № 41. С. 108–112.
5. Горностаева А. А. Предвыборный политический дискурс США 2016 и России 2018: сопоставительный аспект // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 12.08.2021). DOI:10.18384/2224-0209-2018-3-908
6. Зеленовская А. В. Понятия «Компьютерный дискурс», «Интернет-дискурс», «Виртуальный дискурс» // Язык и культура. 2014. № 12. С. 17–21.
7. Карасик В. И. Дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 3–4. С. 147–148.
8. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
9. Лейчик В. М. Смена стилистической системы в современном русском языке // Избранные аспекты изучения русского языка и литературы / под ред. А. Маркуна. Познань, 1998. С. 71–76.
10. Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 11. С. 58–65.
11. Мельникова М. А. Интернет-коммуникация в профессиональных авиационных сообществах // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2015. № 215. С. 127–132.
12. Чванова М. С., Анурьева М. С., Киселева И. А. Новые формы социализации студенческой молодежи в интернет-пространстве // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. № 6. С. 32–40.
13. Чекунова М. А. Политические интернет-коммуникации в современном общественном дискурсе: проблема контекстуализации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 12.08.2021). DOI:10.18384/2224-0209-2017-4-839
14. Adams J. The Epic of America. Boston: Little, Brown and Company, 1931. 443 p.
15. America's Founding Documents, Declaration of Independence: A Transcription // National Archives : [сайт]. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript> (дата обращения: 15.08.2021).
16. Armstrong A., Hagel J. The Real Value of Online Communities // Harvard Business Review. 1996. Vol. 74. № 5. P. 134–141.
17. Chrystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 257 p.
18. Contreras-Garcia L., Velasco D. Interfaces in Functional Discourse Grammar. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. 446 p.
19. Dijk T. A. Discourse as structure and process // Sage. 1997. Vol. 1. № 1. P. 9–15.

20. Fülöp E. Fictionality, Factuality, and Reflexivity Across Discourses and Media. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. 266 p.
21. Graham D. An Internet in Your Head. A New Paradigm for How the Brain Works. New York: Columbia University Press, 2021. 421 p.
22. Komito L. Electronic communities in an information society: Paradise, mirage, or malaise? // Journal of Documentation. 2001. № 57 (1). P. 115–129.
23. Lord G. Review of Computer-Mediated Communication: Human-to-Human Communication Across the Internet // Language Learning & Technology. 2003. Vol. 7. № 3. P. 30–33.
24. Richards C. Hypermedia, internet communication, and the challenge of redefining literacy in the electronic age // Language Learning & Technology. 2000. Vol. 4. № 2. P. 54–71.
25. Salerno D. A semiotic theory of memory: between movement and form // Semiotica. 2021. Vol. 1. № 241. P. 87–119.
26. Seržant I. Typology of partitives // Linguistics. 2021. Vol. 59. № 4. P. 881–947.
27. Varma S. Strategies and Leadership Values in Obama's Apology Discourse // Open Linguistics. 2020. Vol. 6. № 1. P. 463–481.

REFERENCES

1. Balabas N. N. [The influence of the globalization process on the expansion of the vocabulary of the French language]. In: *Obshchestvo – yazyk – kultura: aktual'nye problemy vzaimodeystviya v XXI veke : tezisy dokladov Devyatoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 26 noyabrya 2014 g.* [Society – language – culture: topical problems of interaction in the XXI century : abstracts of the Ninth International Scientific and Practical Conference, Moscow, 26 November, 2014]. Moscow, Moscow Institute of Finance and Economics Publ., 2014, pp. 29–30.
2. Benveniste Я. Problemy de linguistique gýnnirale (Rus. ed.: Karaulov Yu. N., Murat V. P., Baryshev I. V., Melnikova I. N., transl. *Obshchaya lingvistika*. Moscow, URSS Publ., 2002. 448 p.).
3. Borisova I. V. [Modern trends in the process of occasional word formation in Internet communication]. In: *Litera (elektronnyi zhurnal)* [Litera (electronic journal)], 2018, no 3. Available at: http://e-notabene.ru/fil/article_27160.html (accessed: 12.08.2021). DOI: 10.25136/2409-8698.2018.3.27160
4. Bubnov A. Yu. [Ideological map of the Russian segment of the Internet (based on the classification of nationalist communities in social networks)]. In: *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva* [The value system of modern society], 2015, no. 41, pp. 108–112.
5. Gornostaeva A. A. [Pre-election political discourse of the United States 2016 and Russia 2018: comparative aspect]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 12.08.2021). DOI:10.18384/2224-0209-2018-3-908

6. Zelenovskaya A. V. [The concepts of "Computer discourse", "Internet discourse", "Virtual discourse"]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 2014, no. 12, pp. 17–21.
7. Karasik V. I. [Discourse]. In: *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 2015, no. 3-4 (20-21), pp. 147–148.
8. Krongauz M. A. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Languages of Slavic cultures Publ., 2008. 232 p.
9. Leichik V. M. *Smena stilisticheskoi sistemy v sovremennom russkom yazyke* [Change of the stylistic system in modern Russian]. In: Markunas A., ed. *Izbrannye aspekty izucheniya russkogo yazyka i literatury* [Selected aspects of the study of the Russian language and literature]. Poznan, 1998, pp. 71–76.
10. Lutovinova O. V. [Internet as a new "oral-written" communication system]. In: *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2008, no. 11 (71), pp. 58–65.
11. Mel'nikova M. A. [Internet communication in professional aviation communities]. In: *Nauchnyi vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoi aviatsii* [The Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation], 2015, no. 215 (5), pp. 127–132.
12. Chvanova M. S., Anur'eva M. S., Kiseleva I. A. [New forms of socialization of student youth in the Internet space]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 32–40.
13. Chekunova M. A. [Political online communication in the contemporary public discourse: the problem of contextualization]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2017, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 12.08.2021). DOI:10.18384/2224-0209-2017-4-839
14. Adams J. *The Epic of America*. Boston, Little, Brown and Company, 1931. 443 p.
15. America's Founding Documents, Declaration of Independence: A Transcription. In: *National Archives*. Available at: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript> (accessed: 15.08.2021).
16. Armstrong A., Hagel J. The Real Value of Online Communities. In: *Harvard Business Review*, 1996, vol. 74, no 5, pp. 134–141.
17. Chrystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 257 p.
18. Contreras-Garcia L., Velasco D. *Interfaces in Functional Discourse Grammar*. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, 2021. 446 p.
19. Dijk T. A. Discourse as structure and process. In: *Sage*, 1997, vol. 1, no 1, pp. 9–15.
20. Fülöp E. *Fictionality, Factuality, and Reflexivity Across Discourses and Media*. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, 2021. 266 p.

21. Graham D. An Internet in Your Head. A New Paradigm for How the Brain Works. New York, Columbia University Press, 2021. 421 p.
22. Komito L. Electronic communities in an information society: Paradise, mirage, or malaise? In: *Journal of Documentation*, 2001, no. 57 (1), pp. 115–129.
23. Lord G. Review of Computer-Mediated Communication: Human-to-Human Communication Across the Internet. In: *Language Learning & Technology*, 2003, vol. 7, no. 3, pp. 30–33.
24. Richards C. Hypermedia, internet communication, and the challenge of redefining literacy in the electronic age. In: *Language Learning & Technology*, 2000, vol. 4, no. 2, pp. 54–71.
25. Salerno D. A semiotic theory of memory: between movement and form. In: *Semiotica*, 2021, vol. 1, no. 241, pp. 87–119.
26. Seržant I. Typology of partitives. In: *Linguistics*, 2021, vol. 59, no. 4, pp. 881–947.
27. Varma S. Strategies and Leadership Values in Obama's Apology Discourse. In: *Open Linguistics*, 2020, vol. 6, no. 1, pp. 463–481.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 16.08.2021

Статья размещена на сайте: 28.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борисова Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент Департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры зарубежной филологии Московского городского педагогического университета; e-mail: ivb66@yandex.ru

Inna V. Borisova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation; Assoc. Prof., Department of Foreign Philology, Moscow City University; e-mail: ivb66@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Борисова И. В. Языковые средства репрезентации понятия «американская мечта» в современном англоязычном интернет-дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Borisova I. V. Linguistic means of representing the "American dream" concept in the modern English-language internet discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81.42

Дёмкина Ю. А., Кислякова Е. Ю.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400005, г. Волгоград, Проспект им. В. И. Ленина, д. 27, Российская Федерация

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА (НА ПРИМЕРЕ КЛЮЧЕВЫХ АВТОРСКИХ КОНЦЕПТОВ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление языковых и стилистических средств репрезентации индивидуально-авторской картины мира в произведениях Генри Джеймса.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ ключевых авторских концептов в творчестве Генри Джеймса и средств их репрезентации. При проведении исследования применены методы концептологического анализа, компонентно-семантического анализа, обобщения словарных дефиниций, метод сплошной выборки, логический метод, сравнительный метод.

Результаты. Выявлены стилистические приёмы объективизации концептов «испорченность», «лицемерие», «опыт»; приёмы выразительности, с помощью которых создаётся имплицитная информация в поэтическом тексте.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в лингвоконцептологию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

концепт, испорченность, лицемерие, опыт, концептосфера, авторская ассоциация, противопоставление, аксиологическая характеристика

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Концепт «испорченность»](#)

[Концепт «лицемерие»](#)

[Концепт «опыт»](#)

[Закключение](#)

Yu. Demkina, E. Kislyakova

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 prospekt im. V. I. Lenina, Volgograd 400005, Russian Federation*

REPRESENTATION OF THE INDIVIDUAL AUTHOR'S WORLD-VIEW IN THE WORK OF HENRY JAMES (BASED ON KEY AUTHOR'S CONCEPTS)

ABSTRACT

Aim. Identification of linguistic and stylistic representational means of the individual author's picture of the world in the works of Henry James.

Methodology. The main content of the research is the analysis of the key-author's concepts in the work of Henry James and the means of their representation. The methods of conceptual analysis, component-semantic analysis, generalization of dictionary definitions, continuous sampling method, logical method, and comparative method were used in the study.

Results. Stylistic techniques of objectification of the concepts "depravity", "hypocrisy", "experience" are identified. expressiveness, used to create implicit information in a poetic text, is analysed.

Research implications. The results of the study contribute to linguoconceptology.

KEYWORDS

concept, corruption, hypocrisy, experience, conceptsphere, author's association, opposition, axiological characteristic

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической науке всё больший интерес проявляется к исследованиям сознания как средства отражения объективной реальности и картины мира как концептуальной основы сознания.

В связи с этим развивается направление «когнитивная лингвистика», имеющее своей целью изучение отношений между языком и мышлением. В настоящее время в рамках когнитивной лингвистики существует множество концепций и подходов.

Основными для данного направления являются вопросы о роли языка в процессе познания и осмысления мира, о соотношении концептуальных систем с языковыми, о роли языка в процессах обработки, получения и передачи информации о мире, о соотношении научной и обыденной картин мира с языковой, о средствах и способах языковой категоризации и концептологизации констант культуры [7, с. 24–26].

По мнению Г. В. Колшанского, картина мира есть не что иное как совокупность знаний индивида о мире. При этом в процессе познания мира индивидом в его сознании складывается подобие «вторичного мира», которое является отражением реального мира [6, с. 103]. Особое внимание следует

обратить на то, что способом отражения является мышление, которое, в отличие от языка, имеет данную отражающую способность. Таким образом, картина мира, по мнению исследователя, является продуктом мышления, в то время как язык лишь служит для закрепления результатов деятельности мышления.

Согласно В. Б. Касевичу, картина мира носит темпоральный характер в связи с тем, что она, «закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказаться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария». По мнению исследователя, с помощью языкового инструментария могут быть созданы новые смыслы, использующие старые в качестве «строительного материала» [5, с. 179]. Одной из форм существования картины мира является так называемая языковая картина мира. «Краткий словарь когнитивных терминов» определяет языковую картину мира как «отражение в категориях (отчасти формах) языка представлений данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности в её соотношении с человеком»¹.

Г. В. Колшанский отмечает, что язык только фиксирует отражение реальности, а не создаёт картины мира самостоятельно. Согласно мнению исследователя, «вся структура языка может сопоставиться со структурой мира ... ; картина мира как совокупность знаний человека о мире подменяется картиной мира, существующей в языке, т. е. “языковой картиной мира”» [6, с. 103].

Ряд исследователей проводит параллель между двумя картинами мира: языковой и национальной. Так, например, В. И. Карасик определяет языковую картину мира как «целостную совокупность образов действительности в коллективном сознании» [4]. Согласно В. П. Рудневу, автору «Словаря культуры XX века», «картину мира» также возможно выделить, описать и реконструировать как у нации или этноса, так и у отдельного индивида, а также у любой социальной или профессиональной группы².

На данной основе мы считаем возможным разделение понятий «национальная картина мира» и «индивидуальная картина мира». «Национальная картина мира» понимается нами как совокупность представлений народа об объективной реальности, сложившаяся в ходе истории данного народа. «Индивидуальная картина мира» является совокупностью когнитивных схем, используемых индивидом в процессе восприятия и понимания мира, и включает в себя «национальную картину мира», а также индивидуальные элементы, сформированные в результате обработки индивидом явлений объективной реальности.

¹ Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац. М.: Издательство Московского государственного университета, 1996. С. 245.

² Руднев В. П. Словарь культуры 20 века. М.: Аграф, 1999. С. 384.

Однако в связи с тем, что когнитивные схемы как таковые, не связанные с их описаниями при помощи языковых средств [9], являются предметом изучения психологии и не могут быть отражены в художественном тексте, мы считаем необходимым обозначить, что под термином «картина мира» в данном исследовании понимается «языковая картина мира», т. е. совокупность представлений о мире, опредмеченная в языке.

Таким образом, можно заключить, что термины «картина мира» и «индивидуально-авторская картина мира» соотносятся как общее и частное. Индивидуально-авторская картина мира вербализуется в тексте как в способе когнитивного кодирования мира, имеет отражённый характер и может частично совпадать с «национальной картиной мира». Индивидуально-авторская картина мира субъективна и несёт в себе черты языковой личности её создателя.

В связи с этим исследование художественных произведений современной и классической литературы на предмет авторского понимания различных «концептов» и «категорий» приобретает особое значение.

В. И. Карасик определяет «концепт» как «первичное культурное образование, выражающее объективное содержание слов и имеющее смысл», и утверждает, что они «транслируются в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы понятийного, образного и деятельностного освоения мира» [4, с. 77]. Представители другой научной школы, Воронежской, а именно З. Д. Попова и И. А. Стернин, трактуют «концепт» как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания». По их мнению, содержание того или иного концепта в сознании носителей можно определить, проанализировав языковые выражения, которыми концепт реализуется в языке [8, с. 3].

Однако зачастую при изучении языковой картины мира определённого автора исследователями, на наш взгляд, не принимаются во внимание возможность и степень влияния, оказываемого на неё национальной картиной мира. Таким образом, индивидуально-авторская картина мира изучается «в вакууме», изолированно от национальной картины, что, по нашему мнению, снижает степень объективности и соответствия реальности полученных результатов исследований.

По нашему мнению, действительно объективными могут считаться исследования, рассматривающие национальную картину мира в качестве «субстрата» для индивидуальной картины мира каждого из носителей конкретной лингвокультуры. Более того, данный субстрат усваивается не целиком, а только теми его частями, которые являются релевантными полученному индивидуумом опыту. Именно эти компоненты находят своё выражение в языковой картине мира человека.

Особый интерес для исследователя в таком случае представляют языковые средства репрезентации индивидуальной картины мира как отражения

и преломления национальной картины мира индивидуальным жизненным опытом.

Нам представляется, что наиболее наглядным материалом для изучения языковых средств репрезентации национальной картины мира в ретроспективе являются произведения художественной литературы. Особый интерес представляют произведения авторов, чей жизненный опыт позволяет охватить наиболее широкую область национальной картины мира. Таким автором является Генри Джеймс, чей жизненный путь позволяет нам рассматривать его индивидуально-авторскую картину мира в качестве отражения как американских, так и британских культурных элементов.

Таким образом, нами была поставлена цель выявления языковых и стилистических средств репрезентации индивидуально-авторской картины мира в произведениях Г. Джеймса. В соответствии с целью были сформулированы задачи:

1. определить основные темы в творчестве Г. Джеймса;
2. определить понятия «картина мира» и «индивидуально-авторская картина мира»;
3. определить понятия «концепт» и «индивидуально-авторский концепт»;
4. раскрыть содержание концептов «испорченность», «лицемерие», «опыт» в произведениях Г. Джеймса;
5. выявить языковые средства репрезентации индивидуально-авторской картины мира в произведениях Г. Джеймса.

Материалом для исследования послужили романы Г. Джеймса «Европейцы»³, «Американец»⁴, «Золотая ваза»⁵ и др. Выбор произведений был продиктован необходимостью проследить развитие и становление индивидуально-авторской картины мира на протяжении творческого пути автора.

В основу нашей исследовательской работы был положен принцип триангуляции, т. е. рассмотрение явления с двух и более сторон, что определило циклический характер исследования и возможность многократного использования некоторых методов в ходе работы для проведения схожих процедур. В связи с тем, что основной метод исследования, концептологический анализ, является комплексным, нами был использован ряд частных методов в рамках его проведения.

Таким образом, приоритетными методами исследования для данной работы стали:

1. метод концептологического анализа;
2. метод компонентно-семантического анализа;

³ James H. The Europeans. London: Classic Collection, 2014. 361 p.

⁴ James H. The American. New York: Signet Classics, 2005. 402 p.

⁵ James H. The Golden Bowl. Ann Arbor: Proquest LLC, 2011. 560 p.

3. метод обобщения словарных дефиниций;
4. метод сплошной выборки;
5. логический метод;
6. сравнительный метод.

КОНЦЕПТ «ИСПОРЧЕННОСТЬ»

Ранее нами уже было проведено исследование концепта «испорченность» как национального и индивидуально-авторского концепта англоязычной лингвокультуры. Результаты данного исследования представлены в ряде публикаций [1; 2].

Проведённый нами анализ позволяет утверждать, что рассмотренные в хронологическом порядке произведения демонстрируют постепенную трансформацию признаков исследуемого концепта. Так, например, в акционном и вербальном поведении героев средства негативного влияния на коммуниканта видоизменяются от намеренного использования его в собственных целях до ненамеренного воздействия общества «испорченных» людей, ведущих «испорченные» разговоры (сплетни, интриги, клевета), на других [2, с. 2].

Средствами репрезентации концепта «испорченность» в произведениях Г. Джеймса выступают эпитеты, антитеза, метафора, сравнение, градация, параллельные конструкции [2, с. 3].

Особо стоит отметить использование Джеймсом жанра готического рассказа в одном из произведений, а именно в *“The Turn of the Screw”*⁶, как особого средства репрезентации концепта «испорченность». Повесть, являясь образцом готической литературы, характеризуется полным отсутствием соответствующих ужасающих характеристик: готических развалин, зловещих предзнаменований, ночного времени действия [3]. Но, что самое важное, нехарактерными являются главные герои произведения: дети. Это кажущееся несоответствие законам жанра привлекает внимание к совершенно новым средствам достижения ужасающего эффекта, используемым автором: нечёткость сознания, неясность восприятия, размытость границ между реальностью и вымыслом, между добром и злом.

КОНЦЕПТ «ЛИЦЕМЕРИЕ»

Лицемерие, с одной стороны, как порок, присущий человеку вне зависимости от этнической принадлежности, носит глобальный характер. С другой стороны, данная личностная характеристика зачастую приписывается англичанам и американцам, т. е. носителям англоязычной культуры. Данный факт, несомненно, увеличивает интерес к изучению концепта «лицемерие»

⁶ James H. *The Turn of the Screw*. London: Penguin Group, 1994. 120 p.

в рамках английской лингвокультуры в целом и в рамках творчества Генри Джеймса, одного из ярчайших её представителей, в частности. С целью выявления характеристик, присущих концепту «лицемерие» в англоязычной лингвокультуре, нами были проанализированы словарные дефиниции следующих лексем синонимического ряда с доминантой «hypocrisy» (лицемерие): «deceit» (хитрость), «dishonesty» (лживость), «fraud» (подделка), «mockery» (глумление), «double-dealing» (двуличие), «sanctimony» (ханжество), «imposture» (обман).

В ходе анализа мы выявили, что единицы представленного синонимического ряда имеют следующий сходный набор семантических признаков: «недоверие», «отклонение от моральных или этических норм», «притворство», «двуличие», «отсутствие искренности», «меркантильное поведение». Таким образом, «лицемерие» в понимании носителей англоязычной лингвокультуры – это «двуличие или притворство, имеющее своей целью финансовую или другую выгоду».

Стоит отметить, что национальный концепт «лицемерие» имеет в сознании носителей английской лингвокультуры неоднозначную коннотацию. С одной стороны, концепт «лицемерие» часто имеет негативную окраску, что выражается в частотном употреблении словосочетания «отклонение от нормы» в качестве синонима или определения лексемы «лицемерие». Однако, с другой стороны, данный концепт может пересекаться или частично совпадать с понятиями «вежливость», «такт», «правила хорошего тона». Т. е. лицемерие включает в себя и элемент «скромность» как способность воздержаться от открытых осуждений и признать возможность собственной неправоты, при этом не соглашаясь с оппонентом.

В своей книге «Наблюдая за англичанами. Скрытые правила английского поведения» Кейт Фокс определяет лицемерие в качестве одной из основных черт английского национального характера. Автор, однако, рассматривает лицемерие как результат исторически сложившегося в Англии плюрализма. По мнению К. Фокс, англоязычное сообщество в своём многообразии не могло бы сосуществовать без учтивости, подразумевающей отсутствие прямолинейности в речевом и акциональном поведении [10, р. 228]. В результате анализа произведений Генри Джеймса нами были отобраны три из них, в которых, по нашему мнению, концепт «лицемерие» отображается наиболее полно: «A Tragedy of Error»⁷, «The American»⁸, «The Europeans»⁹. Результаты проведённого анализа представлены в таблице 1.

⁷ James H. Short stories collection. London: Penguin Books, 2006. 504 p.

⁸ James H. The American. New York: Signet Classics, 2005. 402 p.

⁹ James H. The Europeans. London: Classic Collection, 2014. 361 p.

Таблица 1 / Table 1

Понятийные и эмоционально-образные признаки концепта «лицемерие» в произведениях Генри Джеймса / Conceptual and emotional-figurative signs of the concept “hypocrisy” in Henry James’ works

Произведение Характеристика	“A Tragedy of Error”	“The American”	“The Europeans”
Отсутствие открытого проявления эмоций	Закрытость, маскировка	Холодность, безразличие	Маскировка истинных эмоций показными
Эгоизм / исключительное внимание к себе	Преувеличение объёма внимания окружающих к себе	Показное пренебрежение вниманием окружающих к себе	Показное внимание к окружающим с целью привлечения их внимания к себе
Зависть / Ревность	Желание унижить другого по причине собственного несчастья или неудачи	Стремление пред- ставить себя в лучшем свете за счёт другого	Пренебрежение чувствами другого по причине ревности или зависти
Признаки, ассоциируемые с концептом «лицемерие»	«недоверчивость», «лживость», «эгоизм», «предательство», «горе», «апатия», «бледность», «сухость»	«эгоизм», «невежество», «ханжество», «хитрость»	«лживость», «наличие скрытых целей и мотивов», «излишняя любезность», «наглость», «благопристойность», «скромность»
Понятия, антонимичные концепту «лицемерие»	«радость», «искренность», «открытость», «добродетель»	«открытость», «искренность», «прямолиней- ность»	«живость», «буйство эмоций», «искрен- ность», «радость»
Содержание концепта, проявляемое в акциональном и вербальном поведении героев	Готовность в крайней ситуации совершить убийство и/или самоубийство с целью «сохранить лицо»	Готовность вести образ жизни, соответствующий «личине» независимо от ситуации	Утверждение, что лицемерие имеет своё оправдание в любой ситуации

Как следует из таблицы, концепт «лицемерие» в произведениях Г. Джеймса приобретает новые характеристики с течением времени. Если в начале творческого пути автора концепт может быть охарактеризован как «защитное лицемерие», то в последующем он перерастает в «лицемерие как образ жизни».

Так, в «Трагедии ошибок»¹⁰ лицемерие служит спасительным плотом, созданным героями с целью уберечь себя от необходимости признать свою неверность, которую они сравнивают с кораблекрушением. При этом они указывают, что тонущим не свойственно обращать внимание на тех, кто также тонет («When a ship goes to pieces on those rocks out at sea, the poor devils who are pushing their way to land on a floating spar, don't bestow many glances on those who are battling with the waves beside them»). Более того, понимая, что идут ко дну, они хотят затянуть на дно и других («When we've lost hope ourselves, we want to make others sink»).

Т. е., согласно автору, лицемерие главных героев является результатом сочетания эгоизма как нежелания нести ответственность за измену и зависти как неспособности пережить превосходство другого. Эгоизм героев и страх перед разоблачением также заставляет их преувеличивать значение внимания со стороны окружения, ощущать, что все обязательно ждут возможности их разоблачить («is there any lack of kind friends to give him the good news of his wife's death?»). Накопившееся напряжение в конце концов выливается в готовность главной героини совершить самоубийство («I have half a mind to drown myself literally») или убить мужа. Однако это, по мнению Г. Джеймса, является не самым страшным проявлением лицемерия. Более серьёзным, с точки зрения автора, становится не столько способность пренебречь своей жизнью или жизнью другого человека, сколько готовность жить чужой жизнью, создав себе «лицо».

Так, в романе «Американец»¹¹ главный герой при путешествии в Европу создаёт себе образ, которому пытается следовать, прилагая усилия, однако, только к внешнему соответствию. Например, он представляет себя ценителем высокого искусства, но не утруждается узнать истинное значение или даже цену произведения, которое он покупает, за что иронично характеризуется автором как «недоразвитый ценитель» (undeveloped connoisseur).

Г. Джеймс в своих произведениях показывает двоякую природу лицемерия, демонстрируя, что данный концепт может как часть социального договора входить в концепт «вежливости», т. е., например, светского этикета. Так, в романе «Европейцы»¹² две героини обращаются к третьей по имени исключительно в её присутствии, хотя между собой называют её «она» («Charlotte and Gertrude acquired considerable facility in addressing her, directly, as "Eugenia;" but in speaking of her to each other they rarely called her anything but "she"»). Более того, очевидно неискренние слова баронессы Евгении воспринимаются остальными героями как вежливость и таким образом одобряются («She certainly expressed a willingness to come," said Mr. Wentworth. – "That was only politeness," Gertrude rejoined. – "Yes, she is very polite—very polite," said Mr. Wentworth»). Таким образом, можно сказать, что Г. Джеймс в своём

¹⁰ James H. Short stories collection. London: Penguin Books, 2006. 504 p.

¹¹ James H. The American. New York: Signet Classics, 2005. 402 p.

¹² James H. The Europeans. London: Classic Collection, 2014. 361 p.

творчестве обращает внимание на обе стороны концепта «лицемерие», которые представлены в его общенациональном понимании (см., напр., “The Ambassadors”¹³, “The Ivory Tower”¹⁴, “The Reverberator”¹⁵).

Однако нами было установлено, что авторское понимание концепта «лицемерие» является более широким, чем общенациональное. Это отображено в составленной нами таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Общенациональные и индивидуально авторские компоненты концепта «лицемерие» в произведениях Генри Джеймса / National and individual components of the concept “hypocrisy” in the Henry James’ works

Компонент	Основное (общенациональное) содержание	Дополнительное (индивидуально-авторское) содержание
Отношение к концепту с точки зрения моральных законов	Негативное	Негативное
Отношение к концепту с точки зрения этических законов	Нейтральное	Одобрительное
Эгоизм/исключительное внимание к себе	Меркантильное поведение	Преувеличение объёма внимания окружающих к себе; Показное пренебрежение вниманием окружающих к себе; Показное внимание к окружающим с целью привлечения их внимания к себе
Зависть / Ревность	Не отмечается	Пренебрежение чувствами другого; желание унижить другого в случае собственной неудачи
Отсутствие открытого проявления эмоций	Недоверие, двуличие, отсутствие искренности	Маскировка истинных эмоций показными
Акциональное проявление концепта	Ложь, измена, мелкий обман	Убийство, самоубийство, предательство, клевета
Признаки, ассоциируемые с концептом «лицемерие»	«недоверие», «отклонение от моральных или этических норм», «притворство», «двуличие», «отсутствие искренности», «меркантильное поведение»	«недоверчивость», «лживость», «эгоизм», «предательство», «горе», «апатия», «бледность», «сухость», «невежество», «ханжество», «хитрость», «наличие скрытых целей и мотивов», «излишняя любезность», «наглость», «благопристойность», «скромность»

¹³ James H. The Ambassadors. London: Penguin Books, 2003. 405 p.

¹⁴ James H. The Ivory Tower. New York: New York Review Books, 2004. 345 p.

¹⁵ James H. The Reverberator. Eastbourne: Gardners Books, 2007. 254 p.

Компонент	Основное (общенациональное) содержание	Дополнительное (индивидуально-авторское) содержание
Понятия, антонимичные концепту «лицемерие»	«честность», «искренность», «открытость»	«радость», «искренность», «открытость», «добродетель» «прямолинейность» «живость», «буйство эмоций»

Как видно из приведённой выше таблицы, Г. Джеймс дополняет и углубляет ряд характеристик, присущих концепту «лицемерие» в рамках его общенационального понимания.

Так, автор проводит чёткую границу в отношении проявлений концепта с точки зрения моральных и этических норм. Если в первом случае лицемерие обладает исключительно негативной коннотацией, то во втором аксиологический признак концепта является более положительным. Т. е., по мнению автора, существует определённая доля социально приемлемого лицемерия, которое обозначается словом «вежливость».

Г. Джеймс также расширяет компонент «эгоизм» в составе концепта «лицемерие», выводит его за пределы меркантильного поведения, которое входит в общенациональный концепт «лицемерие». Автор включает в данный концепт также показное пренебрежение вниманием к себе и показное внимание к окружающим для извлечения выгоды, тем самым утверждая, что «лицемерие» может иметь своей целью не только финансовую выгоду. Более того, по мнению Г. Джеймса, зависть и ревность могут также являться движущей силой для лицемерного поведения, выражающегося в желании самоутвердиться за счёт другого путём унижения или пренебрежения. Отсутствие открытого проявления эмоций, в свою очередь, расширяется в произведениях автора до подмены истинных эмоций показными.

Особенно стоит обратить внимание на акциональные проявления концепта «лицемерие», которые приобретают в произведениях Г. Джеймса больший масштаб, чем в рамках общенационального концепта. Если в сознании носителей англоязычной лингвокультуры концепт «лицемерие» предусматривает такие акциональные проявления, как ложь, измена и мелкий обман, то в исследованных произведениях Г. Джеймса он находит своё проявление в клевете, предательстве, убийстве и самоубийстве.

Таким образом, можно утверждать, что Г. Джеймс выводит концепт «лицемерие» за пределы его общенационального понимания. При этом автор использует широкий спектр выразительных средств. Одним из самых распространённых (35%) средств репрезентации концепта «лицемерие» является антитеза («We were speaking metaphorically: I have half a mind to drown myself literally»). Высокий процент (≈22%) также составляет метафора («When

a ship goes to pieces on those rocks out at sea, the poor devils who are pushing their way to land on a floating spar, don't bestow many glances on those who are battling with the waves beside them. Their eyes are fastened to the shore, and all their care is for their own safety»). С целью объективизации концепта «лицемерие» автор также пользуется параллельными конструкциями (20%) («It had that typical vagueness which is not vacuity, that blankness which is not simplicity, that look of being committed to nothing in particular, of standing in an attitude of general hospitality to the chances of life, of being very much at one's own disposal so characteristic of many American faces») и эпитетами ($\approx 14\%$) («by a restless glance»). Доля лексических повторов («Oh, it shall be finished in perfection; in the perfection of perfections»), зевгм («in a minute and extremely neat hand»), приложений («She met her mistress descending the stairs, combed, cloaked, and veiled, with no traces of agitation, but a very pale face») и иронии («is there any lack of kind friends to give him the good news of his wife's death?») составляет 9%.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что Г. Джеймс в своих произведениях расширяет и уточняет лингвокультурное содержание общенационального концепта «лицемерие», используя такие средства его репрезентации, как эпитет, антитеза, метафора, параллельные конструкции, лексический повтор, зевгма, приложение, ирония.

КОНЦЕПТ «ОПЫТ»

Согласно нашим данным, исследование концепта «опыт» как национального концепта англоязычной лингвокультуры не было проведено. По этой причине мы считаем необходимым выявить основные семантические и аксиологические особенности данного концепта в английской лингвокультуре конца XIX – начала XX вв.

Для выполнения этой задачи нами был проведён анализ лексикографических источников. В синонимический ряд с доминантой «experience» (опыт) входит следующий ряд слов: maturity, patience, skill, understanding, wisdom, caution, familiarity, sophistication. Анализ словарных дефиниций позволяет выявить ряд семантических признаков единиц данного синонимического ряда: «знание», «навык, полученный с течением времени», «умение размышлять», «здравый смысл», «принятие решений».

Таким образом, «опыт» в английской лингвокультуре определяется как «знание или навыки, полученные в течение жизни и позволяющие принимать решения, сообразуясь со здравым смыслом». Однако следует также обратить внимание на оценочный компонент национального концепта «опыт». В ходе анализа ассоциативного поля лексической единицы «experience» (опыт) нами была выявлена тенденция к отрицательному отношению носителей англоязыч-

ной лингвокультуры к данному концепту: отрицательно окрашенные ассоциации преобладают по отношению к позитивно окрашенным в соотношении 4:1.

Большинство носителей англоязычной лингвокультуры ассоциируют опыт с такими прилагательными, как «painful» (болезненный), «unpleasant» (неприятный), «traumatic» (травмирующий), «frightening» (пугающий), а также смежными эмоциональными концептами «pain» (боль), «sadness» (грусть), «boredom» (скука) [10, p. 228].

На основе полученных данных мы считаем возможным сделать вывод, что концепт «опыт» в англоязычной лингвокультуре понимается как совокупность знаний или навыков, полученных в течение жизни и позволяющих действовать согласно здравому смыслу. Как правило, опыт приписывается индивидам старшего возраста и противопоставляется таким понятиям, как «невежество», «безрассудство», «незрелость». Особо стоит отметить, что данному концепту свойственна интроспекция в связи с тем, что абсолютное большинство лексем, составляющих перцептивно-образный компонент данного концепта, отражает эмоции и переживания самого субъекта, обладающего или получающего опыт. Более того, данный концепт обладает негативными аксиологическими характеристиками и связан в сознании носителей с болезненными или пугающими переживаниями.

В творчестве Г. Джеймса концепт «опыт», по нашему мнению, является доминантным в ряде таких произведений, как «Женский портрет»¹⁶, «Золотая ваза»¹⁷ и «Княгиня Казамассима»¹⁸. В результате анализа данных произведений нами были выявлены понятийные и эмоционально-образные признаки концепта «опыт», которые представлены в таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

Понятийные и эмоционально-образные признаки концепта «опыт» в произведениях Генри Джеймса / Conceptual and emotional-figurative signs of the concept “experience” in the Henry James’ works

Произведение Характеристика	«The Portrait of a Lady»	«The Princess Casamassima»	«The Golden Bowl»
Предпочтение размышления действию	Слабо выражено	Сильно выражено	Сильно выражено
Аксиологические характеристики	Героями может выражаться нейтральное, позитивное или негативное отношение к концепту	Героями может выражаться нейтральное или негативное отношение к концепту	Героями выражается исключительно отрицательное отношение к концепту

¹⁶ James H. The Portrait of a Lady. London: Penguin Books, 2003. 364 p.

¹⁷ James H. The Golden Bowl. Ann Arbor: Proquest LLC, 2011. 560 p.

¹⁸ James H. The Princess Casamassima. London: Penguin Books, 2009. 486 p.

Произведение Характеристика	«The Portrait of a Lady»	«The Princess Casamassima»	«The Golden Bowl»
Интроспективность	Сильно выражена	Сильно выражена	Сильно выражена
Признаки, ассоциируемые с концептом «опыт»	«величие», «чувства», «горе», «просвещение», «скромность», «рассудительность», «спокойствие», «мудрость»	«амбиции», «отсутствие самоуверенности», «страх», «горе», «возраст», «спокойствие», «трезвый рассудок»	«горе», «страх», «боль», «горечь», «яд», «старость», «слезы»
Понятия, антонимичные концепту «опыт»	«высокомерие», «нескромность», «воображение», «простота», «счастье», «молодость», «вера»	«уверенность», «простота», «новизна», «бедность», «вера», «счастье»,	«счастье», «радость», «молодость», «уверенность»
Содержание концепта, проявляемое в акциональном и вербальном поведении героев	Готовность к самопожертвованию ради счастья другого	Готовность к смирению и конформистскому поведению	Готовность к смирению и конформистскому поведению

Как следует из таблицы, концепт «опыт» в творчестве Г. Джеймса проходит трансформацию от «активного смирения», которое подразумевает самопожертвование, до «пассивного смирения», которое выражается в созерцательном смирении, не готовом к активному действию.

Так, в романе «The Portrait of a Lady»¹⁹ главной героиней с возрастом приобретаются такие акциональные проявления концепта «опыт», как самопожертвование, готовность прийти на помощь, готовность смириться со своей горькой судьбой. Стоит отметить, что в данном произведении концепту «опыт» присущ весь спектр аксиологических характеристик, от позитивных («Experience, however, might supply us with very creditable imitations of it, and the part of wisdom was to make the best of these») и нейтральных («her manner expressed the repose and confidence which come from a large experience») до негативных («I mean full of experience – of people's feelings and sorrows. And not of their sorrows only, for I've been very happy here as a child»).

В связи с этим в тексте присутствуют порой кажущиеся противоречивыми ассоциативные связи. Например, наличие жизненного опыта, по мнению автора, придаёт речи героини Миссис Тачетт оттенок большей скромности, чем могли бы иметь эти же слова в устах персонажа с меньшим опытом («On the lips of a person less advanced in life and less enlightened by experience than

¹⁹ James H. The Portrait of a Lady. London: Penguin Books, 2003. 364 p.

Mrs. Touchett such a declaration would savour of immodesty, even of arrogance»). Таким образом, Г. Джеймс раскрывает способность опыта: создавая ореол мудрости и истинности, влиять на восприятие не только человека – носителя опыта, – но и его слушателя.

Однако с течением времени автор меняет собственное понимание концепта «опыт», и в романе *“The Princess Casamassima”*²⁰ данный концепт предстаёт уже в более отрицательном своём проявлении. В первую очередь это отношение находит своё выражение в таких отрицательно окрашенных ассоциациях, как «страх», «горе», «отсутствие уверенности». Но наряду с негативными ассоциациями в данном произведении ещё сохраняются редкие положительно оцениваемые компоненты: «превосходство рассудка над чувством» и «спокойствие».

Особое внимание стоит также обратить на «высокие амбиции» как компонент опыта. Хотя автор не даёт прямой оценки данной ассоциации, ироничность её описания («If the first impression it had given Hyacinth was to make him feel strangely transported, he need not have been too much agitated, for this was the effect the Princess Casamassima produced upon persons of a wider experience and greater pretensions») даёт возможность предположить, что отношение к ней скорее отрицательное, нежели положительное.

В романе *“The Princess Casamassima”*²¹ также можно отметить разительную перемену – переход от активных действий к размышлению, молчаливому смирению и приверженности пути наименьшего сопротивления. Эта тенденция сохраняется также в романе более позднего периода *“The Golden Bowl”*²². Однако, как уже было указано выше, концепт «опыт» приобретает со временем более негативные характеристики, и в данном произведении он ассоциируется с исключительно отрицательно окрашенными явлениями: «горе», «страх», «боль», «горечь», «старость», «слезы», «яд».

Таким образом, можно заключить, что в понимании Г. Джеймса концепт «опыт» подразумевает отказ от активных действий в пользу конформизма, смирения, размышления и самосозерцания. Особенно интересно то, что во всех исследованных нами произведениях неизменно присутствовал интроспективный компонент, который постепенно приобретал всё более значительное место в структуре концепта «опыт».

На основе анализа ряда произведений автора (см., напр., *“The Ambassadors”*²³, *“The Ivory Tower”*²⁴, *“The Reverberator”*²⁵) нами был сделан вывод, что Г. Джеймс расширяет и уточняет данное понимание концепта инди-

²⁰ James H. *The Princess Casamassima*. London: Penguin Books, 2009. 486 p.

²¹ James H. *The Princess Casamassima*. London: Penguin Books, 2009. 486 p.

²² James H. *The Golden Bowl*. Ann Arbor: Proquest LLC, 2011. 560 p.

²³ James H. *The Ambassadors*. London: Penguin Books, 2003. 405 p.

²⁴ James H. *The Ivory Tower*. New York: New York Review Books, 2004. 345 p.

²⁵ James H. *The Reverberator*. Eastbourne: Gardners Books, 2007. 254 p.

видуально-авторскими элементами, что отражено в составленной нами таблице 4.

Таблица 4 / Table 4

Общациональные и индивидуально авторские компоненты концепта «опыт» в произведениях Генри Джеймса / National and individual components of the concept "experience" in the Henry James' works

Компонент	Основное (общациональное) содержание	Дополнительное (индивидуально-авторское) содержание
Предпочтение размышления действию	Отсутствует	Присутствует
Аксиологические характеристики	В основном негативные	В основном негативные
Интроспективность	Присутствует	Присутствует
Признаки, ассоциируемые с концептом «опыт»	«боль», «грусть», «скука»	«горе», «страх», «боль», «горечь», «яд», «старость», «слёзы», «амбиции», «отсутствие самоуверенности», «трезвый рассудок», «величие», «чувства», «просвещение», «скромность», «рассудительность», «спокойствие», «мудрость»
Понятия, антонимичные концепту «опыт»	«невежество», «безрассудство», «незрелость»	«высокомерие», «нескромность», «воображение», «простота», «счастье», «вера», «уверенность», «новизна», «бедность», «радость», «молодость»
Содержание концепта, проявляемое в акциональном и вербальном поведении героев	Способность принимать решения, сообразуясь со здравым смыслом	Готовность к смирению и конформистскому поведению
Наиболее частотные сочетания с лексемой «опыт»	«painful» (болезненный), «unpleasant» (неприятный), «traumatic» (травмирующий), «frightening» (пугающий)	«rich» (богатый), «crude» (грубый), «queer» (странный), «large» (огромный), «exquisite» (изысканный) «long» (долгий/длинный) «wide» (широкий/обширный), «great» (великий)

Как видно из приведённой таблицы, в понимании Г. Джеймса концепт «опыт» имеет несколько другой набор характеристик, чем в его общациональном понимании. Так, индивидуально-авторскому концепту «опыт» свойственна интроспективность, которая присуща и общациональному

концепту, но при этом степень направленности размышлений и действий героев произведений автора на самих себя значительно выше. Более того, данная направленность перерастает в смирение, созерцательное отношение к окружающему миру и событиям жизни, а также в неготовность предпринимать какие-либо активные действия для изменения сложившейся ситуации.

Следует отметить, что Г. Джеймс расширяет общенациональный концепт «опыт», вводя более широкий спектр ассоциируемых с ним понятий. При этом часть из них (такие как «страх», «горечь», «яд», «старость», «слёзы», «амбиции», «отсутствие самоуверенности», «трезвый рассудок», «величие», «чувства», «горе», «просвещение», «скромность», «рассудительность», «спокойствие», «мудрость») не присуща общенациональному пониманию концепта «опыт» и является индивидуально-авторскими компонентами. Расширение концепта «опыт» происходит также посредством уточнения антонимичных ему понятий, а именно: «высокомерие», «нескромность», «воображение», «простота», «счастье», «вера», «уверенность», «новизна», «бедность», «радость», «молодость».

Особый интерес при изучении индивидуально-авторского понимания Г. Джеймсом концепта «опыт» представляет необщепринятая сочетаемость лексемы «опыт», применяемая автором. Так, в исследованных нами произведениях присутствуют следующие авторские сочетания: «*crude experience*» (грубый опыт), «*queer experience*» (странный опыт), «*exquisite experience*» (изысканный опыт). При этом необходимо отметить, что во всех указанных случаях лексема «*experience*» употребляется в качестве неисчисляемого существительного, что свидетельствует о том, что автор подразумевает не «единичный случай или событие», но «совокупность знаний и практически усвоенных навыков, умений». Таким образом, автор наделяет концепт «опыт» рядом неприсущих ему в общенациональном понимании характеристик: «грубость», «странность», «изысканность», — что также, по нашему мнению, расширяет понимание данного концепта.

С целью точного выражения индивидуально-авторского концепта «опыт» Г. Джеймс пользуется рядом выразительных средств. Одним из самых распространённых (35%) средств репрезентации концепта «опыт» является эпитет («*His quality was a mixture of the effect of rich experience; Ah, you're a brilliant pair, Madame Grandoni remarked, with a laugh of long experience*»). Высокий процент (≈33%) составляет также антитеза («*He had certainly had a great experience of men, but there was an almost rustic simplicity in the faint smile that played upon his lean, spacious cheek and lighted up his humorous eye as he at last slowly and carefully deposited his big tea-cup upon the table*»). Метафора (≈12%) («*"You want to drain the cup of experience."* "No, I don't wish to touch the cup of experience. It's a poisoned drink! I only want to see for myself"») и приложение (5%) («*I mean full of experience – of people's feelings and sorrows. And not of their sorrows only, for I've been very happy here as a child*») также

выступают как средства объективизации концепта. На параллельные конструкции («To the discovery of it, to the knowledge of it, to the crude experience of it») приходится ≈6%, в то время как на сравнение («If she hadn't supremely believed in the majestic value of the nurse, whose experience was in itself the amplest of pillows, just as her attention was a spreading canopy from which precedent and reminiscence dropped as thickly as parted curtains») только 5%. Оставшиеся 4% составляют ирония («her choice was made apparently from a large experience»), лексический повтор («The equivalent was a rich experience, an experience which would become richer still as he should talk it over, in a low chair, close to hers, with the allcomprehending, all-suggesting lady of his life») и говорящие имена (Felix Young).

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что Г. Джеймс в своих произведениях расширяет и уточняет лингвокультурное содержание общенационального концепта «опыт», используя такие средства его объективизации, как эпитет, антитеза, метафора, приложение, параллельные конструкции, сравнение, ирония, лексический повтор, использование говорящего имени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа компонентного состава исследуемых концептов «испорченность», «лицемерие», «опыт» нами была составлена схема (рис. 1) их соотношения в индивидуально-авторской картине мира Г. Джеймса.

Рис. 1 / Fig. 1. Сочетание концептов в произведениях Г. Джеймса / Correlation of concepts in the H. James' works

Как видно из представленной схемы, ключевые концепты авторской картины мира Г. Джеймса имеют такие общие элементы, как «старость», «горе», «эгоизм». Однако количество подобных совпадений ограничено, из чего можно сделать вывод, что ядро индивидуально-авторской картины мира Г. Джеймса является обширным образованием, включающим около 39 уникальных, индивидуально-авторских компонентов, а также около 20 общенациональных компонентов.

Средствами репрезентации индивидуально-авторской картины мира в творчестве Генри Джеймса выступает широкая палитра стилистических приёмов, которую мы представили в виде таблицы 5.

Таблица 5 / Table 5

Средства репрезентации индивидуально-авторской картины мира в творчестве Генри Джеймса / Means of representing the individual author's picture of the world in the Henry James' work

Концепт Стилистический приём	Концепт «испорченность»	Концепт «лицемерие»	Концепт «опыт»
Эпитет	405 ед. (54%)	219 ед. (≈14%)	357 ед. (35%)
Антитеза	225 ед. (30%)	547 ед. (35%)	337 ед. (≈33%)
Метафора	75 ед. (10%)	344 ед. (≈22%)	122 ед. (≈12%)
Сравнение	22 ед. (3%)	Отсутствует	51 ед. (5%)
Градация	15 ед. (≈2%)	Отсутствует	Отсутствует
Параллельные конструкции	7 ед. (<1%)	313 ед. (20%)	61 ед. (≈6%)
Лексический повтор	Отсутствует	35 ед. (≈2%)	21 ед. (≈2%)
Зевгма	Отсутствует	3 ед. (<1%)	Отсутствует
Приложение	Отсутствует	102 ед. (≈7%)	51 ед. (5%)
Ирония	Отсутствует	2 ед. (<1%)	20 ед. (≈2%)

Подводя итог вышеизложенному, мы считаем возможным заключить, что индивидуально-авторская картина мира Генри Джеймса имеет нуклеарную структуру, содержащую ключевые концепты «испорченность», «лицемерие», «опыт», а в качестве основных средств её репрезентации в произведениях автора выступают эпитеты, антитеза, метафора, параллельные конструкции, приложения, сравнения, лексические повторы.

Полученные данные могут быть использованы для комплексного анализа творчества Г. Джеймса и его вклада в мировую культуру, а также для исследования концептов «испорченность», «лицемерие», «опыт» в английской лингвокультуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дёмкина Ю. А. Концепт «испорченность» в повести Генри Джеймса «Поворот винта» // СТРИЖ: студенческий электронный журнал. 2018. № 6 (23). С. 23–26.
2. Дёмкина Ю. А. Концепт «испорченность» в творчестве Генри Джеймса // Наука XXI века. 2019. № 7. С. 1–4.
3. Ильина О. А. Понятие греха в произведении Генри Джеймса «Поворот винта» // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 5-1 (5). С. 86–89.
4. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сборник статей / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 75–80.
5. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 279 с.
6. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 108 с.
7. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 293 с.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1999. 30 с.
9. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
10. Fox K. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder & Stoughton, 2004. 424 p.

REFERENCES

1. Demkina Yu. A. [The concept of “depravity” in the novel by Henry James “The Turn of the Screw”]. In: *StRIZH: studentcheskii elektronnyi zhurnal* [StRIZH: Student electronic magazine], 2018, no. 6 (23), pp. 23–26.
2. Demkina Yu. A. [The concept of “depravity” in the work of Henry James]. In: *Nauka XXI veka* [Science of the XXI century], 2019, no. 7, pp. 1–4.
3. Il'ina O. A. [The Concept of Sin in Henry James' «The Turn of the Screw»]. In: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International research journal], 2012, no. 5-1 (5), pp. 86–89.
4. Karasik V. I., Slyshkin G. G. [Linguocultural concept as a research unit]. In: Sternin I. A., ed. *Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2001, pp. 75–80.
5. Kasevich V. B. *Buddizm. Kartina mira. Yazyk* [Buddhism. Picture of the world. Language]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1996. 279 p.

6. Kolshansky G.V. *Ob'ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* [Objective picture of the world in knowledge and language]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 108 p.
7. Maslova V. A. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2018. 293 p.
8. Popova Z. D., Sternin I. A. *Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The notion of "concept" in linguistic studies]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1999. 30 p.
9. Postovalova V.I. [Picture of the world in human life]. In: Serebrennikov B. A., ex. ed. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in the language. Language and picture of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 8–69.
10. Fox K. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. London, Hodder & Stoughton, 2004. 424 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 28.05.2021

Статья размещена на сайте: 21.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дёмкина Юлия Александровна – магистрант кафедры английского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета; e-mail: yuliyademkina@mail.ru

Кислякова Евгения Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета; e-mail: kisjen@rambler.ru

Yulia A. Demkina – Master's Degree Student, Department of English and teaching methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University; e-mail: yuliyademkina@mail.ru

Evgenia Yu. Kislyakova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of English and teaching methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University; e-mail: kisjen@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Дёмкина Ю. А., Кислякова Е. Ю. Репрезентация индивидуально-авторской картины мира в творчестве Генри Джеймса (на примере ключевых авторских концептов) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Demkina Yu. A., Kislyakova E. Yu. Representation of the individual author's world-view in the work of Henry James (based on key author's concepts). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-69267 от 29.03.2017 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания <https://www.evestnik-mgou.ru>

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (Elibrary.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Вестник Московского государственного областного университета» обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Глазунова А. А.

Технический редактор:

Глазунова А. А.

Переводчик:

Юрышева Н. Г.

Корректор:

Гладунов И. К.

Компьютерная вёрстка и системное администрирование сайта:

Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, каб. 98.
Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 1740,
<https://evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».